

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ

Московский журнал международного права является профессиональной трибуной, открытой для различных точек зрения по вопросам толкования и применения норм современного международного права. Журнал нацелен на консолидацию творческих усилий юристов, представляющих российскую и зарубежную науку международного права в ее прогрессивном развитии и позитивном воздействии на международно-правовую практику. В журнале публикуются также результаты исследований национального права, в том числе иностранного, в общем контексте действия международного права.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Александр Николаевич ВЫЛЕГЖАНИН

заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Дмитрий Владимирович ИВАНОВ

(первый заместитель) кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Владимир Алексеевич КАРТАШКИН

заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора прав человека, Институт государства и права, Российская академия наук (Москва, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Аслан Хусейнович АБАШИДЗЕ

заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права, Российский университет дружбы народов (Москва, Российская Федерация)

Уильям БАТЛЕР

доктор права, заслуженный профессор Школы права и международных отношений им. Джона Эдварда Фоулера, Университет штата Пенсильвания (Юниверсити-Парк, США)

Сергей Владимирович БАХИН

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Пол БЕРКМАН

доктор юридических наук, профессор, ассоциированный член ЮНИТАР, руководитель Арктического проекта Фулбрайт, Арктический университет Норвегии (Университет Тромсё) (Тромсё, Норвегия)

Лариса Владиславовна ВЕРЕИНА

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Душко ДИМИТРИЕВИЧ

доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник, Институт международной политики и экономики (Белград, Сербия)

Лотар ДЕТЕРМАН

доктор права, лектор факультета права Калифорнийского университета в Беркли (Беркли, США)

Сергей Алексеевич ЕГОРОВ

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права, Дипломатическая академия МИД России (Москва, Российская Федерация)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Анатолий Васильевич ТОРКУНОВ

Академик Российской Академии наук, член Президиума Российской Академии наук, ректор МГИМО МИД России, доктор политических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Михаил Михайлович БИРЮКОВ

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры европейского права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Алексей Николаевич БОРИСОВ

кандидат политических наук, заведующий кафедрой ЮНЕСКО, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Виталий Семенович ИВАНЕНКО

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Светлана Юрьевна КОЛОСОВА

магистр права, полковник юстиции в отставке, Государственно-общественное объединение «Московский Дом ветеранов войн и Вооруженных сил» (Москва, Российская Федерация)

Вячеслав Николаевич КУЛЕБЯКИН

кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Александр Игоревич МУРАНОВ

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного частного и гражданского права им. С.Н. Лебедева, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Людмила Васильевна ПАВЛОВА

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры международного права факультета международных отношений, Белорусский государственный университет (Минск, Белоруссия)

Марат Алдангорович САРСЕМБАЕВ

доктор юридических наук, профессор, Центральная избирательная комиссия Республики Казахстан (Астана, Казахстан)

Геннадий Петрович ТОЛСТОПЯТЕНКО

доктор юридических наук, профессор, первый проректор, профессор кафедры административного и финансового права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Андрей Адамович ТРЕБКОВ

заслуженный юрист СССР, кандидат юридических наук, председатель, Международный союз юристов (Москва, Российская Федерация)

Владимир Васильевич УСТИНОВ

заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, Полномочный представитель Президента Российской Федерации в Южном федеральном округе (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Анна Ивановна ИВАНЧАК

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры международного частного
и гражданского права им. С.Н. Лебедева, Московский государственный
институт международных отношений (Университет) МИД России
(Москва, Российская Федерация)

Алексей Александрович КОСТИН

кандидат юридических наук, Председатель МКАС и МАК при ТПП РФ,
профессор кафедры международного частного и гражданского права,
Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Цзэнцзюн КУАН

профессор международного права, Китайский институт приграничных и
морских исследований, Уханьский университет (Ухань, КНР)

Геннадий Иринархович КУРДЮКОВ

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры
международного и европейского права, Казанский (Приволжский)
федеральный университет (Казань, Российская Федерация)

Дмитрий Константинович ЛАБИН

доктор юридических наук, профессор кафедры международного права,
Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Лев Александрович ЛАЗУТИН

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой
международного и европейского права, Уральский государственный
юридический университет (Екатеринбург, Российская Федерация)

Евгений Григорьевич ЛЯХОВ

Заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры
конституционного и международного права, Российская таможенная
академия (Москва, Российская Федерация)

Александр Борисович МЕЗЯЕВ

доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой
конституционного и международного права, Университет управления
"ТИСБИ" (Казань, Российская Федерация)

Алексей Александрович МОИСЕЕВ

доктор юридических наук, вице-президент, Российская ассоциация
международного права (Москва, Российская Федерация)

Юрий Эдуардович МОНАСТЫРСКИЙ

доктор юридических наук, партнер, юридическая фирма
«Монастырский, Зюба, Степанов и Партнеры»
(Москва, Российская Федерация)

Рейн МЮЛЛЕРСОН

доктор юридических наук, профессор, президент Академии права,
Таллинский университет (Таллин, Эстония)

Борис Иванович НЕФЁДОВ

доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры международного права, Московский университет
МВД России имени В. Я. Кикотя (Москва, Российская Федерация)

Тим ПОТЬЕ

доктор права, профессор и старший научный сотрудник Школы права и
дипломатии им. Флетчера, Университет Тафтса (Массачусетс, США)

Низами Абдулла оглу САФАРОВ

доктор юридических наук, заведующий отделом административного и
военного законодательства, Аппарат Милли Меджлиса (Парламента)
Азербайджанской республики (Баку, Азербайджан)

Владислав Леонидович ТОЛСТЫХ

доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой
международного права юридического факультета, Новосибирский
государственный университет (Новосибирск, Российская Федерация)

Владимир Михайлович ШУМИЛОВ

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой междуна-
родного права, Всероссийская академия внешней торговли
Министерства экономического развития России
(Москва, Российская Федерация)

Марк Львович ЭНТИН

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой
европейского права, Московский государственный институт
международных отношений (Университет) МИД России
(Москва, Российская Федерация)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Анна Ивановна ЕФИМОВА

Ph.D. (политические науки), доцент департамента политической науки,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа
экономики» (Москва, Российская Федерация)

Плата за публикацию

Публикация в журнале для авторов бесплатна.
Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать
материалов.

Московский журнал международного права зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуника-
ций 09.12.2000, свидетельство о регистрации: № 77-5895

ISSN (print): 0869-0049

ISSN (online): 2619-0893

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные ре-
зультаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора
наук.

Журнал включен в РИНЦ

Подписной индекс в каталоге «Роспечать» 70893

Периодичность: 4 раза в год

Учредители: Международный союз общественных объединений юристов
«Международный союз юристов»; Федеральное государственное авто-
номное образовательное учреждение высшего образования «Московский
государственный институт международных отношений (университет) Ми-
нистерства иностранных дел Российской Федерации»

Сайт: <http://mjil.ru>

Адрес: 119454, Российская Федерация, пр. Вернадского, д. 76, ком. 146

E-mail: mjil@mgimo.ru

Тел.: +7 (495) 229-38-23

Подписано в печать 26.09.2022 г.

Тираж: 1000 экземпляров

Заказ № 1031

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии

и множительной техники МГИМО МИД РФ

119454, Москва, пр. Вернадского, д. 76

Выпускающий редактор номера – Н.Ю. Молчаков

Верстка – Д.Е. Волков

© «Московский журнал международного права», 2022

ABOUT THE JOURNAL

The Moscow Journal of International Law is a professional tribune open for various points of view on the interpretation and application of the norms of modern international law. The Journal is aimed at consolidation of creative efforts by lawyers who represent the Russian and foreign science of international law in its progressive development and positive impact on international legal practice. The journal also publishes the results of studies of national law, including foreign law, in the general context of application of international law.

EDITORIAL BOARD

EDITOR-IN-CHIEF

Alexander N. Vylegzhanin

Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the International Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

DEPUTY EDITORS-IN-CHIEF

Dmitry V. Ivanov

Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the International Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

Vladimir A. Kartashkin

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Chief Researcher at the Human Rights Sector, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences (*Moscow, Russian Federation*)

EDITORIAL BOARD MEMBERS

Aslan Kh. Abashidze

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the International Law Department, Peoples' Friendship University of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

William Butler

Doctor of Laws, the John Edward Fowler Distinguished Professor of Law, Pennsylvania State University (*University-Park, USA*)

Sergei V. Bakhin

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the International Law Department, Saint-Petersburg State University (*Saint-Petersburg, Russian Federation*)

Paul Berkman

Paul Berkman - Doctor of Laws, Professor, UNITAR Associated Fellow, Fulbright Arctic Chair in Tromsø with the Arctic University of Norway (*Tromsø, Norway*)

Duško Dimitrijević

Doctor of Laws, Principal Research Fellow, Institute of International Politics and Economics (*Belgrade, Serbia*)

Lothar Determann

Dr., Lecturer at the UC Berkeley School of Law, The University of California, Berkeley (*Berkeley, USA*)

Sergey A. Egorov

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor at the International Law Department, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

Mark L. Entin

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the European Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

EDITORIAL COUNCIL

PRESIDENT

Anatoly V. Torkunov

Doctor of Political Sciences, Professor, Rector of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Academician of the Russian Academy of Sciences, member of the Presidium of the Russian Academy of Sciences (*Moscow, Russian Federation*)

MEMBERS OF THE EDITORIAL COUNCIL

Mikhail M. Biryukov

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor at the European Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

Alexey N. Borisov

Candidate of Political Sciences, Head of the UNESCO Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

Vitaly S. Ivanenko

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the International Law Department, Saint-Petersburg State University (*Saint-Petersburg, Russian Federation*)

Svetlana Yu. Kolosova

Master of Laws, Retired Lieutenant Colonel of Justice, Public and Private Partnership Moscow House of Veterans of War and Armed Forces (*Moscow, Russian Federation*)

Vyacheslav N. Kulebyakin

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor at the International Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

Alexander I. Muranov

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Private International and Civil Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

Ludmila V. Pavlova

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Professor at the International Law Department of the Faculty of International Relations, Belarusian State University (*Minsk, Belarus*)

Marat A. Sarsembaev

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Central Election Commission of the Republic of Kazakhstan (*Astana, Kazakhstan*)

Gennady P. Tolstopyatenko

Doctor of Laws, Professor, Vice-Rector, Professor of the Administrative and Financial Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

Andrey A. Trebkov

Candidate of Juridical Sciences, Head of the International Union of Lawyers (*Moscow, Russian Federation*)

Anna I. Ivanchak

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor at the Private International and Civil Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
(Moscow, Russian Federation)

Alexey A. Kostin

Candidate of Laws, Chairman of the International Commercial Arbitration Court at the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation, Professor of the Private International and Civil Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow, Russian Federation)

Zengjun Kuang

Professor of International Law, China Institute of Boundary and Ocean Studies, Wuhan University (Peoples Republic of China)

Gennady I. Kurdyukov

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor at the International and European Law Department, Kazan Federal University
(Kazan, Russian Federation)

Dmitry K. Labin

Doctor of Juridical Sciences, Professor at the International Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow, Russian Federation)

Lev A. Lazutin

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the International and European Law Department, Ural State Law University
(Yekaterinburg, Russian Federation)

Eugene G. Lyakhov

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor at the Constitutional and International Law Department, Russian Customs Academy
(Moscow, Russian Federation)

Alexander B. Mezyaev

Doctor of Juridical Sciences, Head of the Department of International Law, University of Management TISBI (Kazan, Russian Federation)

Alexey A. Moiseev

Doctor of Juridical Sciences, Vice-President, Russian International Law Association (Moscow, Russian Federation)

Yuri Ed. Monastyrsky

Doctor of Juridical Sciences, Partner, Monastyrsky, Zyuba, Stepanov & Partners Law Firm (Moscow, Russian Federation)

Rein Müllerson

Doctor of Laws, Professor, President of Law School, Tallinn University
(Tallinn, Estonia)

Boris I. Nefyodov

Doctor of Laws, Associate Professor, Professor of the International Law Department, Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation)

Nizami A. oglu Safarov

Doctor of Juridical Sciences, Head of the Administrative and Military Law Department, National Assembly of the Republic of Azerbaijan
(Baku, Azerbaijan)

Tim Potier

Doctor of Laws, Professor of International Law and Senior Fellow, Fletcher School of Law and Diplomacy, Tufts University (Massachusetts, USA)

Vladislav L. Tolstykh

Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the International Law Department, Novosibirsk State University
(Novosibirsk, Russian Federation)

Vladimir M. Shumilov

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the International Law Department, Russian Foreign Trade Academy of the Ministry for Economic Development of Russia (Moscow, Russian Federation)

Larisa V. Vereina

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the International Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
(Moscow, Russian Federation)

ASSISTANT EDITOR**Anna I. Yefimova**

Ph.D. in Political Science, Associate Professor of the Political Science Department, National Research University Higher School of Economics
(Moscow, Russian Federation)

Vladimir V. Ustinov

Doctor of Juridical Sciences, Presidential Envoy to the Southern Federal District (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Author fees

Publication in «Moscow Journal of International Law» is free of charge for all the authors.

The journal doesn't have any Article processing charges.

The journal doesn't have any Article submission charges.

Moscow Journal of International Law was registered as mass media by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications on the 9th of December, 2000.

Registration certificate: № 77–5895

ISSN (print): 0869-0049

ISSN (online): 2619-0893

The Journal is on the List of leading peer-reviewed academic journals and editions where key scholarly results of Cand. Sci. and Dr. Sci. theses should be published.

The Journal has been included in the Russian Science Citation Index (RSCI).

Subscription Index: 70893

Publication Frequency: Quarterly

Founders: International Union of Lawyers; Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Web-site: <http://mjil.ru>

Address: 76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454

E-mail: mjil@mgimo.ru

Tel.: +7 (495) 229-38-23

Circulation: 1000 copies

Executive editor – Nikita Yu. Molchakov

Typography – Dmitry E. Volkov

© «Moscow Journal of International Law», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Ястребова А.Ю.
Отдельные подходы к системе специальных принципов
международного гуманитарного права: содержание и
эволюция

ПРАВО МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Марусин И.С.
Вступление в силу Договора о запрещении ядерного
оружия 2017 г. и международно-правовые ограничения
на его применение

МЕЖДУНАРОДНОЕ ВОЗДУШНОЕ ПРАВО

Иванов Д.В., Донаканян В.Г.
Совет ИКАО как орган по разрешению споров:
теоретические и практические проблемы

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА

Зиланов В.К., Киенко Е.В., Луговская А.А.
Современные международно-правовые вопросы
предотвращения нерегулируемого рыболовства
в Арктике

Милюкова М.А.
Возобновляемые источники энергии:
международно-правовые механизмы сотрудничества
государств – членов ЕС

МЕЖДУНАРОДНОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРАВО

Ливиев Н.М., Зименкова О.Н.
Брачно-семейное законодательство Израиля:
предпосылки возникновения и развития

МЕЖДУНАРОДНОЕ СПОРТИВНОЕ ПРАВО

Захарова Л.И.
Структурное и функциональное взаимодействие
международного права и *lex sportiva* и технические
приемы трансформации их норм

МЕЖДУНАРОДНОЕ МОРСКОЕ ПРАВО

Рузакова В.И.
«Морская технология»: содержание термина по смыслу
Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.

CONTENTS

ISSUES OF THEORY OF INTERNATIONAL LAW

6 *Alla Yu. Yastrebova*
Particular Approaches to the System of International
Humanitarian Law Special Principles: Substance and
Evolution Международное гуманитарное право

INTERNATIONAL SECURITY LAW

19 *Igor S. Marusin*
Entry into Force of the 2017 Treaty on the Prohibition of
Nuclear Weapons and International Legal Restrictions on
its Use

AIR LAW

33 *Dmitry V. Ivanov, Vladislav G. Donakanyan*
The ICAO Council as a Dispute Settlement Body:
Theoretical and Practical Issues

INTERNATIONAL ENVIRONMENTAL LAW

49 *Vyacheslav K. Zilanov, Elena V. Kienko,
Anna A. Lugovskaya*
International Legal Issues of Preventing Unregulated
Fishing in the Arctic

68 *Maria A. Milyukova*
Renewable Energy Sources: International Legal
Mechanisms for Cooperation between the EU Member
States

INTERNATIONAL AND NATIONAL LAW

89 *Natan M. Liviev, Olga N. Zimenkova*
Familial and Marital Law of the State of Israel: Premises
of the Establishment and Development

INTERNATIONAL SPORTS LAW

100 *Larisa I. Zakharova*
Structural and Functional Interaction between
International Law and *lex sportiva* and Technical
Methods of Transforming their Norms

LAW OF THE SEA

119 *Valeria I. Ruzakova*
«Marine Technology»: Content of the Term under the
1982 UN Convention on the Law of the Sea

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2022-3-6-18>

Исследовательская статья
Поступила в редакцию: 01.06.2022
Принята к публикации: 10.08.2022

Алла Юрьевна ЯСТРЕБОВА

Дипломатическая академия МИД России

Остоженка ул., д. 53 / 2, стр. 1, Москва, 119021, Российская Федерация

allayastrebova@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3324-9956

ОТДЕЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К СИСТЕМЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПРИНЦИПОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА: СОДЕРЖАНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ

ВВЕДЕНИЕ. Перечень и содержание отраслевых (специальных) принципов международного гуманитарного права представляют значительный научный интерес. Наряду с традиционными правовыми подходами, сегодня выдвигаются дополнительные теоретические аргументы для включения в систему принципов МГП защиты окружающей среды и ответственности должностных лиц и военнослужащих за военные преступления. Кроме того, уточняется список запретов МГП для воюющих сторон в качестве общих международно-правовых правил при ведении вооруженных конфликтов.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Данное исследование базируется на научных трудах российских и зарубежных правоведов в сфере международного гуманитарного права и юридическом анализе универсальных международно-правовых актов. Методологические основы представлены как общенаучными методами познания (анализ и синтез, индукция и дедукция, моделирование и систематизация), так и специально-правовыми методами (сравнительно-правовой и формально-юридический методы).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Проведенная систематизация принципов международного гуманитарного права выявила сочетание

дифференцированных правовых концепций, каждая из которых обладает определенной научной ценностью. Представляется значимым обобщение международно-правовых источников и тенденций, складывающихся в системе ООН по поводу возможного расширения перечня указанных принципов.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. В рамках данной публикации автор предлагает объективные оценки сложившихся научных подходов к понятию и содержанию отраслевых (специальных) принципов международного гуманитарного права. Отдельно рассматриваются формы международно-правового сотрудничества государств по созданию института ответственности за военные преступления и итоги Нюрнбергского военного трибунала в контексте предупреждения нарушений МГП. Комплементарные правовые основы функционирования современных международных судов обусловлены сочетанием национальной и межгосударственной юрисдикции в указанной сфере.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: принципы международного гуманитарного права, предупреждение нарушений международного гуманитарного права, запреты международного гуманитарного права для воюющих сторон, кодификация

международного права, назначение и юрисдикция международных военных трибуналов

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ястребова А.Ю. 2022. Отдельные подходы к системе специальных принципов международного гуманитарного

права: содержание и эволюция. – *Московский журнал международного права*. № 3. С. 6–18. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2022-3-6-18>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

ISSUES OF THEORY OF INTERNATIONAL LAW

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2022-3-6-18>

Alla Yu. YASTREBOVA

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
53/2-1, ul. Ostozhenka, Moscow, Russian Federation, 119021
allayastrebova@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3324-9956

Research article
Received 1 June 2022
Approved 10 August 2022

PARTICULAR APPROACHES TO THE SYSTEM OF INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW SPECIAL PRINCIPLES: SUBSTANCE AND EVOLUTION

INTRODUCTION. *The list and the contents of branch (special) principles of IHL are considered to be a current subject of study. Along with the traditional legal approaches, the study forward additional theoretical arguments to include the environmental protection and the responsibility of officials and militaries for war crimes in the system of IHL principles. Besides that, it is obvious that the record of IHL prohibitions to belligerents as general international legal rules to conduct hostilities, is refined.*

MATERIALS AND METHODS. *The above study is based both on scientific researches of Russian and foreign authors in the field of IHL and analysis of international legal acts on universal level. Methodological basis of research includes general scientific methods (analysis and synthesis, induction and deduction, modeling and systematization) and*

special legal methods (legal comparativistics, formal legal).

RESEARCH RESULTS. *Completed systematization of IHL principles shows combination of different legal concepts, either of which has a certain scientific value. It looks important to summarize the international legal sources and trends taking place in UN system in order to expand the list of the mentioned principles.*

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *In frames of this study the author is proposing the impartial assessments of established scientific approaches to definition and contents of IHL branch (special) principles. Both the forms of international legal cooperation of states to create an institution of responsibility for war crimes and the results of Nuremberg military tribunal regarding prevention of IHL violations are examined separately. The complimentary legal grounds of modern*

international courts functioning are determined by combination of national and interstate jurisdiction in the above field.

KEYWORDS: *international humanitarian law principles, prevention of international humanitarian law violations, international humanitarian law prohibitions to belligerents, codification of international law, purpose and jurisdiction of international military tribunals*

FOR CITATION: Yastrebova A.Y. Particular Approaches to the System of International Humanitarian Law Special Principles: Substance and Evolution. – *Moscow Journal of International Law*. 2022. No. 3. P. 6–18. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2022-3-6-18>

The author declares the absence of conflict of interest.

1. Введение.

Как известно, принципы отдельных отраслей международного права представляют собой обобщенные правовые начала, определяющие специфику взаимодействия государств в той или иной сфере. Л.П. Ануфриева справедливо замечает, что «наряду с задачами и функциями только принципы (т. е. юридические нормы, обладающие иерархически более высоким положением, чем обычные правила поведения и выраженные вовне как таковые), в состоянии дать ответ на вопрос о выделении отрасли (подотрасли) в международном праве» [Ануфриева 2020:34]. Зачастую само понятие международного гуманитарного права (МГП) ассоциируется с правом, применяемым в период вооруженных конфликтов. Это вполне объяснимо, поскольку современное МГП основано, в том числе, на кодификации законов и обычаев ведения войны. Классики международного публичного права (Г. Гроций, Ф.Ф. Мартенс) справедливо обосновали существование во время межгосударственных войн особого рода отношений и норм общения воюющих сторон, устанавливающих специфику международно-правовых обязательств, отличную от принципов сотрудничества в мирное время [Гроций 1956; Мартенс 2008:186–251]. Указанный комплекс международно-правовых норм, регламентирующий правила поведения воюющих сторон, именуется Гаагским правом. Одновременно МГП включает в себя совокупность норм, обеспечивающих защиту жертв вооруженных конфликтов, которая получила название Женевского права.

В целом под современным МГП можно понимать систему международно-правовых принци-

пов и норм обычного и договорного происхождения, имеющих целью регулирование отношений между сторонами вооруженных конфликтов по поводу средств и методов их ведения и защиты жертв войны, а также основ деятельности держав-покровительниц и международных организаций в указанных условиях. А.С. Безнасюк указывает также, что «международное гуманитарное право регулирует статус отдельных категорий лиц, так или иначе вовлеченных в вооруженный конфликт» [Безнасюк 2009:44]. Правовой статус комбатантов и жертв войны также составляет существенную часть современного МГП.

Стоит заметить, что такое *jus in bello* (право, применяемое в войне), которое традиционно было основано на возможности произвольного использования государствами вооруженной силы в качестве средства разрешения политических, территориальных и экономических споров, сегодня не существует. Оно может отождествляться только с нормами Гаагского права, кодифицировавшего обычные правила поведения воюющих сторон при вооруженных конфликтах. Устав ООН 1945 г.¹ обозначает в качестве одного из основополагающих принципов сотрудничества государств мирное разрешение международных споров (ч. 3 ст. 2; ст. 33). Состояние вооруженного конфликта, тем не менее, требует применения в полном объеме действующих принципов и норм МГП.

2. Дифференцированные правовые подходы к принципам МГП: современное понимание.

К отраслевым принципам МГП могут быть отнесены: гуманизация условий вооруженных

¹ Устав ООН от 26 июня 1945 г. Доступ: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 15.05.2022).

конфликтов; ограничение методов их ведения и выбора средств воюющими сторонами; охрана окружающей среды; обеспечение защиты жертв войны, гражданских объектов и культурных ценностей, статуса нейтральных государств; ответственность должностных лиц и военнослужащих за нарушение норм Гаагского и Женевского права. Научная дискуссия об отраслевых принципах МГП продолжается; при этом в ней можно наблюдать сочетание различных правовых подходов, в том числе по вопросам обобщения указанных принципов, их включения в число императивных норм международного права, уточнения базовых норм в сфере МГП и соотношения запретов и принципов в этой области. На некоторых аспектах этой дискуссии мы остановимся в настоящем исследовании.

В своей деятельности по современной кодификации императивных норм (*jus cogens*) международного права Комиссия международного права (КМП) ООН на 71-й сессии в 2019 г. дебатировала расширение их списка, в том числе посредством приобщения к нему основных норм международного гуманитарного права. Рассмотрев предложенную повестку, КМП пришла к выводу, что «существуют очевидные проблемы, касающиеся неопределенности в отношении *jus cogens* и основных норм международного гуманитарного права, особенно в отношении того, какие нормы международного гуманитарного права квалифицируются как «наиболее базовые» и в силу этого отвечают критериям *jus cogens*»². Продолжением дискуссии КМП на 73-й сессии в 2022 г. стало включение основных норм МГП в «неисчерпывающий перечень норм», которые считаются императивными³. В докладе КМП говорится, что дефиниции «правила», «нормы» и «принципы» могут быть использованы в качестве синонимов (комментарий 8 к выводу 1 «Сфера охвата»). Здесь речь идет об определенной группе норм МГП, выступающих основой для понимания его общего содержания. Представляется, что речь идет именно о специальных принципах МГП. В частности, при обсуждении

были отмечены основные нормы, связанные с защитой гражданских лиц в условиях вооруженных конфликтов.

Э. Давид полагает, что дополнительная обязанность государств «заставлять соблюдать» Женевские конвенции о защите жертв войны 1949 г. «также является аргументом в пользу такого толкования: речь идет о настолько важных текстах, что государства должны не только их применять, но и следить за тем, чтобы в случае вооруженного конфликта они применялись всеми остальными государствами» [Давид 2011:104]. Со своей стороны, И.А. Ледях считает обязательство соблюдения норм МГП в защиту жертв войны его базовым принципом, который имеет императивную юридическую природу, присущую *jus cogens*, и направлен на защиту человеческих ценностей при вооруженном конфликте [Ледях 2017:141]. Зарубежные ученые-международники определяют цель МГП как «обеспечение уважения к наиболее базовым для людей ценностям, таким как достоинство, сообщество и свобода от страданий», представляющим позицию человеческого общества в условиях военных действий [Crowe, Weston-Scheuber 2013:3]. На наш взгляд, дифференциация базовых и вторичных принципов МГП имела бы смысл при существовании правовых источников, имеющих особую юридическую природу. Обособление наиболее значимых, по мнению указанного автора, принципов среди остальных может поставить вопрос о том, почему отдельные международно-правовые нормы, формирующие Женевское право, должны занимать приоритетное место в МГП. С другой стороны, рассмотрение специальных принципов МГП в качестве *jus cogens* может стать сильным аргументом для усиления обязанностей воюющих сторон предупреждать и пресекать его нарушения.

Показательным моментом МГП остается возможность использования такого источника, как международный обычай, что относится прежде всего к принципу обеспечения защиты жертв войны. Так, ч. 2 ст. 1 Дополнительного протокола I

² Комиссия международного права ООН: Четвертый доклад об императивных нормах общего международного права (*jus cogens*), подготовленный Специальным докладчиком Дире Тлади. 31.01.2019. Доступ: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N19/024/35/PDF/N1902435.pdf?OpenElement> (дата обращения: 15.05.2022).

³ Комиссия международного права ООН: Императивные нормы общего международного права (*jus cogens*): тексты проектов выводов и приложения, принятые Редакционным комитетом во втором чтении. 11.05.2022. Доступ: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/LTD/G22/339/02/PDF/G2233902.pdf?OpenElement> (дата обращения: 15.05.2022).

1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г.⁴ устанавливает, что в случаях, не предусмотренных Протоколом или другими международными договорами, гражданские лица и комбатанты остаются под защитой принципов международного права, которые проистекают из установившихся обычаев, принципов гуманности и требований общественного сознания. Согласно Приложению к резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 60 / 147 от 16 декабря 2005 г.⁵, само обязательство уважать и обеспечивать уважение норм МГП вытекает как из международных договоров, участником которых является государство, так и из обычного международного права и национального законодательства (ст. 1). Нужно отметить, что вышеуказанная формулировка Дополнительного протокола I полностью имплементирована в ст. 5 Наставления по международному гуманитарному праву для Вооруженных сил Российской Федерации, утвержденного Министром обороны 8 августа 2001 г.⁶

В повестку дня 71-й сессии КМП также вошел отдельным пунктом доклад о защите окружающей среды в связи с вооруженными конфликтами, включивший проекты принципов такой защиты⁷. Сводный проект принципов (Приложение I) предлагает в качестве цели улучшение защиты окружающей среды в связи с вооруженными конфликтами, в том числе с помощью превентивных мер для минимизации ущерба окружающей среде и восстановительных мероприятий. Также государствам рекомендуется на основании соглашений или иным образом «специально обозначать в качестве охраняемых зон районы, имеющие важное экологическое и культурное значение».

Можно заметить, что принципы МГП находятся под воздействием эволюции достаточно перспективных отраслей международного пу-

бличного права. К ним принадлежит международное экологическое право, и в данном контексте правоведы рассматривают природную среду в мирное и военное время как объект защиты, предусмотренный его нормами одновременно с действующими стандартами прав человека. Ими частично показано взаимодействие между содержанием МГП, международных договоров в сфере экологии и правом индивида на здоровую окружающую среду, определяемым в соответствии со ст. 25 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. [Vincze 2017:38].

Представляется, что подобно международно-правовой защите культурных ценностей в МГП, охрана окружающей среды базируется на таких нормативных инструментах, как:

1) принятие соответствующих универсальных международных договоров, таких как Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду 1976 г. и Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 г., действующих в мирное и военное время;

2) гарантии воюющими сторонами двух уровней защиты: общего для гражданского объекта, нападение на который запрещено в соответствии со ст. 52, 54 и 57 Дополнительного протокола I 1977 г., и специального, предусмотренного ч. 3 ст. 35 и ст. 55 Протокола I.

А.В. Кукушкина высказывает мнение о том, что положения указанного Протокола «обеспечивают охрану окружающей среды как таковой, хотя и опосредованно: защищая людей, интересам которых в международном гуманитарном праве отводится главное место» [Кукушкина 2017:96]. Н.А. Соколова определяет, что «серьезный вред, нанесенный природе в ходе ряда вооруженных конфликтов, только усиливает не-

⁴ Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, от 8 июня 1977 г. Доступ: https://www.icrc.org/ru/doc/assets/files/2013/ap_i_rus.pdf?ysclid=l7gc2eqvla418211921 (дата обращения: 15.05.2022).

⁵ ООН: Резолюция Генеральной Ассамблеи 60 / 147 и Приложение к ней от 16 декабря 2005 г. «Основные принципы и руководящие положения, касающиеся права на правовую защиту и возмещение ущерба для жертв грубых нарушений международных норм в области прав человека и серьезных нарушений международного гуманитарного права». Доступ: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/principles_right_to_remedy.shtml (дата обращения: 15.05.2022).

⁶ Наставление по международному гуманитарному праву для Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденное Министром обороны 8 августа 2001 г. Доступ: <https://base.garant.ru/191609/?ysclid=l7n6zqlca0779597852> (дата обращения: 15.05.2022).

⁷ Комиссия международного права ООН: Второй доклад по вопросу о защите окружающей среды в связи с вооруженными конфликтами, представленный Специальным докладчиком Марьей Лехто. 22.02.2019. Доступ: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N19/053/21/PDF/N1905321.pdf?OpenElement> (дата обращения: 15.05.2022).

защищенность лиц, пострадавших в результате боевых действий. Иными словами, гуманное обращение с жертвами вооруженных конфликтов, их уважение и защита требуют осторожного отношения к природной среде» [Соколова 2021:85-86].

Другая правовая позиция связана с более узким перечнем специальных принципов МГП, выражающим определенные обязательства воюющих сторон. Так, в итоговом документе Круглого стола «Международное гуманитарное право: современные проблемы и перспективы развития» (Международный форум «Развитие парламентаризма»), состоявшегося в 2018 г. в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации⁸, к ним относятся: принципы пропорциональности; проведения различий между гражданским населением и комбатантами, гражданскими и военными объектами; военной необходимости; запрет причинения излишних страданий. Н. Мельцер дополняет приведенный перечень принципами применения мер предосторожности и соразмерностью военного преимущества со случайным ущербом и опасностью для гражданского населения и гражданских объектов [Melzer 2016:17-18]. Мы считаем этот перечень значимым для формирования и правового закрепления определенной системы запретов для военнослужащих при вооруженном конфликте. Обучение таких лиц возлагается на военных командиров, которые выполняют обязанности по предупреждению и пресечению нарушений норм МГП (ст. 87 Дополнительного протокола I).

В.А. Батырь включает в систему отраслевых принципов МГП обязательство государств «уменьшить бедствия войны, насколько позволяют военные требования», согласно содержанию IV Гаагской конвенции 1907 г. Им также отмечен принцип недопустимости дискриминации, устанавливающий, что с лицами, пользующимися покровительством, следует обращаться (при любых обстоятельствах и вне зависимости от типа или происхождения вооруженного конфликта) без всякой дискриминации, независи-

мо от их расы, цвета кожи, религии, пола, имущественного положения. Этот автор предлагает разделить принципы МГП на такие группы, как системообразующие; регулирующие средства и методы вооруженной борьбы; защищающие комбатантов и гражданское население⁹. В свою очередь, В.А. Карташкин считает, что «принцип недискриминации, возникший как отраслевой принцип прав человека, распространяется в настоящее время на все отрасли международного права и должен соблюдаться всеми государствами мира. Данный принцип упоминается как обязательный и основополагающий в ряде международных договоров» [Карташкин 2018:111-118].

Действительно, отдельные положения Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г.¹⁰ содержат принцип недискриминации, который относится прежде всего к общей для них ст. 3, закрепляющей минимум норм гуманного обращения в отношении указанных лиц. Согласно ч. 1 ст. 3, единой для четырех Женевских конвенций, раненые, больные, военнопленные и гражданские лица должны «при всех обстоятельствах пользоваться гуманитарным обращением без всякой дискриминации по причинам расы, цвета кожи, религии или веры, пола, происхождения или имущественного положения или любых других аналогичных критериев».

С.К. Кхамари считает наиболее значимыми принципами МГП гуманность и военную необходимость. Он отмечает, что «МГП призвано просто ограничивать нанесение ущерба» и принцип гуманности в большей степени относится к защите жертв войны, так как последствия военных действий вполне оправданно могут предполагать разрушение, ущерб и другие жестокости¹¹. Ж. Пикте, оценивающий указанный принцип, считает, что гуманность представляет собой определенную философскую концепцию, предметом которой является человеческое существо. По его мнению, МГП происходит отчасти из норм естественного права, имеющего целью защиту основных прав и свобод человека [Pictet 1966: 461-462]. Представляется, что более точная формулировка этого принципа должна быть свя-

⁸ Круглый стол «Международное гуманитарное право: современные проблемы и перспективы развития». Международный форум «Развитие парламентаризма». 2018. С. 96. Доступ: <http://duma.gov.ru/media/files/LWwAKTAsV-wooQ3hIWpKKnnAAgVtzGOD9l.pdf> (дата обращения: 15.05.2022).

⁹ Батырь В.А. *Международное гуманитарное право: учебник для вузов*. 2-е изд. М.: Юстицинформ. 2011. С. 56-63.

¹⁰ *Женевские конвенции от 12 августа 1949 г. и Дополнительные протоколы к ним*. 5-е изд. М.: МККК. 2011.

¹¹ Khamari S.K. Fundamental principles of International Humanitarian Law. – *IPleaders: Intelligent Legal Solutions*. February 6, 2020. URL: <https://blog.ipleaders.in/international-humanitarian-law/> (accessed 15.05.2022).

зана с гуманизацией условий вооруженных конфликтов. Международное право прав человека, как известно, действует и в мирное, и в военное время, поэтому указанные права и свободы человека выступают здесь обязательствами воюющих сторон, не подлежащими отмене. Что касается содержания гуманизации, то мы считаем необходимым ограничивать воздействие последствий вооруженных конфликтов в отношении тех лиц и объектов, которые согласно своему правовому статусу исключаются из сферы военных действий и выступают наиболее уязвимыми в военных условиях.

А. Бувье предлагает в качестве «основных правил МГП», которые были выработаны на неформальной основе Международным Комитетом Красного Креста (МККК), следующее:

1) уважение права на жизнь, физическую и моральную неприкосновенность, достойное обращение для лиц, вышедших из строя и лиц, не принимающих прямого участия в военных действиях;

2) запрет убийства или причинения вреда лицам, сложившим оружие или вышедшим из строя;

3) оказание всех видов помощи раненым и больным и уважение защитных эмблем Красного Креста, Красного Полумесяца и Красного Кристалла;

4) уважение прав комбатантов и гражданского населения, находящихся во власти воюющих сторон, на жизнь, достоинство, персональные потребности и убеждения;

5) предоставление каждому индивиду права на основные юридические гарантии и достойное обращение;

6) запрет использования воюющими сторонами средств и методов ведения вооруженного конфликта, которые причиняют неоправданный ущерб или излишние страдания;

7) разграничение гражданского населения и гражданских объектов от комбатантов и военных объектов [Bouvier 2020:30-31].

Очевидна польза такого перечня для обучения военнослужащих. Стоит учесть замечание И.И. Котлярова и Ю.В. Пузыревой, что «критерием правомерной деятельности воюющих являются принципы и нормы международного и международного гуманитарного права» [Котляров, Пузырева 2012:23]. Тем не менее в случае нормативного закрепления основных правил может иметь место определенное смещение специальных принципов МГП и его отдельных

норм, входящих в Женевские конвенции 1949 г. и Дополнительные протоколы к ним 1977 г. Безусловно, для предупреждения нарушений МГП точно сформулированные правила поведения комбатантов обладают большой значимостью. Остается открытым вопрос о формировании и распространении знаний в отношении прав и гарантий покровительствуемых лиц (*protected persons*). По нашему мнению, сущностные нормы Гаагского и Женевского права, изложенные А. Бувье, могут быть включены в различные национально-правовые акты государств-участников, что предполагает различные формы имплементации международных договоров во внутрисоветском законодательстве.

3. Международно-правовые итоги деятельности Нюрнбергского военного трибунала и их влияние на формирование принципа ответственности должностных лиц и военнослужащих за нарушения МГП.

И.А. Федулкина указывает на один из важнейших шагов мирового сообщества в МГП, который состоит в «появлении международного уголовного права и международных трибуналов, созданных для пресечения серьезных нарушений гуманитарного права в форме геноцида, преступлений против человечности и военных преступлений» [Федулкина 2021:115]. Этот шаг тесно увязан с принципом ответственности должностных лиц государств и военнослужащих за нарушение норм Гаагского и Женевского права. А.Н. Вылегжанин, А.Ю. Скуратова и И.И. Синякин считают фундаментальные юридические итоги этого исторического периода, которые поддерживаются межгосударственным сообществом, частью международного правопорядка, [Вылегжанин, Скуратова, Синякин 2017:126]. М. Сассоли, оценивая МГП как «право, защищающее жертвы войны от государств и всех остальных участников военных действий» и предупреждающее такие нарушения, указывает, что во время вооруженного конфликта «лица из состава вооруженных сил всегда считаются при исполнении служебных обязанностей и никогда не действуют как исключительно частные лица» [Сассоли 2002:163,170]. Таким образом, воюющие стороны берут на себя ответственность за поведение лиц, входящих в состав их вооруженных сил (ст. 91 Дополнительного протокола I).

Сегодня, в условиях пренебрежения западными государствами основополагающими нор-

мами международного права, значение данного принципа усиливается. Министр иностранных дел Российской Федерации С.В. Лавров, выступая на заседании Попечительского совета Фонда поддержки публичной дипломатии имени А.М. Горчакова 11 марта 2020 г., указал, что «цель фальсификаторов истории Второй мировой войны – исказить устройство послевоенной системы межгосударственных отношений». Он обратил внимание на возрождение в ряде европейских стран откровенно экстремистских и неонацистских настроений, стремление подвергнуть кардинальной ревизии общепризнанные международно-правовые результаты мирового конфликта, одновременно обелить и оправдать нацистов и их приспешников¹². Российские юристы-международники указывают, что юридические основы квалификации международных преступлений и результаты судебных процессов над главными немецкими военными преступниками зафиксированы соответствующими межгосударственными правовыми актами и не подлежат отмене [Вылегжанин, Игнатенко, Скуратова 2010:53].

Сущность и значение итогов деятельности Международного военного трибунала в Нюрнберге, состоявшегося в 1945-1946 гг., уже тщательно изучены исторической и политологической наукой. Международно-правовые итоги Нюрнбергского процесса определяются такими достижениями мирового сообщества, как:

1) *Формирование правовой основы института международной уголовной юстиции.* Опыт организации и проведения международного уголовного процесса над военными преступниками нацистской Германии был использован позже при создании Советом Безопасности ООН Международного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии (1992 г.) и Международного трибунала по Руанде (1994 г.); в деятельности гибридных (смешанных)

военных трибуналов, таких как Трибунал по Ливану (2007 г.) и Чрезвычайные судебные палаты в Камбодже (2006 г.).

2) *Определение состава международных преступлений против мира, человечности и военных преступлений и установление принципа неотвратимости уголовной ответственности должностных лиц государств за нарушение норм международного права.* В приговоре Нюрнбергского международного военного трибунала указано, что такие преступления совершаются людьми и что только путем наказания лиц, ответственных за эти преступления, могут быть соблюдены установления международного права¹³. Список международных преступлений не является закрытым; запреты подобных деяний также закреплены в содержании четырех Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г. и двух Дополнительных протоколов к ним 1977 г., уставах вышеуказанных международных и гибридных трибуналов и Римском статуте Международного уголовного суда 1998 г. Особое место в международной уголовной юстиции отводится Конвенции ООН о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества 1968 г.¹⁴, ст. I которой прямо отсылает к Уставу Нюрнбергского трибунала от 8 августа 1945 г. Критерий срока давности не применяется, даже если вышеперечисленные преступные деяния не представляют собой нарушения внутреннего законодательства того государства, где они были совершены.

3) *Становление института международной ответственности государств за нарушение международно-правовых норм, построенное на особых принципах сотрудничества, сформулированных мировым сообществом после Второй мировой войны.* Международно-правовые принципы, закрепленные в Уставе Нюрнбергского трибунала, и его решения признаны межгосударственным сообществом частью действующего международного права. Это подтверждено содержанием резолюции Генеральной Ассамблеи

¹² Лавров назвал цель фальсификаторов истории Второй мировой войны. – *Известия*. 11.03.2022. Доступ: <https://iz.ru/985579/2020-03-11/lavrov-nazval-tcel-falsifikatorov-istorii-vtoroi-mirovoi-voiny> (дата обращения: 15.05.2022).

¹³ *Сборник материалов Нюрнбергского процесса над главными немецкими военными преступниками. В 2 т. Т.2.* Под ред. К.П. Горшенина, Р.А. Руденко, И.Т. Никитченко. М.: Юридическая литература. 1954. С. 992.

¹⁴ Конвенция о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества от 26 ноября 1968 г. Доступ: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/warcrimes_limit.shtml (дата обращения: 15.05.2022).

ООН 95(1) от 11 декабря 1946 г.¹⁵, где Комитету по кодификации международного права было предложено рассматривать в качестве вопроса первостепенной важности «проекты, имеющие целью формулировку и внесение принципов, признанных Статутом Нюрнбергского трибунала и нашедших выражение в его решении, в общую кодификацию преступлений против мира и безопасности человечества или в международный уголовный кодекс». Общепризнанный принцип сотрудничества государств, закрепленный в Уставе ООН 1945 г., имеет целью «избавить грядущие поколения от бедствий войны» (преамбула Устава) и действует совместно с другими принципами *jus cogens*.

Уже в положениях Гагской конвенции IV о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г.¹⁶ государствами-участниками была установлена ответственность воюющих сторон за действия лиц, которые включены в состав их вооруженных сил (ст. 3). Содержание Версальского мирного договора 1919 г. позволяло победившим государствам осуществлять национальную юрисдикцию по отношению к лицам, которые обвинялись в нарушении законов и обычаев ведения войны.

Декларация об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства¹⁷, принятая на Московской конференции министров иностранных дел СССР, Великобритании и США в октябре 1943 г., определила возможность применения национальной юрисдикции государств в отношении военных преступников вне зависимости от того, были ли их действия исполнением преступных приказов или собственной инициативой. В Московской декларации установлено, что «германские офицеры, солдаты и члены нацистской партии, которые были ответственны за вышеупомянутые зверства, убийства и казни или добровольно принимали в них участие, будут отосланы в страны, в которых были совершены их

отвратительные действия, для того, чтобы они могли быть судимы и наказаны в соответствии с законами этих освобожденных стран и свободных правительств, которые будут там созданы». Что касалось главных военных преступников, деяния которых не связаны с определенным географическим местом, то они должны быть наказаны «совместным решением правительств-союзников».

Нормативные акты Московской конференции рассматриваются как составная часть единого комплекса международно-правовых норм Нюрнбергского судебного процесса. Лондонское Соглашение правительств СССР, США, Великобритании и Франции о судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран от 8 августа 1945 г.¹⁸ содержало отсылку на вышеуказанные положения Московской декларации 1943 г. и учредило Международный военный трибунал с этой целью (ст. 1). Вместе с тем ничто в данном Соглашении не умаляло установленных Московской декларацией положений о возвращении военных преступников в страны, где ими были совершены преступления (ст. 4), так же, как компетенций и прав «национальных или оккупационных судов, которые уже созданы или будут созданы на любой союзной территории или в Германии для суда над военными преступниками» (ст. 6).

Устав Международного военного трибунала¹⁹, который составлял часть Лондонского соглашения, в разделе «Юрисдикция и общие принципы» определил классификацию и составы отдельных видов международных преступлений, таких как преступления против мира; военные преступления (нарушение законов или обычаев войны); преступления против человечности. Представляется нужным указать отдельные составы преступных деяний согласно приведенной классификации (ст. 6 Устава Трибунала):

¹⁵ ООН: Резолюция Генеральной Ассамблеи 95 (1) от 11 декабря 1946 г. «Подтверждение принципов международного права, признанных Уставом Нюрнбергского трибунала». Доступ: [https://undocs.org/ru/A/RES/95\(1\)](https://undocs.org/ru/A/RES/95(1)) (дата обращения: 15.05.2022).

¹⁶ Гагская конвенция IV о законах и обычаях сухопутной войны от 18 октября 1907 г. Доступ: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/hague-convention-iv-181007.htm> (дата обращения: 15.05.2022).

¹⁷ Сборник материалов Нюрнбергского процесса над главными немецкими военными преступниками. В 2 т. Т.1. Под ред. К.П. Горшенина, Р.А. Руденко, И.Т. Никитченко. М.: Юридическая литература. 1954. С.7-8.

¹⁸ Там же. С. 13-14.

¹⁹ Там же. С. 15-21.

1) планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений или участие в общем плане или заговоре, направленных к осуществлению любого из вышеизложенных действий;

2) убийства, истязания или увод в рабство или для других целей гражданского населения оккупированной территории; убийства или истязания военнопленных или лиц, находящихся в море; убийства заложников; ограбление общественной или частной собственности; бессмысленное разрушение городов или деревень, разорение, не оправданное военной необходимостью;

3) убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам с целью осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции Трибунала, независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет.

Значимым условием деятельности Трибунала также выступало его право признать ту или иную группу или организацию преступной. При этом компетентные национальные власти каждого государства-участника могли «привлекать к суду национальных, военных или оккупационных трибуналов за принадлежность к этой группе или организации» (ст.10). В приговоре Трибунала к таким преступным организациям была отнесена СС, использовавшаяся нацистской Германией для преследования и истребления лиц еврейского происхождения, зверств и убийств в концентрационных лагерях, эксцессов, совершавшихся при управлении оккупированными территориями, проведения программы использования рабского труда, жестокого обращения с военнопленными и их убийств²⁰. Помимо этого к преступным организациям Трибунал также отнес руководящий состав партии НСДАП, гестапо и СД. Трибунал был вправе рассматривать дела лиц, обвиняемых в преступлениях, предусмотренных ст. 6 Устава, в отсутствие обвиняемых,

если они не разысканы или если трибунал по любым основаниям признает необходимым в интересах правосудия слушать дело заочно (ст. 12 Устава). Как известно, 24 обвиняемых предстало перед Нюрнбергским трибуналом.

Помимо формирования принципа ответственности за нарушение норм МГП, значение Нюрнбергского процесса состоит также в возможности сочетания национальной юстиции и международной уголовной юрисдикции, изначально предусмотренном в его нормативно-правовой базе и выраженном сегодня в действии принципа комплементарности (дополнительности) деятельности межгосударственных судебных органов. Указанное сочетание имеет место в ч. 1 ст. 17 Римского статута Международного уголовного суда (МУС) 1998 г.²¹, где предусмотрено разграничение национальной и международной юрисдикции. По мнению зарубежных правоведов, эффективная имплементация норм МГП выступает «ключом к усилению защиты жертв вооруженных конфликтов», особенно с позиций «наличия значительного числа существенных норм и их предназначения в данной ситуации» [Sarwar 2017:51].

К сожалению, несмотря на безусловно позитивную оценку кодификации Статутом вышеприведенных основ международной юрисдикции и на расширение им списка составов военных преступлений, МУС избрал политизированный подход к своим функциям. А.Ю. Скуратова справедливо указывает на такие недостатки в его деятельности, как сфокусированность внимания на африканских государствах, расхождение между достигнутыми результатами и значительным бюджетом на содержание, сомнительные правовые позиции в отношении ситуаций в Ливии, Судане, Грузии и на Украине [Скуратова 2016:129–133]. Л.А. Лазутин и М.А. Лихачев также отмечают в качестве недостатков «вовлечение в процедуру жертв преступлений в автономном процессуальном качестве», что приводит к неизбежным противоречиям их ожиданий с оперативностью судебной процедуры и сбалансированностью интересов сторон, и многочисленные разногласия в судебском корпусе по существу

²⁰ Сборник материалов Нюрнбергского процесса над главными немецкими военными преступниками. В 2 т. Т.2. Под ред. К.П.Горшенина, Р.А.Руденко, И.Т.Никитченко. М.: Юридическая литература. 1954. С. 1036–1039.

²¹ Римский статут Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г. Доступ: [https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/rome_statute\(r\).pdf](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/rome_statute(r).pdf) (дата обращения: 15.05.2022).

рассматриваемых вопросов [Лазутин, Лихачев 2019:55]. Данные факторы повлияли на принятие Российской Федерацией решения не участвовать в Римском статуте МУС, выраженного Распоряжением Президента Российской Федерации № 361-рп в ноябре 2016 г.²². Помимо этого, в 2019 г. Российская Федерация отказалась от признания компетенции Международной комиссии по установлению фактов, создание которой определено ст. 90 Дополнительного Протокола I 1977 г.²³. Это связано с тем, что в составе комиссии, функции которой состоят в расследовании предполагаемых серьезных нарушений МГП в условиях международных вооруженных конфликтов, не присутствует российский представитель. Российская сторона фактически не могла принимать участие в ее деятельности. Представляется, что внимание должно уделяться осуществлению национальной юрисдикции государств, поскольку оно выступает в том числе и формой выполнения международно-правовых обязательств государств по МГП.

4. Заключение

Итак, к настоящему моменту список отраслевых (специальных) принципов международ-

ного гуманитарного права является предметом научной дискуссии, предполагает различные виды их классификации и может быть выражен как в узком, так и в расширенном формате. Рассмотрение в числе данных принципов защиты окружающей среды и ответственности должностных лиц и военнослужащих за нарушения норм МГП позволяет показать те международно-правовые тенденции, которые так или иначе связаны с обеспечением должного покровительства жертвам войны и с гуманизацией условий вооруженных конфликтов. Одновременно формирование перечня основных правил поведения представителей воюющих сторон и запретов МГП обуславливает разграничение между признанными правовыми началами и общими нормами в указанной сфере. Строгое соблюдение Женевского права предопределяется сочетанием национальной и международной юрисдикции в отношении нарушений МГП. Сама постановка Комиссией международного права ООН вопроса о придании базовым нормам гуманитарного права императивной силы говорит о значимости повышения уровня защиты человеческих ценностей в условиях вооруженных конфликтов.

Список литературы

1. Ануфриева Л.П. 2020. Некоторые соображения относительно отраслевых принципов в международном праве. — *Диалог*. № 2. С. 30–39.
2. Безнасюк А.С. 2009. К вопросу о статусе представителей органов военной юстиции, пребывающих в зоне вооруженного конфликта, в период осуществления Российской Федерацией миротворческой миссии. — *Российское правосудие*. № 6. С. 42–48.
3. Вылегжанин А.Н., Игнатенко Г.В., Скуратова А.Ю. 2010. Юридические итоги великой победы над фашистской Германией и современные попытки их искажения. — *Московский журнал международного права*. № 3. С. 49–75. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2010-3-49-75>
4. Вылегжанин А.Н., Скуратова А.Ю., Синякин И.И. 2017. Современное международно-правовое значение Нюрнбергского процесса (к 70-летию вынесения Приговора Нюрнбергского трибунала). — *Современное право*. № 1. С. 117–130.
5. Гроций Г. 1956. *О праве войны и мира: три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права*. М.: Госюриздат. 868 с.
6. Давид Э. 2011. *Принципы права вооруженных конфликтов: курс лекций*. 2-е изд. М.: МККК. 1144 с.
7. Карташкин В.А. 2018. Отраслевые международные принципы прав человека. — *Современное право*. № 5. С. 111–118.
8. Котляров И.И., Пузырева Ю.В. 2012. Международное гуманитарное право и модельное законодательство СНГ. — *Московский журнал международного права*. № 3. С. 18–38. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2012-3-18-38>
9. Кукушкина А.В. 2017. Международное гуманитарное право и охрана окружающей среды в период вооруженных конфликтов (международно-правовые

²² Распоряжение Президента Российской Федерации № 361-рп от 16 ноября 2016 г. «О намерении Российской Федерации не стать участником Римского статута Международного уголовного суда». — *Собрание законодательства Российской Федерации*. 21.11.2016. № 47. Ст. 6630.

²³ Федеральный закон от 12 ноября 2019 г. № 368-ФЗ «Об отзыве заявления, сделанного при ратификации Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I)». — *Собрание законодательства Российской Федерации*. 18.11.2019. № 46. Ст. 6414.

- аспекты). — *Международная аналитика*. № 2. С. 94–103. DOI: <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2017-02-94-103>
10. Лазутин Л.А., Лихачев М.А. 2019. Международный уголовный суд и Россия: быть или не быть вместе? — *Московский журнал международного права*. № 4. С. 46–60. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2019-4-46-60>
  11. Ледях И.А. 2017. Обязательство соблюдения норм международного гуманитарного права в защиту жертв войны. — *Труды Института государства и права РАН*. № 1. С. 141–158.
  12. Мартенс Ф.Ф. 2008. *Современное международное право цивилизованных народов: в 2 т. Т. 2*. М.: Зерцало. 252 с.
  13. Сассоли М. 2002. Ответственность государства за нарушения международного гуманитарного права. — *Международный журнал Красного Креста: сборник статей*. С. 163–203. Доступ: https://www.icrc.org/ru/doc/assets/files/other/07_irrc_846_sassoli_rus.pdf (дата обращения: 15.05.2022)
  14. Скуратова А.Ю. 2016. Россия и Римский статут Международного уголовного суда. — *Московский журнал международного права*. №4. С. 125–137. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2016-4-125-137>
  15. Соколова Н.А. 2021. Международная защита окружающей среды в период вооруженных конфликтов: традиции правового регулирования и новеллы толкования. — *Lex Russica*. Т. 74. № 12. С. 84–95. DOI: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2021.181.12.084-095>
  16. Федулкина И.А. 2021. Международное гуманитарное право и гуманитарная деятельность. — *Образование и право*. № 2. С. 114–119. DOI 10.24412/2076-1503-2021-2-114-119.
  17. Bouvier A. 2020. *International Humanitarian Law and the Law of Armed Conflict*. 3rd ed. Williamsburg: Peace Operations Training Institute. 42 p.
  18. Crowe J., Weston-Scheuber K. 2017. *Principles of International Humanitarian Law*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing. 198 p.
  19. Melzer N. 2016. *International humanitarian law: A comprehensive introduction*. Geneva: ICRC. 357 p.
  20. Pictet J. 1966. The principles of International Humanitarian Law. — *International Review of Red Cross*. No. 66. P. 455–469.
  21. Sarwar T.B. 2017. Challenges for Implementing International Humanitarian Law (IHL) in the Contemporary Landscape. — *Society & Change*. Vol. XI. No. 2. P. 49–60.
  22. Vincze V. 2017. The Role of Customary Principles of International Humanitarian Law in Environmental Protection. — *Pecs Journal of International and European Law*. Vol. II. P. 19–39.
  - Rossiiskoi Federatsiei mirotvorcheskoi missii [To a question about status of representatives of bodies of military justice, being in zone of armed conflict, in period of realization of peace-support mission by the Russian Federation]. — *Rossiiskoe pravosudie*. 2009. No. 6. P. 42–48. (In Russ.)
  3. Bouvier A. *International Humanitarian Law and the Law of Armed Conflict*. 3rd ed. Williamsburg: Peace Operations Training Institute. 2020. 42 p.
  4. Crowe J., Weston-Scheuber K. *Principles of International Humanitarian Law*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing. 2017. 198 p.
  5. David E. Principes de droit des conflits armés (Russ. ed.: David E. *Printsipy prava vooruzhennykh konfliktov*. Moscow: MKKK Publ. 2011. 1144 p.)
  6. Fedulkina I.A. Mezhdunarodnoe gumanitarnoe pravo i gumanitarnaya deyatel'nost' [International humanitarian law and action]. — *Obrazovanie i pravo*. 2021. No. 2. P. 114–119. (In Russ.). DOI 10.24412/2076-1503-2021-2-114-119
  7. Grotius H. De jure belli ac pacis (Russ. ed.: Grotius H. *O prave voiny i mira*. Moscow: Gosyurizdat Publ. 1956. 868 p.)
  8. Kartashkin V.A. Otrasleyve mezhdunarodnye printsipy prav cheloveka [Branch International Human Rights Principles]. — *Sovremennoe pravo*. 2018. No. 5. P. 111–118. (In Russ.)
  9. Kotlyarov I.I., Puzyreva Yu.V. Mezhdunarodnoe gumanitarnoe pravo i model'noe zakonodatel'stvo SNG [International Humanitarian Law and the Model Legislation of the CIS]. — *Moscow Journal of International Law*. 2012. No. 3. P. 18–38. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2012-3-18-38>
  10. Kukushkina A.V. Mezhdunarodnoe gumanitarnoe pravo i okhrana okruzhayushchei sredy v period vooruzhennykh konfliktov (mezhdunarodno-pravovye aspekty) [International Environmental Law and Protection of the Environment during Military Conflicts (International Legal Aspects)]. — *Mezhdunarodnaya analitika*. 2017. No. 2. P. 94–103. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2017-02-94-103>
  11. Lazutin L.A., Likhachev M.A. Mezhdunarodnyi ugovovnyi sud i Rossiya: byt' ili ne byt' vmeste? [International Criminal Court and Russia: to be or not to be together]. — *Moscow Journal of International Law*. 2019. No. 4. P. 46–60. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2019-4-46-60>
  12. Ledyakh I.A. Obyazatel'stvo soblyudeniya norm mezhdunarodnogo gumanitarnogo prava v zashchitu zhertv voiny [The obligation to respect norms of international humanitarian law on protection of war victims]. — *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN*. 2017. No. 1. P. 141–158. (In Russ.)
  13. Martens F.F. *Sovremennoe mezhdunarodnoe pravo tsivilizovannykh narodov: v 2 t. T. 2* [Contemporary International Law of Civilized Nations. In 2 Volumes. Vol. 2]. Moscow: Zertsalo Publ. 2008. 252 p. (In Russ.)
  14. Melzer N. *International humanitarian law: A comprehensive introduction*. Geneva: ICRC. 2016. 357 p.
  15. Pictet J. The principles of International Humanitarian Law. — *International Review of Red Cross*. 1966. No. 66. P. 455–469.
  16. Sarwar T.B. Challenges for Implementing International Humanitarian Law (IHL) in the Contemporary Landscape. — *Society & Change*. 2017. Vol. XI. No. 2. P. 49–60.

References

1. Anufrieva L.P. Nekotorye soobrazheniya otnositel'no otraslevykh printsipov v mezhdunarodnom prave [Some considerations on sectoral principles in international law]. — *Dialog*. 2020. No. 2. P. 30–39. (In Russ.)
2. Beznasyuk A.S. K voprosu o statuse predstavitelei organov voennoi yustitsii, prebyvayushchikh v zone vooruzhennogo konflikta, v period osushchestvleniya

17. Sassoli M. Otvetstvennost' gosudarstva za narusheniya mezhdunarodnogo gumanitarnogo prava [State responsibility for violations of international humanitarian law]. — *Mezhdunarodnyi zhurnal Krasnogo Kresta: sbornik statei* [International Journal of Red Cross. A Collection of Articles]. 2002. P. 163–203. (In Russ.). URL: https://www.icrc.org/ru/doc/assets/files/other/07_irrc_846_sassoli_rus.pdf (accessed 15.05.2022)
18. Skuratova A.Yu. Rossiya i Rimskii statut Mezhdunarodnogo ugolovnogo suda [Russia and the Rome Statute of the International Criminal Court]. — *Moscow Journal of International Law*. 2016. No. 4. P. 125–137. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2016-4-125-137>
19. Sokolova N.A. Mezhdunarodnaya zashchita okruzhayushchei sredy v period vooruzhennykh konfliktov: traditsii pravovogo regulirovaniya i novelty tolkovaniya [International Environmental Protection in Armed Conflicts: Traditional Legal Regulation and Interpretation Novelties]. — *Lex Russica*. 2021. Vol. 74. No. 12. P. 84–95. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2021.181.12.084-095>
20. Vincze V. The Role of Customary Principles of International Humanitarian Law in Environmental Protection. — *Pecs Journal of International and European Law*. 2017. Vol. II. P. 19–39.
21. Vylegzhanin A.N., Ignatenko G.V., Skuratova A.Yu. Yuridicheskie itogi velikoi pobedy nad fashistskoi Germaniei i sovremennye popytki ikh iskazheniya [Contemporary Attempts to Distort the Legal Results of the Great Victory over Nazi Germany]. — *Moscow Journal of International Law*. 2010. No. 3. P. 49–75. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2010-3-49-75>
22. Vylegzhanin A.N., Skuratova A.Yu., Sinyakin I.I. Sovremennoe mezhdunarodno-pravovoe znachenie Nyurnbergskogo protsessa (k 70-letiyu vyneseniya Prigovora Nyurnbergskogo tribunala) [Contemporary international law importance of the Nuremberg trial (to the 70th anniversary of the sentencing of the Nuremberg Tribunal)]. — *Sovremennoe pravo*. 2017. No. 1. P. 117–130. (In Russ.)

Информация об авторе**Алла Юрьевна Ястребова,**

доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой теории государства и права, Дипломатическая академия МИД России

119021, Российская Федерация, Москва, ул. Остоженка, д. 53 / 2, стр. 1

allayastrebova@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3324-9956

About the Author**Alla Yu. Yastrebova,**

Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of the Theory of State and Law, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

53 / 2-1, ul. Ostozhenka, Moscow, Russian Federation, 119021

allayastrebova@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3324-9956

Игорь Станиславович МАРУСИН

Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская наб., д.7/9, Санкт-Петербург, 199034, Российская Федерация
i.marusin@spbu.ru
ORCID: 0000-0001-8330-9916

ВСТУПЛЕНИЕ В СИЛУ ДОГОВОРА О ЗАПРЕЩЕНИИ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ 2017 г. И МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ НА ЕГО ПРИМЕНЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ. В статье рассматриваются правовые последствия вступления в силу в январе 2021 г. Договора о запрещении ядерного оружия 2017 г., предусматривающего как полный запрет на применение этого оружия, так и запрет на владении им и его размещение на территории государств-участников.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Основой для статьи является анализ основных международно-правовых актов, определяющих в настоящее время режим ядерного оружия, Договор о нераспространении ядерного оружия 1968 г., Договор о запрещении ядерного оружия 2017 г. и Консультативное заключение Международного Суда ООН о законности угрозы и применения ядерного оружия 1996 г.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Вступление Договора о запрещении ядерного оружия в силу подразделяет государства относительно применения этого оружия на две группы – государства-участники Договора, и государства, не участвующие в нем. Отныне на территории государств-участников ядерное оружие относится к запрещенным видам вооружений и применение его на этой территории как третьими государствами, так и самим государством-участником является военным преступлением. Применительно к территории других

государств сохраняется прежний порядок применения ядерного оружия, правовые аспекты которого были рассмотрены Международным Судом ООН в его Консультативном заключении 1996 г. В статье анализируется это Заключение с точки зрения возможных изменений в тех правовых основаниях, на которые оно опирается.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. Автор приходит к выводу, что таких изменений не произошло и что ключевые положения Консультативного заключения 1996 г. сохраняют свою силу, в том числе и положение, согласно которому не является правомерным применение ядерного оружия государством, чье существование находится под угрозой. Можно считать, что государство находится в таком положении, если оно вступило в вооруженный конфликт с государством или группой государств, объединенных в военно-политическую организацию, имеющих значительно больший, чем у него, военный и экономический потенциал. При этом также не запрещается применение ядерного оружия против любого государства-члена подобной военно-политической организации независимо от его размеров.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: право международной безопасности, международное гуманитарное

право, Договор о нераспространении ядерного оружия, Договор о запрещении ядерного оружия, оружие массового уничтожения, военные преступления, Международный Суд ООН

правовые ограничения на его применение. – *Московский журнал международного права*. № 3. С. 19–32. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2022-3-19-32>

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Марусин И.С. 2022. Вступление в силу Договора о запрещении ядерного оружия 2017 г. и международно-

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

INTERNATIONAL SECURITY LAW

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2022-3-19-32>

Research article
Received 18 July 2022
Approved 12 September 2022

Igor S. MARUSIN

Saint Petersburg State University

7-9, Universitetskaya nab., Saint Petersburg, Russian Federation, 199034

i.marusin@spbu.ru

ORCID: 0000-0001-8330-9916

ENTRY INTO FORCE OF THE 2017 TREATY ON THE PROHIBITION OF NUCLEAR WEAPONS AND INTERNATIONAL LEGAL RESTRICTIONS ON ITS USE

INTRODUCTION. *The article analyzes the consequences of coming into force of the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons 2017. This Treaty forbids use of nuclear weapons and its deployment on territories of states, which ratified it.*

MATERIALS AND METHODS. *The article is based on the main international treaties, which regulate now the status of nuclear weapons – Non-proliferation treaty 1968, Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons 2017 and also Advisory Opinion of UN International Court of Justice 1996.*

RESEARCH RESULTS. *Coming into force of the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons subdivided states into two groups – the states-participants of this Treaty and states-non participants. On the ter-*

ritory of states-participants the use of nuclear weapons is prohibited and must be considered as war crime. On the territory of states-non-participants use of nuclear weapons preserves the same regime as before. This regime was considered by UN International Court of Justice in his Advisory Opinion on Legality of Threat and Use of Nuclear Weapons 1996. The article analyzes this Advisory Opinion.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *Author comes to a conclusion, that all the legal foundations upon which is based this Advisory Opinion remains intact and also his central clause, according to which it is not forbidden for a state to use nuclear weapons when its survival is at stake. This situation may occur when such a state would be in armed conflict with a*

state or group of states – members of a military-political organization, which had much stronger military and economic potential. Also use of nuclear weapons is not forbidden against all members of this military-political organization.

KEYWORDS: *law of international security, international humanitarian law, Non-proliferation treaty, Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons, weapons of mass destruction, war crimes, International Court of Justice*

FOR CITATION: Marusin I.S. Entry into Force of the 2017 Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons and International Legal Restrictions on its Use. – *Moscow Journal of International Law*. 2022. No. 3. P. 19–32. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2022-3-19-32>

The author declares the absence of conflict of interest.

1. Введение

22 января 2021 г. после ратификации 50 государствами вступил в силу Договор о запрещении ядерного оружия¹. Это первый международный договор, который обязывает государства-участники не применять ядерное оружие и уничтожить его запасы, если они имеются у государства-участника. Данный договор был разработан в рамках Организации Объединенных Наций и открыт для подписания в 2017 г. после одобрения его текста Генеральной Ассамблеей ООН. Тогда при голосовании в поддержку Договора высказались 122 государства, Нидерланды проголосовали против, Сингапур воздержался. Однако все остальные государства, а среди них все государства, обладающие ядерным оружием, в голосовании не участвовали и тем самым выразили свое отношение к этому акту.

Вступление в силу Договора о запрещении ядерного оружия меняет сложившееся за предыдущие десятилетия правовой режим создания, размещения и применения ядерного оружия. До 2021 г. основным международно-правовым актом, определяющим статус ядерного оружия, был Договор о нераспространении ядерного оружия 1968 г. В соответствии с его положениями все государства-участники разделены на две группы –

государства, обладающие ядерным оружием и государства, не обладающие ядерным оружием. К первой группе согласно п.3 ст. IX относятся государства, которые произвели и взорвали ядерное оружие или ядерное взрывное устройство до 1 января 1967 г., то есть США, Великобритания, Франция, КНР и Российская Федерация, участвующая в Договоре как продолжатель СССР. Эти государства согласно ст. 1 Договора взяли на себя обязательства не передавать кому бы то ни было ядерное оружие, а также контроль над таким оружием, равно как и никоим образом не помогать, не поощрять и не побуждать государства, не обладающие ядерным оружием, к производству или приобретению ядерного оружия, а также контролю над таким оружием².

Ко второй группе относятся все остальные государства-участники, не обладающие ядерным оружием. Они обязались не принимать передачи от кого бы то ни было ядерного оружия и контроля над таким оружием, не производить и не приобретать ядерное оружие, равно как и не добиваться и не принимать какой-либо помощи в производстве ядерного оружия³.

В Договоре о нераспространении ядерного оружия в настоящее время участвуют все государства мира, кроме Индии, Пакистана, КНДР, Южного Судана и Израиля⁴. Первые три государства сделали официальные заявления о взры-

¹ Сегодня вступает в силу Договор о запрещении ядерного оружия. – *Новости ООН*. 22.01.2022. Доступ: <https://news.un.org/ru/story/2021/01/1394852> (дата обращения: 10.07.2022).

² Договор о нераспространении ядерного оружия от 12 июня 1968 г. Доступ: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml (дата обращения: 10.07.2022).

³ Там же.

⁴ Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. URL: <https://treaties.unoda.org/t/npt> (accessed 10.07.2022).

ве ими ядерного взрывного устройства. Правительство Израиля официально не подтверждает и не опровергает сообщения о наличии у него ядерного оружия.

Таким образом, Договор о нераспространении ядерного оружия 1968 г. регулирует порядок производства и владения ядерным оружием, но ничего не говорит о его использовании, тем самым не накладывая никаких ограничений на его применение.

Договору о нераспространении ядерного оружия посвящена обширная литература, как на русском⁵, так и на иностранных языках⁶. В целом исследователи высоко оценивают его значение в ограничении гонки ядерных вооружений. Так, Дж.И. Гарви отмечает, что в настоящее время нет каких-либо технических секретов в создании ядерного оружия. Только правовой режим нераспространения и обусловленные этим режимом сложности в получении ядерного расщепляющегося материала представляют собой основное препятствие на пути создания в каком-либо государстве ядерного оружия [Garvey 2009:378-79]. Вместе с тем в последнее время в ряде государств, в том числе и в Федеративной Республике Германия стал подниматься вопрос, по меньшей мере в прессе⁷, о возможном отказе от своего безъядерного статуса.

2. Договор о запрещении ядерного оружия 2017 г. и его значение для урегулирования вопроса о применении ядерного оружия

В 2017 г. был разработан Договор о запрещении ядерного оружия⁸. Важнейшие его положения содержатся в ст.1. В соответствии с ней все государства участники обязуются ни при каких обстоятельствах не разрабатывать, не производить, не приобретать, не владеть и не накапливать ядерное оружие и другие ядерные взрывные устройства; не передавать кому-либо ядерное оружие или контроль над таким оружием; не принимать от кого-либо ядерное оружие или контроль над таким оружием; не использовать и не угро-

жать использовать ядерное оружие или другие ядерные взрывные устройства; не помогать и не подстрекать кого-либо к совершению действий, запрещенных государствам-участникам по этому Договору; не просить и не получать чьей-либо помощи в совершении действий, запрещенных государствам-участникам по этому Договору; не разрешать размещение любого ядерного оружия на своей территории или в любом другом месте, находящемся под юрисдикцией этого государства. Таким образом, Договор запрещает применение любых видов ядерного оружия, независимо от его мощности и носителей, как стратегическое, например, межконтинентальные ракеты с ядерными боеголовками, так и тактическое, например, артиллерийские снаряды или торпеды, а также при любых обстоятельствах.

Для реализации данных обязательств Договор устанавливает и специальный механизм. Каждое государство-участник Договора не позднее чем через 30 дней после его вступления в силу для данного государства, должно сообщить Генеральному Секретарю ООН, владело ли оно ранее или владеет сейчас ядерным оружием или находится ли на его территории ядерное оружие. Эти сообщения Генеральный Секретарь передает всем остальным государствам-участникам.

В зависимости от содержания таких сообщений определяются и дальнейшие обязательства государств-участников. Их можно подразделить на четыре группы – 1) обязательства государств, не обладающие ядерным оружием; 2) обязательства государств, не обладающие ядерным оружием, но на территории которых размещено ядерное оружие других государств; 3) обязательства государств, обладавшие ранее ядерным оружием, но отказавшиеся от обладания этим оружием и дальнейшей реализации своей ядерной программы до вступления в силу данного Договора; 4) обязательства государств, обладающие ядерным оружием на момент вступления Договора 2017 г. в силу.

Государства, относящиеся к первой группы, то есть государства, которые не владеют ядер-

⁵ См.: [Осипов 1987; Ульянов, Лысенко 2018:1-13; Лысенко 2018:15-19; Сидорова 2009: 222-234].

⁶ См.: [Cottrell 2016:133-178; Thränert 2008: 327-340; Nystuen, Torbjoern 2014:374-396].

⁷ Reitz Ul. Keine Angst vor Kernwaffen: Warum Deutschland jetzt über atomare Aufrüstung sprechen muss. – *FocusOnline*. 10.03.2022. URL: https://www.focus.de/politik/ausland/ukraine-krise/keine-angst-vor-kernwaffen-warum-deutschland-jetzt-ueber-atomare-aufruestung-sprechen-muss_id_65436312.html (accessed 10.07.2022).

⁸ См. текст Договора на официальном сайте ООН. Доступ: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N17/209/75/PDF/N1720975.pdf?OpenElement> (дата обращения: 10.07.2022).

ным оружием и на территории которых не размещено ядерное оружие, принадлежащее другим государствам, должны заключить с Международным агентством по атомной энергии (МАГАТЭ) специальное соглашение о гарантиях, если подобного рода соглашение не было заключено ранее. Переговоры о заключении такого соглашения должны начаться не позднее чем через 180 дней после вступления Договора в силу для данного государства и должны закончиться не позднее чем через 18 месяцев после этой даты.

Государства, которые не владеют ядерным оружием, но на территории которых размещено ядерное оружие других государств, должно обеспечить вывод такого оружия со своей территории в срок, который должен быть установлен во время первой встречи государств-участников Договора. По завершении этого вывода соответствующее государство должно известить Генерального Секретаря ООН о выполнении своих обязательств по Договору.

Государства, обладавшие ядерным оружием на 7 июля 2017 г., но отказавшиеся от осуществления своей ядерной программы до вступления в силу Договора 2017 г., должны после вступления для них в силу данного Договора начать сотрудничество с компетентным международным органом, который будет назначен государствами-участниками Договора 2017 г. для контроля за исполнением его положений с целью удостоверить необратимый характер осуществленной данным государством ликвидации своего ядерного оружия.

Кроме этого, данные государства должны заключить с МАГАТЭ специальное соглашение о гарантиях неиспользования имеющегося у них ядерного расщепляющегося материала в военных целях и о неосуществлении ими иных запрещенных Договором действий. Переговоры о таком соглашении должны начаться в течение 180 дней после вступления Договора в силу для данного государства; соглашение должно вступить в силу не позднее, чем через 18 месяцев после этой даты.

Наибольшие обязательства Договор 2017 г., накладывает на государства, обладающие ядерным оружием. Такие государства после вступления для них Договора в силу должны будут в течение 60 дней после этой даты представить компетентному международному органу план по уничтожению имеющегося у них ядерного оружия и средств его производства. Выработанный после переговоров с этим международным орга-

ном окончательный вариант данного плана должен быть представлен на одобрение собранию государств-участников Договора. Такой план должен иметь юридически обязательную силу для данного государства, которое будет должно уничтожить имеющееся у него ядерное оружие и средства его производства не позднее той даты, которая будет определена решением собрания государств-участников Договора.

Кроме этого, данные государства, также как и государства предыдущей группы и в те же сроки, должны заключить с МАГАТЭ специальное соглашение о гарантиях неиспользования имеющегося у них ядерного расщепляющегося материала в военных целях и о неосуществлении ими иных запрещенных Договором действий.

Договор о запрещении ядерного оружия 2017 г. был неоднозначно оценен научным сообществом. Так, С. Кейси-Меслен [Casey-Maslen 2019] и Дж.Л. Блек-Бранч [Black-Branch 2021] в целом положительно расценили и сам факт заключения, и содержание этого Договора. Б.Р. Тузмухамедов, не разделяющий их мнения, назвал его «правовой скорлупой для безъядерной иллюзии» [Тузмухамедов 2021:120]. В отечественной науке положения Договора также были проанализированы в статье М.Н. Лысенко и А.Д. Остаповой [Lysenko, Ostapova 2022], изданной в Екатеринбурге монографии под редакцией Е.Б. Михайленко [Адами и др. 2020], статье Е.Б. Михайленко и В.И. Михайленко [Михайленко, Михайленко 2017]. К.Г. Мурташина подготовила серию статей, посвященную оценке этого Договора в различных государствах, в том числе в Японии, КНР и странах Юго-Восточной Азии [Мурташина 2019:6-23; Мурташина, Пашкова, 2019:160-168; Мурташина 2019:84-93]. С.Филипп, Зиа Миан [Philippe, Zia 2022], Н. Ричи [Ritchie, 2022], А. Веллерстейн [Wellerstein 2022] посвятили специальные работы проблеме верификации исполнения положений Договора

Однако при всех его возможных недостатках Договор о запрещении ядерного оружия теперь приобрел юридическую силу и отныне подразделяет государства мира в вопросе о применении ядерного оружия на две группы – государства – участники этого Договора, которые взяли на себя обязательство не владеть ядерным оружием и не применять его, и государства, не участвующие в этом договоре. Эти государства по-прежнему сохраняют право владеть ядерным оружием (с учетом положений Договора о нераспространении ядерного оружия 1968 г.) и применять его. Одна-

ко эти государства отныне должны учитывать, что государства-участники Договора 2017 г. в соответствии с ним должны не допускать любое применение ядерного оружия на своей территории и его использование на территории этого государства как против его вооруженных сил, так и против вооруженных сил третьих государств означает использование запрещенных видов вооружений. Использование таких вооружений в современном международном праве влечет за собой международную ответственность государства, вооруженные силы которого применяют такие вооружения, и уголовную ответственность физических лиц, военнослужащих, непосредственно применяющих такие вооружения, и лиц, отдающих им соответствующие приказы.

К такой ответственности они могут привлекаться и по национальному законодательству, если в нем установлена уголовная ответственность за использование запрещенных средств и методов ведения войны, и в международных уголовных судебных учреждениях, уставы которых квалифицируют применение таких средств и методов как разновидность военных преступлений.

О такой же ответственности можно говорить и в том случае, если правительство государства – участника Договора 2017 г. позволит вооруженным силам другого государства использовать свою территорию для применения своего ядерного оружия против третьего государства, как участвующего, так и не участвующего в Договоре 2017 г. В этом случае мы можем говорить об ответственности обоих этих государств и их военнослужащих и их должностных лиц. Если же другое государство использует территорию государства – участника Договора 2017 г. для нанесения ядерного удара по территории третьего государства без согласия государства-участника, то можно будет говорить об уменьшении размера ответственности государства-участника, но не о полном освобождении от него, поскольку Договор о запрещении ядерного оружия 2017 г.

требует от государств-участников не допускать при любых обстоятельствах применения ядерного оружия с их территории.

3. Международно-правовые ограничения на применение ядерного оружия, действующие в отношении государств, не участвующих в Договоре о запрещении ядерного оружия

Государства, не участвующие в этом Договоре, указанными выше ограничениями не связаны. Однако по-прежнему сохраняются ограничения на применение ядерного оружия, сформулированное в других нормах международного права, как договорных, так и обычных. Обзор этих норм дал Международный Суд ООН в своем Консультативном заключении от 8 июля 1996 г. о законности угрозы или применения ядерного оружия⁹.

Однако с момента вынесения этого Консультативного заключения прошло уже более 25 лет. Насколько изменились те правовые основания, на которые опирается это Заключение? Насколько сделанные в нем выводы оспоримы в настоящее время? Рассмотрим Консультативное заключение Международного суда от 8 июля 1996 г. о законности угрозы или применения ядерного оружия с этой точки зрения.

Основанием для предоставления такого консультативного заключения послужил запрос Генеральной Ассамблеи ООН Международному Суду, сформулированной в резолюции Генеральной Ассамблеи № 49/75К от 15 декабря 1994 г. В этой резолюции Генеральная Ассамблея поставила перед Международным Судом следующий вопрос - является ли угроза или применение ядерного оружия при каких-либо обстоятельствах разрешенной в международном праве?

При ответе на эти вопросы Международный Суд сначала обратился к международно-правовым актам, напрямую не регулирующим применение отдельных видов вооружений, однако ряд положений которых могут истолковываться

⁹ Текст Консультативного заключения от 8 июля 1996 г. опубликован на официальном сайте Международного Суда ООН. См.: International Court of Justice: Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons. Advisory opinion of 8 July 1996. URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/95/095-19960708-ADV-01-00-EN.pdf> (accessed 10.07.2022). В этот же день Международный Суд вынес еще одно консультативное заключение по запросу Всемирной Организации Здравоохранения (ВОЗ), в котором эта организация также ставила вопрос о правомерности применения ядерного оружия. Однако в данном Консультативном Заключении Международный Суд этот вопрос по существу не рассматривал, сославшись на то, что он не входит в полномочия ВОЗ. Об этом Консультативном Заключении см.: [Блищенко, Дориа 1999:122-126].

как содержащие запрет на применение ядерного оружия. В первую очередь это относится к Пакту о гражданских и политических правах, ст. 6 которого закрепляет право на жизнь. В соответствии с положениями этой статьи право на жизнь есть неотъемлемое право каждого человека. Это право охраняется законом и никто не может быть произвольно лишен жизни.¹⁰ Проанализировав ее, Международный Суд пришел к заключению, что запрет на произвольное лишение жизни, предусмотренное этой статьей Пакта, сохраняется также и во время военных действий. Однако что именно должно пониматься под произвольным лишением жизни, должно определяться *lex specialis*, а именно правом, регулирующим вооруженные конфликты. Следовательно, является ли гибель определенного лица в ходе определенного военного конфликта произвольным лишением жизни, может быть определено только в соответствии с положениями права, регулирующим вооруженные конфликты, а не Пакта о гражданских и политических правах.

Также Международный Суд не согласился со ссылкой на положения Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказания за него 1948 г. как на основание запрещение применения ядерного оружия. Международный Суд указал, что данная Конвенция была бы применима в данном вопросе, если бы использование ядерного оружия было бы дополнено намерением уничтожить определенную расовую, религиозную или этническую группу, как таковую. Однако к такому выводу можно прийти только проанализировав обстоятельства каждого конкретного случая применения ядерного оружия. Не нашел Международный Суд запрета на использование ядерного оружия и в действующих нормах международного экологического права, но при этом отметил, что нормы, защищающие окружающую среду, должны учитываться в ходе вооруженных конфликтов.

Таким образом, Международный Суд, проанализировав универсальные международные договоры, посвященные защите основных прав и свобод человека, окружающей среды и запрещающие геноцид, не обнаружил в них норм, запрещающих применение ядерного оружия. Этот вывод представляется верным и сейчас. За про-

шедшие с момента вынесения рассматриваемого Консультативного заключения годы не было принято каких-либо универсальных международно-правовых актов, в том числе в области защиты прав человека, международного экологического права, международного уголовного права, в которых участвовали бы государства, обладающие ядерным оружием, нормы которых можно было бы трактовать как запрещающие применение ядерного оружия. Как и прежде, ответ о правомерности использования ядерного оружия необходимо искать в договорных и обычных нормах права, регулирующего вооруженные конфликты.

Переходя к рассмотрению этого вопроса, Международный Суд указал, что международное право, как договорное, так и обычное, не содержит каких-либо норм, разрешающих применение ядерного или любого другого оружия в целом или при особых обстоятельствах, особенно при осуществлении права на самооборону. Использование ядерного или любого другого оружия не требует специального разрешения в международном праве. Практика международных отношений показывает, что незаконность использования того или иного вида вооружений основывается не на отсутствии разрешения на его применение, а на его запрещении. Такое запрещение может быть закреплено как в договорной норме, так и в обычной и Международный суд прежде всего проанализировал международные договоры, посвященные регулированию ведения боевых действий и используемых при этом вооружений, то есть Вторая Гагская декларация 1899 г., IV Гагская конвенция 1907 г., Женевский протокол 1925 г. и пришел к выводу, что в таких актах нельзя усмотреть запрета на применение ядерного оружия. Далее в п. 62 Заключения Международный суд рассмотрел Договор о нераспространении ядерного оружия 1968 г. и отметил, что заключение договоров, посвященных производству, приобретению, размещению, испытанию ядерного оружия без сомнения указывает на растущую озабоченность международного сообщества увеличением таких вооружений и стремление к общему запрещению ядерного оружия, но сами по себе такие договоры такой запрет не означают.

¹⁰ Пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. Доступ: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 10.07.2022).

К такому же выводу Международный суд пришел, рассмотрев договоры о создании безъядерной зоны в Латинской Америке (Договор Тлателолко 1969 г.) и Южной части Тихого Океана (Договор Раротонга 1985 г.) Как указывается в п.65 Консультативного заключения, эти два договора, гарантии безопасности их участникам, данные государствами, обладающими ядерным оружием и тот факт, что Совет Безопасности ООН с удовлетворением воспринял заключение этих договоров, свидетельствует о растущем осознании необходимости освободить мировое сообщество от угроз, связанных с существованием ядерных вооружений. О том же свидетельствует и подписание в декабре 1995 г. в Бангкоке договора о создании безъядерной зоны в Юго-Восточной Азии и в апреле 1996 г. в Каире о создании безъядерной зоны в Африке. Однако Международный Суд вполне справедливо не рассматривает эти договоры как равнозначные всеобъемлющему и универсальному запрещению ядерного оружия.

Не обнаружив такой запрет в действующих международных договорах, Международный Суд обратился к международным обычаям. Как указывается в п.68 Консультативного заключения, ряд государств ссылаются на наличие целого ряда резолюций Генеральной Ассамблеи ООН, начиная с резолюции 1653 (XVI) от 24 ноября 1961 г., в которых осуждается применение ядерного оружия, как на доказательство существования обычной нормы международного права, запрещающей ядерное оружие. Однако по мнению других государств сами по себе такие резолюции не имеют обязательной силы и не являются доказательством существования запрета на ядерное оружие, поскольку за эти резолюции не голосовали не только государства, не обладающие ядерным оружием, но и государства, им не обладающие.

Оценивая эти позиции, Международный Суд указал, что резолюции Генеральной Ассамблеи ООН хотя и не имеют обязательной силы, но могут иметь нормативное значение. Они могут являться свидетельством возникновения или существования обычной нормы международного права. Для установления этого необходимо проанализировать содержание конкретной резолюции и контекст, в котором она была принята. Сопоставление содержания ряда резолюций, посвященных определенному вопросу, может привести к выводу о возникновении обычной нормы международного права. Анализируя содержание резолюции №1653, первой провозгласившей неза-

конность применения ядерного оружия, Международный Суд отметил, что в обоснование этого запрета в резолюции сначала приводится ряд договоров, посвященных запрету других видов вооружений, начиная с Санкт-Петербургской декларации 1868 г. до Женевского протокола 1925 г., после чего к ядерному оружию применяются общие нормы международного права. По мнению Международного Суда применение к ядерному оружию общих норм международного права свидетельствует о том, что специальной нормы обычного международного права, запрещающего именно ядерное оружие, не существует, в противном случае Генеральная Ассамблея должна была бы сослаться прямо на нее. Принятие же на последующих сессиях Генеральной Ассамблеи резолюций, повторяющих содержание резолюции №1653, может свидетельствовать о желании большей части международного сообщества добиться полного запрета ядерного оружия. Однако возникновению такой обычной нормы препятствует сохраняющаяся приверженность государств, обладающих ядерным оружием, своей политике ядерного сдерживания.

Представляется, что такой вывод вполне актуален и сейчас. За прошедшие после вынесения Консультативного заключения годы, государства, обладавшие тогда ядерным оружием, никоим образом не выразили своего желания и согласия на уничтожение своих запасов ядерного оружия. Более того, еще три государства – Индия, Пакистан и КНДР – заявили о создании ими своего ядерного оружия, что лишь подтверждает тезис об отсутствии не только в международных договорах, но и среди международных обычаев общепризнанной нормы, запрещающей ядерное оружие как таковое.

Таким образом, можно говорить не о незаконности ядерного оружия как такового, а о незаконности его применения в определенных обстоятельствах. Именно этому вопросу и посвящена заключительная часть рассматриваемого Консультативного заключения. Прежде всего, Международный Суд сформулировал не вызывающее сомнения положение, согласно которому нормы международного гуманитарного права, регулирующие в том числе и порядок использования различных видов вооружений, применимы и к ядерному оружию. Однако выводы, которые делают различные государства из этого положения, различны. По мнению одних государств, использование ядерного оружия никак не может быть совместимым с принципами и нормами между-

народного гуманитарного права и, следовательно, является запрещенным. В случае применения ядерного оружия невозможно проводить различия между комбатантами и гражданским населением, между военными и гражданскими целями, а последствия применения ядерного оружия не могут быть ограничены лишь законными военными целями. Ядерное оружие по своей природе носит неизбирательный характер и число жертв в случае его применения было бы огромным. Также применение ядерного оружия было бы нарушением нейтралитета не участвующих в конфликте государств, поскольку последствия применения ядерного оружия невозможно ограничить лишь территорией государств, участвующих в конфликте.

Именно эти аргументы приводятся исследователями, считающими, что уже существующие нормы международного гуманитарного права запрещают ядерное оружие. Так, в 1987 г. Дэвид М. Корвин в статье, посвященной законности применения ядерного оружия, отметил, что любое использование ядерного оружия будет непропорционально велико по сравнению с достигнутым преимуществом и, следовательно, использование ядерного оружия противоречит действующему международному гуманитарному праву. [Cogwin 1987:272] Здесь Дэвид М. Корвин явно отсылает к п.5 ст.51 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям 1949 г., касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов 1977 г., в котором дается определение неизбирательного нападения. Согласно этой статье, неизбирательным является нападение, которое, как можно ожидать, попутно повлечет за собой потери жизни среди гражданского населения, ранения гражданских лиц и ущерб гражданским объектам, или и то и другое вместе, которые были бы чрезмерны по отношению к конкретному и непосредственному военному преимуществу, которое предполагается таким образом получить¹¹.

В 2015 г. Лу Мареска и Элеанор Митчелл практически повторяют этот аргумент, указывая, что с учетом результатов проведенных исследований применение ядерного оружия на населенных территориях или рядом с ними будет означать

неизбирательное нападение и что должна существовать презумпция незаконности такого применения и вне этих территорий [Maresca, Mitchell 2015:621].

В общем разделяя эту позицию, Международный Суд тем не менее не согласился с делаемым из нее выводом, согласно которому использование ядерного оружия является запрещенным во всех случаях даже при отсутствии четко формулирующих это положение норм. Международный Суд не стал формулировать свою позицию по трем различным подвопросам центрального вопроса для всего Консультативного заключения – вопроса о допустимости применения ядерного оружия при наличии определенных обстоятельств.

Первый из них – это вопрос о законности применения тактического ядерного оружия, ядерных боеприпасов, имеющих сравнительно малую мощность. Международного Суда отметил, что ни одно из государств, считающих такое использование ядерного оружия правомерным, не указало на конкретные обстоятельства, оправдывающие такое применение, и на факторы, которые могли бы помешать перерастанию такого ограниченного применения в полномасштабный ядерный конфликт. При отсутствии таких данных Международный Суд счел, что у него нет достаточных оснований для определения законности или незаконности применения ядерного оружия малой мощности.

Другой подвопрос общего вопроса Консультативного заключения, на который Международный Суд не дал однозначный ответ – это вопрос о том, противоречит ли любое применение ядерного оружия в силу присущих ему качеств действующему международному гуманитарному праву. Международный Суд отметил, что принципы и нормы международного права, регулирующего вооруженные конфликты, накладывают на ведение таких конфликтов строгие ограничения, запрещающие использовать вооружения, не позволяющие разграничивать военные и гражданские цели или приносящие излишние страдания комбатантам. И хотя ядерное оружие в силу присущих ему качеств едва ли позволяет соблюдать такие требования, тем не менее Международный Суд не считает, что у него есть достаточные данные для того,

¹¹ Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов от 8 июня 1977 г. Доступ: https://www.icrc.org/ru/doc/assets/files/2013/ap_i_rus.pdf (дата обращения: 10.07.2022).

чтобы с уверенностью заключить, что использование ядерного оружия в любом случае противоречит существующему международно-правовому регулированию вооруженных конфликтов.

И третий подвопрос, на который Международный Суд не дал четкого ответа, – это вопрос о возможности использования всех видов ядерного оружия, в случае, когда само существование государства находится под угрозой. Здесь Международный Суд сослался на фундаментальное право каждого государства на выживание, право на самооборону, предусмотренное ст.51 Устава ООН, политику ядерного сдерживания, которое проводит ряд государств многие годы, и те оговорки, которые некоторые из обладающих ядерным оружием государств сделали к протоколам о безъядерных зонах в Латинской Америке и Южной части Тихого Океана.

Таким образом, завершая свое Консультативное заключение о законности угрозы или применения ядерного оружия, Международный Суд заявляет, что, изучив действующее международное право и рассмотрев фактические обстоятельства данной проблемы, он не смог прийти к определенному выводу о правомерности или неправомерности использования государством ядерного оружия, когда под угрозой находится само его существование (п.97 Консультативного заключения).

Конечно, такой окончательный вывод обстоятельного исследования Международным Судом такой жизненно важной для всего международного сообщества проблемы, не может не вызвать определенное разочарование. Если Международный Суд Организации Объединенных Наций, обладающий наивысшим в мире авторитетом по толкованию норм международного права и необходимыми для этого полномочиями, не может дать ответ на такой вопрос, то кто еще мог бы это сделать? И этот вопрос носит совсем не отвлеченный теоретический характер. Руководители государства, вступившего в конфликт с другим государством или группой государств, значительно превосходящих его по своей военной и экономической мощи, могут оказаться перед необходимостью дать ответ на него буквально завтра.

Но и при отсутствии однозначно сформулированной позиции Консультативное заключение

Международного Суда от 8 июля 1996 г. благодаря проведенному в нем анализу международного договорного и обычного права сохраняет свое основополагающее значение при определении правомерности или неправомерности применения ядерного оружия государствами, не присоединившимися к Договору о запрещении ядерного оружия 2017 г. В этом Заключении в п.52 Международный Суд указал, что использование любого вида вооружений не нуждается в специальном разрешении. Оно может быть запрещено международным правом и в этом случае его применение будет неправомерным, но при отсутствии такого запрещения его применение таковым считать нельзя. В п.94 Консультативного заключения говорится, что Международный Суд не смог прийти к выводу о запрещении использования ядерного оружия малой мощности, если при этом не нарушаются общие положения международного гуманитарного права, запрещающего применение оружия, имеющего неизбирательный характер. Следовательно, если возможно соблюдение таких требований, то и применение ядерного оружия малой мощности не будет неправомерным (например, использование торпеды с ядерным боезарядом против авианосца, позволяющего уничтожить его первым же попаданием).

В п.97 Международный Суд не посчитал неправомерным использование уже ядерного оружия любой мощности в той ситуации, когда под угрозой находится само существование государства, прибегающего к такому оружию, и с этим выводом также можно согласиться. Если в указанном выше п.5 ст.51 Дополнительного протокола I 1977 г. не считаются противоправными жертвы среди гражданского населения, если они не чрезмерны по отношению к конкретному военному преимуществу, то они, очевидно, также не должны считаться противоправными, когда речь идет не просто о военном преимуществе в ходе какой-либо военной операции, а о самом существовании государства. Представляется неправомерным требовать от любого государства, чтобы оно в случае необходимости выбора между собственным существованием (и, значит, жизнями собственных граждан) и жизнями гражданского населения вражеского государства поставило бы выше интересы последнего.¹²

¹² Дэвид М. Корвин в заключение своей статьи приходит к сходному выводу. Он пишет, что применение ядерного оружия в большинстве случаев ведет к нарушению тех или иных принципов гуманности, однако государство, применившее его, может сослаться на военную необходимость или самооборону, и обоснованность таких оправданий

Как нужно понимать это ключевое положение? Представляется, что само существование государства находится под угрозой, если поражение в вооруженном конфликте может привести к полному разрушению этого государства, то есть уничтожению всей структуры властных органов этого государства, отстранению от должности, а нередко и физическому истреблению его государственных служащих, установление иностранного господства над территорией этого государства при помощи либо прямой военной оккупации, либо создания марионеточного правительства. (Например, именно это произошло в Ираке в 2003 г. после вторжения в эту страну войск США и их сателлитов).

Хотя любой вооруженный конфликт может закончиться поражением каждой из участвующих в конфликте сторон, далеко не каждое такое поражение представляет собой угрозу выживанию государства. Приведем пример. Как известно, с 1965 по 1973 гг. и с 2001 по 2021 гг. вооруженные силы США вели активные боевые действия во Вьетнаме и в Афганистане. Оба этих конфликта закончились неудачей для США – поддерживаемые ими режимы рухнули, и США пришлось торопливо выводить свои войска из этих государств. Однако, как в ходе этих конфликтов, так и других, в которых участвовали США, например, в Корее или Ираке, существование этого государства никогда не находилось под угрозой. США никогда не угрожало вторжение вьетнамских или иракских войск и, значит, применение США ядерного оружия в ходе этих конфликтов было бы неправомерным.

Кто определяет, находится ли данное государство под угрозой уничтожения или нет? Очевидно, высшие должностные лица данного государства, имеющие право отдать приказ о применении ядерного оружия. При этом при оценке ситуации они будут руководствоваться своими личными представлениями о возникшей угрозе и способах борьбы с нею. Хотя каких-либо нормативных критериев оценки той или иной угрозы, разумеется, не существует, можно указать один очевидный критерий – это соотношение сил, военных и экономических, между государствами, участвующими в этом конфликте. В конфликте между США и Демократической республикой Вьетнам было очевидно, что при лю-

бом развитию событий угрозы существованию США (но не ДРВ) нет. Но если государство, обладающее ядерным оружием, вступает в вооруженный конфликт с государством, превосходящим его численностью населения, военным и экономическим потенциалом, то такая угроза может возникнуть и, следовательно, может возникнуть и необходимость использовать ядерное оружие при неблагоприятном течении конфликта.

Также необходимо учитывать и наличие у сторон конфликта союзников и их участие в военно-политических организациях. Если уставные документы данной организации предусматривают оказание помощи вооруженными силами одних членов этой организации другим, и если совокупный военный и экономический потенциал членов данной организации превышает военный и экономический потенциал государства, вступившего в вооруженный конфликт с любым членом данной организации, то все государства-члены данной организации, независимо от размеров их военной мощи, могут быть целью для применения ядерного оружия, поскольку конфликт с такой военно-политической организацией неизбежно ставит под вопрос само существование такого государства.

Более неясным остается ответ на вопрос об исполнении союзнических обязательств государств, обладающих ядерным оружием. Запрещено ли применение ядерного оружия, если существованию самого государства, обладающего им, ничего не угрожает, но выживание союзного с ним государства, которому оно обязалось всю необходимую военную помощь, оказалось под угрозой? Судя по формулировкам, использованным Международным Судом, нет. Как говорится в п.97 Консультативного заключения, Международный Суд не смог прийти к определенному выводу о правомерности или неправомерности использования государством ядерного оружия лишь в случае, когда под угрозой находится именно его существование, а не существование союзных с ним государств.

Изменяет ли вступление в силу Договора о запрещении ядерного оружия 2017 г. юридическую обоснованность этого вывода Консультативного заключения Международного суда ООН 1996 г. Дает ли оно основание говорить о возникновении обычно-правовой нормы, полностью запре-

---

будет определяться тем, насколько степень этих нарушений пропорциональна тем военным целям, которые соответствующее государство стремится достичь [Corwin 1987:290].

щающей применение ядерного оружия? Представляется, что нет.

Как известно, в день принятия Договора о запрещении ядерного оружия США, Великобритания и Франция – три постоянных члена Совета Безопасности ООН, и три государства, обладающие ядерным оружием, выступили с совместным заявлением, в котором указали, что эти государства не имеют намерения подписывать и ратифицировать этот Договор. Тем самым не будет никаких изменений в обязательствах этих государств в отношении ядерного оружия. Например, эти государства не признают утверждений, согласно которым этот Договор отражает изменения в обычном международном праве или каким-либо образом содействует его развитию [Nystuen, Egeland, Hugo 2018:32].

3 января 2022 г. руководители пяти государств-постоянных членов Совета Безопасности ООН выступили с совместным заявлением, в котором говорится о том, «что ядерное оружие – пока оно продолжает существовать, – должно служить оборонительным целям, сдерживанию агрессии и предотвращению войны», и о стремлении и «далее укреплять наши национальные меры по предотвращению несанкционированного или непреднамеренного применения ядерных вооружений», но не о намерении этих государств отказаться от имеющегося у них ядерного оружия или взять на себя обязательство никогда не применять его. Также эти государства заявили об их приверженности «своим обязательствам в рамках Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), включая наше обязательство по Статье VI «в духе доброй воли вести переговоры об эффективных мерах по прекращению гонки ядерных вооружений в ближайшем будущем и ядерному разоружению, а также о договоре о всеобщем и полном разоружении под строгим и эффективным международным контролем»¹³, ни словом не упомянув о уже разработанном и вступающем в силу Договоре о запрещении ядерного оружия 2017 г.

Обычные нормы международного права, также как и договорные, возникают и становятся обязывающими для государств только с их согласия, а не вопреки ему. Если государства, обладающие ядерным оружием, а также немалое количество

других государств не согласны с обязательностью норм, установленных в Договоре о запрещении ядерного оружия, то они не станут для них обязательными в результате его заключения и как обычные нормы международного права. Как отмечают норвежские исследователи Г.Нюстен, Ч.Эгеланд, Т.Г.Хуго, возможно, обычная норма международного права, запрещающая ядерное оружие, возникнет в весьма недалеком будущем, но она вряд ли будет обязательной для государств, которые не примут ее [Nystuen, Egeland, Hugo 2018:33]. И они подчеркивают, что Договор о запрещении ядерного оружия не был разработан с целью наложить юридические обязательства на государства, которые не присоединятся к нему.

4. Заключение

Вступление в силу Договора о запрещении ядерного оружия 2017 г. не внесло принципиальных изменений в урегулирование вопроса о применении ядерного оружия. Хотя этот Договор полностью запрещает такое применение и требует уничтожения всех имеющихся у него запасов государствами-участниками, в настоящее время ни одно из государств, обладающих ядерным оружием, к нему не присоединилось и, соответственно, положения этого Договора на них не распространяются. В отношении применения ядерного оружия этими государствами по-прежнему действуют ограничения, сформулированные общими нормами международного гуманитарного права, проанализированные в Консультативном заключении Международного Суда ООН от 8 июля 1996 г. Представляется, что основные положения этого Консультативного заключения сохраняют свою силу и в настоящее время, поскольку за прошедшее с момента его вынесения время не появилось каких-либо новых универсальных международно-правовых норм, ставящих эти положения под сомнение. В соответствии с ними Международный Суд ООН не обнаружил запрета на применение ядерного оружия в том случае, когда само существование государства, вынужденного прибегнуть к такой мере, оказалось под угрозой. Хочется надеется, что такая ситуация останется лишь гипотетической.

¹³ Совместное заявление лидеров пяти государств, обладающих ядерным оружием, о предотвращении ядерной войны и недопущении гонки вооружений. 03.01.2022. Доступ: <http://kremlin.ru/events/president/news/67551> (дата обращения: 10.07.2022).

Список литературы

- Адами И.М. [и др.]. 2020. *Договор о запрещении ядерного оружия: формирование нового режима?* – Екатеринбург: Изд во Уральского университета. 180 с.
- Блищенко И.П., Дория Ж. 1999. *Прецеденты в международном публичном и международном частном праве*. М.: Издательство МНИМП. 472 с.
- Лысенко М.Н. 2018. Договор, испытанный временем: к 50-летию Договора о нераспространении ядерного оружия. – *Закон и право*. № 8. С. 15-19.
- Михайленко Е.Б., Михайленко В.И. 2017. Подорывает ли Договор о запрещении ядерного оружия режим нераспространения? – *Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки*. Т. 12. № 4. С. 100-111.
- Муратшина К.Г. 2019. Страны Юго-Восточной Азия и Договор о запрещении ядерного оружия. – *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. Т.1. №1. С. 84-93.
- Муратшина К.Г. 2019. Япония и Договор о запрещении ядерного оружия. – *Японские исследования*. №4. С. 6-23. DOI: <https://doi.org/10.24411/2500-2872-2019-10025>
- Муратшина К.Г., Пашкова Т.В. 2019. Китайская Народная Республика и Договор о запрещении ядерного оружия. – *Вестник Томского государственного университета*. №441. С. 160-168. DOI: [10.17223/15617793/441/21](https://doi.org/10.17223/15617793/441/21)
- Осипов Г.А. 1987. *Международный режим нераспространения ядерного оружия*. М.: Наука. 172 с.
- Сидорова Е.А. 2009. Проблемы укрепления международно-правового режима нераспространения ядерного оружия. – *Международное право*. Т. 37. № 1. С. 222-234.
- Тузмухамедов Б.Р. 2021. Правовая скорлупа для безъядерной иллюзии. – *Россия в глобальной политике*. №2. С.120-130. DOI: [10.31278/1810-6439-2021-19-2-120-130](https://doi.org/10.31278/1810-6439-2021-19-2-120-130)
- Ульянов М.И., Лысенко М.Н. 2018. Договор о нераспространении ядерного оружия – итоги, вызовы, перспективы. – *Международная жизнь*. № 6. С.1-13.
- Black-Branch J.L. 2021. *The Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons*. Cambridge: Cambridge University Press. 200 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781108675307>
- Casey-Maslen St. 2019. *The Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons: a commentary*. Oxford: Oxford University Press. 269 p. DOI: [10.1093/law/9780198830368.001.0001](https://doi.org/10.1093/law/9780198830368.001.0001)
- Corwin D. M. 1987. Legality of Nuclear Arms Under International Law. – *Pennsylvania State International Law Review*. Vol. 5. No. 2. P.271-290.
- Cottrell M. P. 2016. *The Evolution and Legitimacy of International Security Institutions*. Cambridge: Cambridge University Press. 280 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781316392799>
- Garvey J. I. 2009. To Fix the Nuclear Non-proliferation Regime—Avoid State Classification. – *Florida Journal of International Law*. Vol. 21. Issue. 3. P.371-401.
- Lysenko M.N., Ostapova A.D. 2022. The Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons: is there a better alternative?. – *Moscow Journal of International Law*. No.1. P.52-64. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2022-1-52-64>
- Maresca L., Mitchell E. 2015. The Human Costs and Legal Consequences of Nuclear Weapons Under International Humanitarian Law. – *International Review of the Red Cross*. No. 97 P. 621–645.
- Nystuen G., Torbjoern Gr. 2014. The Nuclear Non-Proliferation Treaty. – *Nuclear Weapons under International Law*. Ed. by G. Nystuen, S. Casey-Maslen and A. Bersagel. Cambridge: Cambridge University Press. P. 374-396. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781107337435.024>
- Nystuen, G., Egeland K., Torbjoern Gr. 2018. *The TPNW: Setting the record straight*. 40 p. URL: <http://intl.law.no/wp-content/uploads/2018/10/TPNW-Setting-the-record-straight-Oct-2018-WEB.pdf> (accessed 10.07.2022)
- Philippe S, Zia M. 2022. The TPNW and nuclear disarmament verification: shifting the paradigm. – *Verifying disarmament in the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons*. Ed. by P. Podvig. Geneva: UN Institute for disarmament research. P.5-15.
- Ritchie N. 2022. Constructing verification: power, politics and discourse. – *Verifying disarmament in the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons*. Ed. by P. Podvig. Geneva: UN Institute for disarmament research. P 16-33.
- Thränert O. 2008. Would We Really Miss the Nuclear Non-proliferation Treaty?. – *International Journal*. Vol. 63. No. 2. P. 327-340.
- Wellerstein A. 2022. Secrecy and verification in nuclear disarmament. – *Verifying disarmament in the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons*. Ed. by P. Podvig. Geneva: UN Institute for disarmament research. P. 34-50.

References

- Adami I.M. [et al.]. *Dogovor o zapreshchenii yadernogo oruzhiya: formirovanie novogo rezhima?* [Treaty on prohibition of nuclear weapons: creation of a new regime?]. Ekaterinburg: Izd vo Ural'skogo universiteta Publ. 2020. 180 p. (In Russ.)
- Black-Branch J.L. *The Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons*. Cambridge: Cambridge University Press. 2021. 200 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781108675307>
- Blishchenko I.P., Doria Zh. *Pretsedeny v mezhdunarodnom publicnom i mezhdunarodnom chastnom prave* [Precedents in the international public and private law]. Moscow: Izdatel'stvo MNIMP Publ. 1999. 472 p. (In Russ.)
- Casey-Maslen St. *The Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons: a commentary*. Oxford: Oxford University Press. 2019. 269 p. DOI: [10.1093/law/9780198830368.001.0001](https://doi.org/10.1093/law/9780198830368.001.0001)
- Corwin D. M. Legality of Nuclear Arms Under International Law. – *Pennsylvania State International Law Review*. 1987. Vol. 5. No. 2. P.271-290.
- Cottrell M. P. *The Evolution and Legitimacy of International Security Institutions*. Cambridge: Cambridge University Press. 2016. 280 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781316392799>
- Garvey J. I. To Fix the Nuclear Non-proliferation Regime—Avoid State Classification. – *Florida Journal of International Law*. 2009. Vol. 21. Issue. 3. P.371-401.
- Lysenko M.N. *Dogovor, ispytanniyi vremenem: k 50-letiyu Dogovora o nerasprostraneni yadernogo oruzhiya* [Time-tested treaty (on the occasion of the 50th anniversary of the Treaty on the non-proliferation of nuclear weapons)]. – *Zakon i pravo*. 2018. No. 8. P. 15-19. (In Russ.)
- Lysenko M.N., Ostapova A.D. The Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons: is there a better alternative? –

- Moscow Journal of International Law*. 2022. No.1. P. 52-64. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2022-1-52-64>
10. Maresca L., Mitchell E. The Human Costs and Legal Consequences of Nuclear Weapons Under International Humanitarian Law. – *International Review of the Red Cross*. 2015. No. 97 P. 621–645.
  11. Mikhailenko E.B., Mikhailenko V.I. Podryvaet li Dogovor o zapreshchenii yadernogo oruzhiya rezhim nerasprostraneniya? [Does the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons Undermine the Non-proliferation Regime?]. – *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3: Obshchestvennye nauki*. 2017. Vol. 12. No. 4. P. 100-111. (In Russ.)
  12. Muratshina K.G. Strany Yugo-Vostochnoi Azii i Dogovor o zapreshchenii yadernogo oruzhiya [Southeast Asian Countries and the Treaty on the prohibition of nuclear weapons]. – *Yugo-Vostochnaya Azia: aktual'nye problemy razvitiya*. 2019. Vol.1. No.1. P. 84-93. (In Russ.)
  13. Muratshina K.G. Yaponiya i Dogovor o zapreshchenii yadernogo oruzhiya [Japan and the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons]. – *Yaponskie issledovaniya*. 2019. No. 4. P. 6-23. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24411/2500-2872-2019-10025>
  14. Muratshina K.G., Pashkova T.V. Kitaiskaya Narodnaya Respublika i Dogovor o zapreshchenii yadernogo oruzhiya [The People's Republic of China and the Nuclear Weapons Prohibition Treaty]. – *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2019. No. 441. P. 160-168. (In Russ.). DOI: [10.17223/15617793/441/21](https://doi.org/10.17223/15617793/441/21)
  15. Nystuen G., Hugo T. G. The Nuclear Non-Proliferation Treaty. – *Nuclear Weapons under International Law*. Ed. by G. Nystuen, S. Casey-Maslen and A. Bersagel. Cambridge: Cambridge University Press. 2014. P. 374-396. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781107337435.024>
  16. Nystuen, G., Egeland K., Hugo T.G. *The TPNW: Setting the record straight*. 2018. 40 p. URL: <http://intl.law.no/wp-content/uploads/2018/10/TPNW-Setting-the-record-straight-Oct-2018-WEB.pdf> (accessed 10.07.2022)
  17. Osipov G.A. *Mezhdunarodnyi rezhim nerasprostraneniya yadernogo oruzhiya* [International regime of the non-proliferation of nuclear arms]. Moscow: Nauka Publ. 1987. 172 p. (In Russ.)
  18. Philippe S, Zia M. The TPNW and nuclear disarmament verification: shifting the paradigm. – *Verifying disarmament in the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons*. Ed. by P. Podvig. Geneva: UN Institute for disarmament research. 2022. P. 5-15.
  19. Ritchie N. Constructing verification: power, politics and discourse. – *Verifying disarmament in the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons*. Ed. by P. Podvig. Geneva: UN Institute for disarmament research. 2022. P. 16-33.
  20. Sidorova E.A. Problemy ukrepleniya mezhdunarodno-pravogo rezhima nerasprostraneniya yadernogo oruzhiya [Problems of strengthening of international regime of the non-proliferation of nuclear arms]. – *Mezhdunarodnoe pravo*. 2009. Vol. 37. No. 1. P. 222-234. (In Russ.)
  21. Thränert O. Would We Really Miss the Nuclear Non-proliferation Treaty?. – *International Journal*. 2008. Vol. 63. No. 2. P. 327-340.
  22. Tuzmukhamedov B.R. Pravovaya skorlupa dlya bez'yadernoi illyuzii [A legal shell for a nuclear-free illusion]. – *Rossiya v global'noi politike*. 2021. No.2. P. 120-130. (In Russ.). DOI: [10.31278/1810-6439-2021-19-2-120-130](https://doi.org/10.31278/1810-6439-2021-19-2-120-130)
  23. Ul'yanov M.I., Lysenko M.N. Dogovor o nerasprostraneni yadernogo oruzhiya – itogi, vyzovy, perspektivy [Treaty on non-proliferation of nuclear arms – results, challenges, perspectives]. – *Mezhdunarodnaya zhizn'*. 2018. No. 6. P. 1-13. (In Russ.)
  24. Wellerstein A. Secrecy and verification in nuclear disarmament. – *Verifying disarmament in the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons*. Ed. by P. Podvig. Geneva: UN Institute for disarmament research. 2022. P. 34-50.

Информация об авторе

Игорь Станиславович Марусин,

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры международного права, Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Университетская наб., д.7/9

i.marusin@spbu.ru
ORCID: 0000-0001-8330-9916

About the Author

Igor S. Marusin,

Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Professor at the Chair of International Law, Saint Petersburg State University

7-9, Universitetskaya nab., Saint Petersburg, Russian Federation, 199034

i.marusin@spbu.ru
ORCID: 0000-0001-8330-9916

Dmitry V. IVANOV

Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia
76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454
prof.ivanovdv@gmail.com
ORCID: 0000-0003-1231-6072

Vladislav G. DONAKANIAN

Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia
76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454
vlad03don@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-1167-8496

THE ICAO COUNCIL AS A DISPUTE SETTLEMENT BODY: THEORETICAL AND PRACTICAL ISSUES

INTRODUCTION. *Achieving the goals of international legal regulation of a particular area of inter-State relations depends mainly on the existence of an effective dispute settlement mechanism. In the field of international air law, such powers are attributed to the Council of the International Civil Aviation Organization (hereinafter - ICAO), established under the Convention on International Civil Aviation of 1944 (hereinafter - the Chicago Convention).*

The Council's activities in this area cannot be called fruitful. Since the establishment of ICAO in 1947, the Council has not issued a single decision on disputes that have been brought before it. States have proved to be reluctant to use the dispute settlement mechanism established under the Chicago system. This is mainly due to the imperfection of the relevant provisions of the Chicago Convention, which for many years have been the object of criticism in international legal doctrine. Moreover, the provisions of the Chicago Convention do not answer the question regarding the legal nature of the Council as a dispute settlement body and the limits of its competence. The issue of the Council's competence has been considered twice by the International Court of Justice of the

United Nations (hereinafter - ICJ). The judgments issued by the ICJ have not, in our view, resolved the existing legal problems but instead have contributed to further ambiguity. Furthermore, this topic has become especially relevant in light of the fact that in March 2022 the Netherlands and Austria initiated a dispute settlement procedure in the Council under Article 84 of the Chicago Convention against Russia for the downing of Malaysian civil aircraft in 2014. In these circumstances, the Council's de facto role in resolving international civil aviation disputes needs to be clarified

MATERIALS AND METHODS. *This paper examines the provisions of the Chicago international legal regime governing dispute settlement in the Council. The authors also analyse the established State practice in the application of Chapter XVIII of the Chicago Convention. Particular attention is given to legal doctrine, where several international legal concepts emerge to resolve existing legal problems. The methodological basis consists of general scientific and special research methods, including analysis, synthesis, systematisation, as well as formal-legal, formal-logical and critical-legal methods.*

RESEARCH RESULTS. *The Council as a dispute settlement body has a dual legal nature. This is reflected in the fact that in procedural terms the Council is similar to international judicial bodies in many aspects, but a number of features concerning the composition of the Council and the opportunity to appeal the decision issued prevent it from qualifying as a judicial body. This calls into question the power of the Council to issue legally binding decisions and the existence of its jurisdiction per se. State and Council practice also confirms that the Council under Chapter XVIII of the Chicago Convention acts as a mediator, which contrasts with the recent decision of the ICJ on the Qatar Air Blockade case, under which the Council has jurisdiction. Moreover, the Chicago Convention provides sanctions for non-compliance with Council decisions, which does not allow the Council to be considered as a mediator. Equally controversial was the ICJ finding that the Council, in settling disputes arising from the Chicago Convention (the Transit Agreement or other treaties), could examine issues outside their scope.*

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *The unclear legal status of the Council as a dispute settlement body, which was promoted by the controversial decision of the ICJ on the Qatar Air Blockade case, makes the mechanism under Chapter XVIII of the Chicago Convention highly ineffective. It is doubtful*

that states, consistently seeking legal certainty, would initiate proceedings in the Council under the existing international legal framework. As a result of the analysis of international legal concepts that propose the modernisation of the Chicago Convention dispute settlement mechanism, the authors conclude that either the establishment of a permanent arbitral institution within the structure of ICAO or the modification of the text of Chapter XVIII of the Chicago Convention so that the ICAO Council would act only as a mediator would be the preferable options. The authors share the position of lawyers who point to the need to negotiate new universal international law norms in the field of air law.

KEYWORDS: *ICAO, Chicago Convention, dispute settlement in international air law, International Court of Justice, ICAO Council competence, Qatar Air Blockade, progressive development of international air law*

FOR CITATION: *Ivanov D.V., Donakanyan V.G. The ICAO Council as a Dispute Settlement Body: Theoretical and Practical Issues. – Moscow Journal of International Law. 2022. No. 3. P. 33–48. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2022-3-33-48>*

The authors declare the absence of conflict of interest.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ВОЗДУШНОЕ ПРАВО

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2022-3-33-48>

Дмитрий Владимирович ИВАНОВ

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России
Проспект Вернадского, д. 76, Москва, 119454, Российская Федерация
prof.ivanovdv@gmail.com
ORCID: 0000-0003-1231-6072

Владислав Гарегинович ДОНАКАНЯН

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России
Проспект Вернадского, д. 76, Москва, 119454, Российская Федерация
vlad03don@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-1167-8496

Исследовательская статья
Поступила в редакцию: 04.02.2022
Принята к публикации: 20.05.2022

СОВЕТ ИКАО КАК ОРГАН ПО РАЗРЕШЕНИЮ СПОРОВ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

ВВЕДЕНИЕ. Достижение целей международно-правового регулирования определенной сферы межгосударственных отношений во многом зависит от наличия эффективного механизма урегулирования споров. В отрасли международного воздушного права подобные полномочия отнесены к компетенции Совета Международной организации гражданской авиации (далее – ИКАО), учрежденной в соответствии с Конвенцией о международной гражданской авиации 1944 г. (далее — Чикагская конвенция).

Деятельность Совета в этой области нельзя назвать плодотворной. С момента учреждения ИКАО в 1947 г. Совет не вынес ни одного решения по спорам, переданным на его рассмотрение. Государства, как показывает практика, неохотно прибегают к установленному в рамках Чикагской системы механизму разрешения споров. Во многом это объясняется несовершенством соответствующих положений Чикагской конвенции, которые уже на протяжении многих лет являются объектом критики в международно-правовой доктрине. Более того, положения Чикагской конвенции не дают однозначного ответа на вопрос о правовой природе Совета ИКАО как органа по разрешению споров и пределах его компетенции. Вопрос компетенции Совета дважды рассматривался в Международном суде ООН. Вынесенные им решения, на наш взгляд, не разрешили существующие правовые проблемы, а, напротив, внесли еще большую неясность. Более того, особую актуальность данная тема приобрела в свете того, что в марте 2022 г. Нидерланды и Австрия инициировали в Совете процедуру разрешения споров по ст. 84 Чикагской конвенции в отношении России в связи с крушением малазийского гражданского воздушного судна в 2014 г. В данных обстоятельствах возникает необходимость уточнения сложившегося *de facto* порядка деятельности Совета ИКАО в сфере разрешения международных споров в области гражданской авиации.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В данной работе исследуются положения Чикагской конвенции, акты

органов ИКАО и решения Международного суда ООН, которые в своей совокупности формируют существующий международно-правовой режим разрешения споров в Совете. Авторы также рассматривают сложившуюся практику государств по применению главы XVIII Чикагской конвенции. Отдельное внимание уделено доктринальным источникам, в рамках которых возникают международно-правовые концепции, призванные разрешить существующие правовые проблемы. Методологическую основу составляют общенаучные и специальные методы исследования, которые включают в себя анализ, синтез, систематизацию, а также формально-юридический, формально-логический и критико-правовой методы.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Совет как орган по разрешению споров имеет двойственную правовую природу. Выражается это в том, что с точки зрения процессуальных аспектов Совет во многом схож с международными судебными органами, однако ряд особенностей, касающихся состава Совета и возможности обжалования вынесенного решения, не позволяют его квалифицировать в таком качестве. В этой связи возникает вопрос о возможности вынесения Советом юридически обязывающих решений и наличии у него юрисдикции *per se*. Практика государств и Совета также подтверждает, что Совет в рамках главы XVIII Чикагской конвенции фактически выполняет функции посредника, что контрастирует с недавним решением Международного суда ООН по делу о воздушной блокаде Катара, из которого следует, что Совет обладает юрисдикцией. Более того, Чикагская конвенция предусматривает наложение санкций за невыполнение решений Совета, что не позволяет рассматривать Совет как посредника. Не менее спорным является и вывод Международного суда ООН о том, что Совет, при разрешении споров, вытекающих из Чикагской конвенции (Соглашения о транзите или иных договоров), может рассматривать вопросы, находящиеся за пределами их сферы регулирования.

ОБСУЖДЕНИЯ И ВЫВОДЫ. Неясный правовой статус Совета как органа по разрешению споров, установлению которого способствовало неоднозначное решение Международного суда ООН по делу о воздушной блокаде Катара, делает установленный в главе XVIII Чикагской конвенции механизм крайне неэффективным. Маловероятно, что государства, последовательно стремясь к правовой определенности, будут инициировать разбирательства в Совете при существующем международно-правовом регулировании. В результате анализа международно-правовых концепций, в рамках которых предлагается модернизировать механизм разрешения споров по Чикагской конвенции, авторы пришли к выводу, что наиболее предпочтительным вариантом будет либо учреждение постоянно действующего арбитражного учреждения в рамках структуры ИКАО, либо изменение текста главы XVIII Чикагской конвенции таким образом, чтобы Совет ИКАО выполнял исключительно посреднические функции в качестве органа по

разрешению споров. Авторы разделяют позицию юристов-международников, которые отмечают необходимость согласования новых универсальных международно-правовых норм в области международного права.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ИКАО, Чикагская конвенция, разрешение споров в международном воздушном праве, Международный суд ООН, компетенция Совета ИКАО, воздушная блокада Катара, прогрессивное развитие международного воздушного права

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Иванов Д.В., Донаканян В.Г. А.И. 2022. Совет ИКАО как орган по разрешению споров: теоретические и практические проблемы. – *Московский журнал международного права*. № 3. С. 33–48. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2022-3-33-48>

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

1. ICAO Council as a dispute settlement body: general characteristics

1.1. Dispute Resolution under the Chicago System

Provisions concerning the dispute settlement procedure are contained in Chapter XVIII of the Chicago Convention. As laid down in Article 84, "if any disagreement between two or more Contracting States relating to the interpretation or application of this Convention and its Annexes cannot be settled by negotiations, it shall, on the application of any State concerned in the disagreement, be decided by the Council". A State which is the disputing party cannot take part in its settlement in the Council. It is also possible to appeal a decision of the Council to the ICJ or an ad hoc arbitral tribunal. If one party does not recognize the competence of the ICJ or the parties are unable to agree on an arbitral tribunal, the dispute shall be settled by an arbitral tribunal constituted pursuant to Article 85 of the Chicago Convention.

Chapter XVIII also provides rules to ensure the implementation of Council decisions. So, the States, based

on Article 87, committed themselves not to make their airspace available to airlines that do not comply with the final decisions of the Council. Moreover, if States do not fulfil this obligation, then the Assembly has the right to suspend the voting rights of such a State in the Council and the Assembly.

The above mechanism is used not only to resolve disputes arising from the provisions of the Chicago Convention. The provisions of the International Air Services Transit Agreement of 1944 and the International Air Transport Agreement of 1944 attribute to the competence of the ICAO Council the power to settle disputes arising from the application and interpretation of these treaties. Subsequently, some international treaties also include a reference to Chapter XVIII of the Chicago Convention as the rules establishing the procedure for dispute settlement under these treaties. As a result, the ICAO Council transformed itself into a body tasked with resolving various disputes in the field of civil aviation, not just those arising under the Chicago Convention¹. The expanded powers of the ICAO Coun-

¹ Tovmasyan M.D. Aktual'nye problemy peresmotra konventsii o mezhdunarodnoi grazhdanskoj aviatsii: Chikagskoi konventsii 1944 goda. Diss...kand. yurid. Nauk [Relevant issues for the revision of the 1944 Convention on International Civil Aviation. Thesis for the degree of Candidate of Juridical Sciences]. Moscow. 2001. P. 112.

cil were confirmed at the first session of the ICAO Assembly in 1947².

Legal doctrine identifies several technical and legal drawbacks in Chapter XVIII of the Chicago Convention [Balakhovskii 1986:162-163]. Firstly, Article 84 enshrines that the dispute settlement procedure of the Council may be initiated at the request of "any State concerned in the disagreement" and that an appeal may be lodged by "any contracting State". Based on this, some lawyers point to a conflict: a dispute can be referred to the Council by any State, but only a State party to the Chicago Convention has the right to appeal the final decision of the Council. Secondly, Article 84 provides for an option to appeal the Council's decision to the ICJ or an ad hoc arbitral tribunal. Still, it is argued that the wording of Article 85 implies³ that recourse to an arbitral tribunal is only possible if one of the parties to the dispute does not recognize the competence of the ICJ.

In our opinion, the above critical assessment of the provisions of the Chicago Convention is not justified. According to Article 31 of the 1969 Vienna Convention on the Law of Treaties, the terms of the treaty should be interpreted in their context. Consequently, the phrase "any State concerned in the disagreement" should be considered synonymous with "any contracting State" that is a party to the dispute. Otherwise, based on a restrictive interpretation of these provisions, a situation may emerge where a dispute arises between two or more States parties to the Chicago Convention over its interpretation and application; still, the Council will proceed to resolve it at the request of a third state. Moreover, this State, not being a party to the Chicago Convention, should be "involved in this dispute", but it is not entirely clear on what legal grounds because it does not have the rights and does not bear obligations under this agreement. In our opinion, such an interpretation leads to clearly absurd results. From this, we can conclude that only a State party to the Chicago Convention can initiate the consideration of disputes in the ICAO Council.

The problem of the possibility of appealing the Council's decision to an ad hoc tribunal also seems

far-fetched. Article 84 unambiguously establishes a dispositive norm allowing States to appeal the Council's decision either to the ICJ or to an ad hoc arbitral tribunal. In the light of this provision, it would not be entirely correct, in our view, to assert any hierarchy between these avenues of appeal based solely on the wording of Article 85.

Moreover, given that all States Parties to the Chicago Convention are members of the UN and, therefore, ipso facto parties to the ICJ Statute, it is implausible that specific problems with the practical application of the provisions discussed above will arise [Vaugeois 2016:2]. The wording of Article 84 is a clear example of how irrelevant the norms of the Chicago Convention are to the regulation of contemporary international relations in the use of airspace.

1.2. ICAO Rules for the Settlement of Differences

In 1957, the ICAO Council approved the Rules for the Settlement of Differences (hereinafter - Rules)⁴. Some ICAO documents explicitly state that they were developed in strict accordance with the Rules of Court of the International Court of Justice (hereinafter - ICJ Rules)⁵. The Rules provide for the memorials, counter-memorials. The respondent has the opportunity to submit a preliminary objection to the competence of the ICAO Council to consider the issue presented by the applicant. The parties may submit additional written proceedings followed by an oral hearing stage in the case.

A number of the Rules provisions can be used by the Council in order to avoid making a final decision on a case [Bae 2013:74]. So, based on Article 6 of the Rules, the Council, after presenting a counter-memorial, may call the parties to direct negotiations. According to Article 14 of the Rules, the Council may resort to this method of dispute settlement at any stage of the proceedings. In any case, the Council can set a time frame for the completion of negotiations. As will be shown below, this mechanism is the primary method of dispute settlement within ICAO.

Among the controversial aspects of this document it should be noted that there are no provisions that

² ICAO: Resolutions Adopted by the First Assembly . P. 20-21. URL: https://www.icao.int/Meetings/AMC/MA/Assembly%201st%20Session/A1_p45.djvu (accessed 28.01.2022).

³ Under Article 85 of the Chicago Convention, "If any contracting State party to a dispute in which the decision of the Council is under appeal has not accepted the Statute of the Permanent Court of International Justice and the contracting States parties to the dispute cannot agree on the choice of the arbitral tribunal, each of the contracting States parties to the dispute shall name a single arbitrator who shall name an umpire".

⁴ ICAO: Rules for the Settlement of Differences. URL: <https://standart.aero/en/icao/book/doc-7782-rules-for-the-settlement-of-differences-en-cons> (accessed 28.01.2022).

⁵ ICAO: Review of the Rules for the Settlement of Differences. URL: <https://www.icao.int/Meetings/LC37/Documents/LC37%203-2%20EN%20Rules%20Settlement%20Differences.pdf> (accessed 28.01.2022).

would establish special requirements for voting in the Council when it rules on disputes. According to the general rule set in Article 52 of the Chicago Convention, the Council decides by a simple majority vote of its members. However, a situation may arise where a majority of the Council is parties to a dispute; consequently, the Council will not be able to make a final decision, as the parties to the dispute will be deprived of their right to vote. This circumstance, reflected in Article 84 of the Chicago Convention, has also been criticized because the States involved in the dispute do not have the opportunity to express their legal position in a decision. This provision seems particularly controversial given that the ICJ Statute enshrines the right of parties to elect judges of their nationality [Sanchez 2010:35].

In the foreseeable future, it is likely that the text of the Rules will be amended [Zhang 2021:139-141]. Thus, in 2017 the Council requested the Secretariat to review the Rules to determine whether there is a need to review and update them⁶. The Secretariat concluded that the matter should be referred to the ICAO Legal Committee, and it was included in the work program of the Legal Committee at its 37th session⁷. The Secretariat pointed out the need to bring the Rules into line with the provisions of the ICJ Rules, which have been amended several times since 1957.

The Legal Committee at its 38th session had before it a Progress report on The Working Group for the Review of the ICAO Rules for the Settlement of Differences⁸ (hereinafter - WG-RRSD). According to this document, proposed amendments to the Rules can be divided into two groups: changes for which the WG-RRSD has reached a high level of agreement, and changes that require further consideration by the WG-RRSD.

The first group includes aspects that do not affect the essence of the ICAO Council as a dispute settlement body. Thus, in the Draft Revision to the Rules appeared provisions on the use of electronic documents and virtual proceedings. In addition, many points related to the procedural aspects of preliminary objections have been clarified. So, for example, it is proposed to introduce into the text of the Rules "admissibility" as ground for a preliminary objection.

The second group of proposed amendments to the Rules includes provisions, some of which are also, in our opinion, of a purely technical nature. Among them: the clarification of Article 2 of the Rules on the need for a preliminary attempt to resolve a dispute through negotiation and the clarification of Article 3 of the Rules regarding the possibility of the Council to involve experts in the dispute settlement process. The other amendments from the second group have a more significant nature. It is proposed to extend the provisions of the Rules application to all disputes submitted to the Council, to limit public access to the proceedings records (fully or until the moment of rendering a decision); to stipulate an obligation for the Council to reflect legal and factual reasons in the decision; to review the interpretation of the term "majority" in Article 54 of the Chicago Convention in order to ensure that the Council can render a decision if a majority of its members are parties to the dispute; as well as to establish the right of the Council to impose provisional measures.

In general, we can see that the Draft Revision to the Rules is more inclined towards the judicial procedure.

1.3. Dispute settlement practice within the ICAO Council

Since the ICAO foundation, the dispute settlement mechanism under Chapter XVIII of the Chicago Convention has been used to resolve seven disputes. The authors believe it is necessary and appropriate to consider them [Milde 2016:204-209; Dempsey 1987:562-564].

India v Pakistan (1952) Pakistan's restricted zone along the border with Afghanistan effectively prevented direct air traffic between Delhi and Kabul. India argued that this violated Articles 5 and 6 of the Chicago Convention and the Transit Agreement. The Council did not issue a final decision. The parties resolved the conflict through negotiation, as recommended by the Council.

Great Britain v. Spain (1967) The dispute concerned the legality of the establishment by Spain of exclusion zones in the Gibraltar airspace. The consideration of the dispute was postponed indefinitely at the request of both parties.

⁶ Ibidem.

⁷ ICAO: Work programme of the organization in the legal field. URL: https://www.icao.int/Meetings/a40/Documents/WP/wp_078_en.pdf (accessed 28.01.2022).

⁸ ICAO: Progress report on the work of the Working group for the review of the ICAO rules for the settlement of differences (WG-RRSD). URL: https://www.icao.int/Meetings/LC38/Documents/WP/LC38%20WP%202-1%20PROGRESS%20REPORT%20ON%20THE%20WORK%20OF%20THE%20WG-RRSD_EN.pdf (accessed 28.01.2022).

Pakistan v. India (1971) The reason for the dispute was the suspension of Pakistan aircraft overflights over India. India appealed the Council's competence in this dispute to the ICJ, but the decision was in favour of Pakistan. The dispute was resolved by the parties on their own after the formation of East Bangladesh as an independent State. This dispute, as some lawyers write, was settled entirely within the dispute settlement mechanism of the Council [Garipey, Botsford 1976:357]. Technically speaking, such a position is very controversial since the Council did not formally make a final decision under Article 84 of the Chicago Convention.

Cuba v. the USA (1998) In 1996, two aircraft operated by Brothers to the Rescue (a non-profit organization, which had repeatedly dropped propaganda leaflets) were shot down on the high seas by the Cuban Air Force. The incident resulted in the deaths of three citizens and one US resident. In response, US authorities closed their airspace to Cuban aircraft. The dispute was resolved by agreement between the parties, and the Council did not issue a final decision

US v. EU (2000) The dispute concerned EU Regulation No. 925/1999⁹, which established aircraft engine noise requirements that were not met by US aircraft and therefore they could not operate within the EU. The dispute was resolved through negotiations, and the Council did not make a final decision.

Brazil v USA (2016) The dispute arose out of a disagreement over "the interpretation and application of the Convention and its Annexes" in connection with the 2006 collision between a Brazilian Boeing and an American private jet. The dispute has not been finally settled, but it is unlikely that the Council will take a final decision on the matter. The parties suspended the process of the Applicant's response to the respondent's counter-memorial and now parties are engaged in negotiations¹⁰. At the 40th session of the ICAO Assembly, Brazil and the United States submitted a paper on State cooperation under Article 12 of the Chicago Convention¹¹.

Qatar v. Bahrain, Egypt, United Arab Emirates and Saudi Arabia (2017) The dispute arose due to the acts of the respondent States, which prohibited the use of national airspace and flight information areas for

Qatari aircraft. The defendants attempted to challenge the competence of the ICAO Council to adjudicate the dispute in ICJ, but the judgment was rendered in favour of Qatar. The blockade was lifted due to agreements reached at the 41st Gulf Cooperation Council summit in January 2021.

It appears from the disputes that in the entire period of ICAO's activities no dispute has been finally resolved in accordance with the provisions of Chapter XVIII of the Chicago Convention. This may indicate the inefficiency of the Chicago Convention mechanism, which is due to several objective factors that will be discussed below.

2. The competence of the ICAO Council to settle disputes: ICJ approach

2.1. Formulation of the problem

The wording of Article 84 of the Chicago Convention raises problems in determining the applicability of the dispute settlement mechanism under Chapter XVIII to a particular situation. It establishes that the ICAO Council has the competence to settle disputes "concerning the interpretation or application" of the Chicago Convention and its Annexes. However, practice shows that deviation from the norms of the Chicago Convention is not always directly related to the interpretation and application of the provisions contained therein. Their breach may result from a dispute for which the application of the Chicago Convention alone would not be sufficient. This raises the question of whether the ICAO Council has the competence to consider such disputes.

This legal issue has twice been the subject of a dispute in the ICJ. It is worth noting that "each new ICJ decision offers not only the lawful elimination of this dispute as such but also the enrichment of the legal arsenal for the prevention or fair settlement of future disputes" [Vylegzhanin, Kalamkaryan 2012:26]. Also, the ICJ in its practice consistently adheres to earlier decisions. Among other things, the ICJ is the competent body for appealing the decisions of the Council. Based on the above-mentioned circumstances, it can be concluded that the decisions of the ICJ on this issue should

⁹ EU: Council Regulation (EC) No. 925/1999 of 29 April 1999 on the registration and operation within the Community of certain types of civil subsonic jet aeroplanes which have been modified and recertificated as meeting the standards of volume I, Part II, Chapter 3 of Annex 16 to the Convention on International Civil Aviation, third edition (July 1993). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:31999R0925&from=EN> (accessed 28.01.2022).

¹⁰ See ICAO Annual Report 2019. URL: <https://www.icao.int/annual-report-2019/Pages/supporting-strategies-legal-and-external-relations-settlement-of-differences.aspx> (accessed 28.01.2022).

¹¹ ICAO: Article 12 of the Chicago convention: communication mechanism and guidelines to support its implementation. URL: https://www.icao.int/Meetings/a40/Documents/WP/wp_101_en.pdf (accessed 28.01.2022).

be considered as a modern interpretation of the provisions of Article 84 of the Chicago Convention.

2.2. India vs Pakistan (1972)¹²

In August 1965, military clashes broke out between India and Pakistan. It led to the interruption of air traffic between these two countries. In February 1966, the countries agreed to resume air services on "the same basis as before August 1, 1965". In 1971 an Indian aircraft was hijacked in Pakistani territory. As a result, India closed its airspace to Pakistani aircraft. This resulted in Pakistan's complaint to the ICAO Council against India for violating Article 5 of the Chicago Convention and Article 1 of Section I of the Transit Agreement. The ICAO Council acknowledged that it had jurisdiction over the dispute, but India decided to challenge the validity of the decision before the ICJ.

India's position in this dispute was based on two main arguments:

1) From August 1965, the Chicago Convention and the Transit Agreement ceased to govern relations between India and Pakistan. After February 1966, India and Pakistan established a "special regime" that provided exclusively permissive use of Indian airspace.

2) The hijacking of an Indian plane on Pakistani territory in 1971 should be qualified as a material violation of the Chicago Convention and the Transit Agreement. Proceeding from this, India, in any case, had the right to suspend the treaties on the basis of the norms of general international law; therefore, the consideration of this issue is outside the powers of the Council.

These arguments were aimed primarily at proving that, for some reason, the Chicago Convention and the Transit Agreement are not in force for the States. Pakistan argued that the agreement reached in February 1966 implied the resumption of flights based on the provisions of the Chicago Convention and the Transit Agreement, rather than a "special regime". The ICJ found that Pakistan had not received an unequivocal statement on the suspension of the treaties, and all notifications from India were related to aircraft flights rather than international treaties. India's objection that its actions were outside the scope of the Chicago Convention and were regulated by norms of general international law and the law of international treaties were not accepted by the court. The ICJ relied on the fact that such objections, emanating from one of the disputing parties, were not enough to deny the jurisdiction of the Council. The ICJ also indicated that the

question of the status of the Chicago Convention and the Transit Agreement, as well as the question of the legality of India's response to the hijacking of an aircraft in Pakistan, were to be brought before the ICAO Council and these questions could not ipso facto and a priori exclude the competence of ICAO. The decision also reflected that this dispute prima facie affects the aforementioned international treaties. Therefore, the dispute fell within the framework of the jurisdictional clauses established in these treaties, for the denial of which the statement of one party was not enough. The final decision was in favour of Pakistan.

In our opinion, this decision is controversial. As was rightly noted in the decision, India's position was based on the fact that the Chicago Convention and the Pakistan-India Transit Agreement were terminated or suspended, so India could not violate the provisions of these treaties. It follows from this that India did not deny the facts of derogation of the norms contained in them but did not consider them as violations of international law since they were conditioned by Pakistan's unlawful (in India's opinion) actions. The court did not directly address this aspect in its decision. At the same time, the decision correctly emphasized that India's objections to the jurisdiction of the ICAO Council undoubtedly affected the essence of the dispute, which the ICJ was not authorized to settle. In other words, the issue of jurisdiction in this dispute largely predetermines the final decision.

At the same time, it implicitly follows from the ICJ judgment that the relationship between India and Pakistan was still governed by the Chicago Convention and the Transit Agreement. This was evidenced by the court's finding that India had not expressly declared the suspension of these treaties. Also, the final decision that the Council had jurisdiction over the case based on Article 84 of the Chicago Convention could have been taken by the Council as the ICJ's conclusion that the Chicago Convention and the Transit Agreement applied to the dispute. However, the ICJ did not consider the validity of India's actions on the merits, did not analyze all the circumstances of the case and only concluded that the ICAO Council had jurisdiction over the dispute.

If the dispute had been nevertheless resolved by the Council, rather than by agreement between the parties, the Council would have two options: to settle the case on the basis of the Chicago Convention and the Transit Agreement, or by taking into account all the circum-

¹² International Court of Justice: Appeal Relating to the Jurisdiction of the ICAO Council (India v. Pakistan). Judgment of 18 August 1972. URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/54/054-19720818-JUD-01-00-EN.pdf> (accessed 28.01.2022).

stances of the case and other norms of international law. Both options are unacceptable. In the first case, the decision would not meet the principle of fairness because, as stated earlier, India did not deny derogation from the provisions of the Chicago Convention, and legal qualification of the antecedents is necessary for an objective decision. In the second case, the ICAO Council would have been forced to raise issues that would go far beyond international air law, but States most likely did not seek to give it such authority at the time of signing the Chicago Convention. Based on the previous paragraph, the first option seems the most likely.

The authors of this paper believe that to settle this dispute effectively, the ICAO Council had to declare a lack of competence, as its complex nature involves recourse to various sources of international law and not just the provisions of the Chicago Convention and the Transit Agreement.

2.3. Bahrain, Egypt, Saudi Arabia and United Arab Emirates¹³ v Qatar and Bahrain, Egypt, United Arab Emirates and Qatar¹⁴ (2020)

From a formal legal point of view, this dispute should be divided into two separate disputes: a dispute over a violation of the provisions of the Chicago Convention and a breach of the provisions of the Transit Agreement. Saudi Arabia is not a party to the Transit Agreement and therefore is not a party to the dispute. ICJ's decisions on these disputes are identical.

In 2017, Bahrain, Egypt, the United Arab Emirates and Saudi Arabia closed their airspace to aircraft registered in Qatar. The reason for this was the alleged violation by Qatar of its obligations under the so-called Riyadh agreements concluded in 2013-2014. Under them, Qatar agreed upon no support to any "organizations, groups, or individuals that threaten the security and stability of the Council states". In response to this, Qatar, according to Article 84 of the Chicago Conven-

tion and Section 2 of Article II of the Transit Agreement, initiated a dispute settlement procedure in the ICAO Council. The respondent Governments raised two preliminary objections. The first stated that the dispute concerned obligations beyond the mentioned treaties, and their actions could be qualified as legitimate countermeasures following international law. In the second objection, it was stated that Qatar did not fulfil the conditions of Article 84 of the Chicago Convention and Section 2 of Article II of the Transit Agreement to refer the dispute to the Council, namely, did not attempt to settle the dispute through negotiations. The ICAO Council did not accept the preliminary objections and in 2018 confirmed its competence to resolve this dispute. Subsequently, Bahrain, Egypt, the United Arab Emirates and Saudi Arabia decided to appeal this decision to the ICJ.

The applicants invoked three grounds of appeal against the decision: violations by the Council of the fundamental principles of due process and the right to be heard, which resulted in an erroneous decision; and factual and legal errors by the Council in rejecting their preliminary objections (each cited as a separate ground).

In its decision, the ICJ chose to start by analyzing the second ground of appeal against the Council's decision. The dispute in question was found to involve provisions of the Chicago Convention and the Transit Agreement and, therefore, be subject to jurisdictional clauses. According to the ICJ's position, the mere fact that this dispute had arisen in the broader context did not deprive the ICAO Council of its jurisdiction under the Chicago Convention and the Transit Agreement. Moreover, the ICJ referred to the 1972 judgment in the *India v Pakistan* dispute, in which the court found that the position of a party to the dispute (that the provisions of the convention did not apply to the merits of the dispute) could not be a basis for excluding the jurisdiction of the Council¹⁵.

¹³ International Court of Justice: Appeal Relating to the Jurisdiction of the ICAO Council under Article 84 of the Convention on International Civil Aviation. Judgment of 14 July 2020. URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/173/173-20200714-JUD-01-00-EN.pdf> (accessed 28.01.2022).

¹⁴ International Court of Justice: Appeal Relating to the Jurisdiction of the ICAO Council under Article II, Section 2, of the 1944 International Air Services Transit Agreement (Bahrain, Egypt and United Arab Emirates v. Qatar). Judgment of 14 July 2020. URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/174/174-20200714-JUD-01-00-EN.pdf> (accessed 28.01.2022).

¹⁵ "The fact that a defense on the merits is cast in a particular form, cannot affect the competence of the tribunal or other organ concerned, — otherwise parties would be in a position themselves to control that competence, which would be inadmissible. As has already been seen in the case of the competence of the Court, so with that of the Council, its competence must depend on the character of the dispute submitted to it and on the issues thus raised — not on those defenses on the merits, or other considerations, which would become relevant only after the jurisdictional issues had been settled." See: International Court of Justice: Appeal Relating to the Jurisdiction of the ICAO Council (*India v. Pakistan*). Judgment of 18 August 1972. Para 27. URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/54/054-19720818-JUD-01-00-EN.pdf> (accessed 28.01.2022).

The ICJ further disagreed with the applicants' position that Qatar had failed to comply with the requirements of Article 84 concerning the pre-trial settlement of the dispute. This article stipulates that the Council is authorized to consider only those differences that cannot be resolved through negotiations. Qatar pointed to attempts to settle the dispute within the ICAO, WTO and UN, and through other means of dispute settlement. In addition, the ICJ concluded that there was no reasonable basis to believe that the dispute in question could have been settled through negotiation.

Regarding the first ground for appeal against the Council's decision, the ICJ stated that there is no need to consider the issue of cancelling the legality of the correct decision of the Council in the light of procedural violations. The Court also found that the Council's decision-making process did not violate the fundamental requirements of due process.

In this decision, the ICJ confirmed its position on an expanded approach to the interpretation of the provisions of Article 84 of the Chicago Convention on the competence of the Council. In the 2020 decision, the ICJ explicitly indicated the Council had powers to consider issues outside the scope of these international treaties. The controversial nature of this approach was noted in the declaration of Judge K.G. Gevorgyan. According to him, it was sufficient to confine to the position indicated in the 1972 decision to substantiate the applicants' argument about the lack of jurisdiction of the Council¹⁶. Let us remind that it was about the inadmissibility of denying the competence of the Council on the grounds that one party refers to the inapplicability of the Chicago Convention and the Transit Agreement to a particular dispute. K.G. Gevorgyan quite rightly noted that the States, concluding these treaties, did not agree to vest the ICAO Council with powers to settle disputes that do not affect civil aviation issues. In addition, given that Council members act as representatives of States and are not necessarily experts in international law, the resolution of such disputes will not be effective.

It seems that the position of K.G. Gevorgyan has an indisputable legal basis. At the same time, from our point of view, the intentional or unintentional expansion of the Council's competence, of which K.G. Gevorgyan wrote in his declaration, happened already in 1972 in the ICJ judgment on the India v. Pakistan case.

This was not directly reflected in the text of the judgment, but it indirectly followed from it. After all, the ICJ, recognizing the Council's competence to resolve the dispute between India and Pakistan, confirmed its right to decide on the validity of the legal position of India, for the qualification of which, as we indicated earlier, it would be necessary to turn to various sources of international law that do not affect aviation.

The authors of this paper agree with the main argument of the ICJ that the position of a party on the inapplicability of the provisions of the Chicago Convention cannot be an unconditional basis for denying the competence of the Council. However, this approach is not always justified in the light of all the circumstances of a particular dispute. In our opinion, the dispute between India and Pakistan of 1972 and the dispute over the air blockade of Qatar of 2020 fall into this category.

2.4 The ICJ decisions in the context of 1 legal proceedings on downing of Malaysia Airlines Flight MH 17 in 2014.

On July 17, 2014, a Malaysian Boeing "777-200" was shot down in the airspace over the territory of the Donetsk People's Republic, the territory which was engaged in an armed conflict. In March 2022 official sources announced that the Netherlands and Austria initiated legal proceedings against Russia in Council regarding the downing of the Boeing "777-200"¹⁷. Leaving aside the merits of the dispute and the validity of the legal position of the Netherlands and Austria, it is important to focus on the issue of the competence of the Council to resolve the dispute.

It is not apparent at this time which provisions of the Chicago Convention the applicants will serve as base for applicants' legal position. We suppose that they will refer to Article 3bis, under which contracting States have undertaken to refrain from resorting to the use of weapons against civil aircraft in flight. If we follow the approach taken by the ICJ in its 2020 decision, we can assume that the Council is highly likely to confirm its competence to resolve this dispute, as it is *prima facie* related to the Chicago Convention and civil aviation in general. However, resolution of this dispute requires the establishment of many factual circumstances, which implies an in-depth analysis of the military and technical details of the accident. Moreover, it will be necessary to make an adequate international

¹⁶ International Court of Justice: Declarations of Judge Gevorgian to the Judgments of 14 July 2020. Paras 2. URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/174/174-20200714-JUD-01-02-EN.pdf> (accessed 28. 01.2022).

¹⁷ The Netherlands and Australia submit complaint against Russia to the International Civil Aviation Organization. URL: <https://www.government.nl/latest/news/2022/03/14/netherlands-and-australia-submit-complaint-against-russia-to-icao> (accessed 10.04.2022).

legal qualification of these circumstances. Thus, for example, the Council may be faced the entities' conduct attribution to the State problem, which is outside the scope not only of the Chicago Convention, but also of international air law in general.

Had the Netherlands and Austria had filed an application before 2020, there would be hope that the Council, after examining all the circumstances of the case, would decide not to consider the dispute due to lack of competence. Unfortunately, in today's realities such a scenario is extremely unlikely. As stated earlier, the ICJ has expressly established that the Council, in settling disputes under Article 84 of the Chicago Convention, may consider aspects outside the scope of that treaty. Consequently, we may be witnessing an unprecedented and unwarranted expansion of the Council's competence, which will make the Council an ineffective mode of dispute resolution, and its decisions will inevitably be appealed to the ICJ.

3. The place of the ICAO Council in the system of means for the peaceful settlement of disputes in the light of the ICJ judgments and current practice

3.1. ICAO Council as a judicial body. Does it have jurisdiction in the legal sense of the word?

Currently, there is no unified approach to understanding the legal nature of the Council as a body for the settlement of international disputes in the field of civil aviation. On the one hand, the dispute settlement procedure established by the Rules and the possibility of imposing sanctions for non-compliance with Council decisions, enshrined in Articles 86 and 87 of the Chicago Convention, indicate that the Council can act as a judicial organ. On the other hand, the Council is more of a political body, as it consists of 36 ICAO Member States, which are likely to be guided by national interests in the framework aviation disputes. As a result, the Council cannot be expected to make the kind of fair and impartial decision that is characteristic of a judicial body [Dempsey 1987:568].

In this regard, the position of the outstanding lawyer M. Milde seems to be the most correct, who writes that "the Council cannot be considered to be a true judicial body composed of judges who would be acting in their personal capacity and deciding strictly and exclusively on the basis of international law". As such, Council decisions are more political considerations than normative prescriptions [Milde 2016:204]. At the same time, no less well-known international lawyer R. Abeyratne adheres to the point of view according to which the Council undoubtedly has judicial powers. In support of his position, he argues that Council mem-

bers may be more competent in settlement aviation disputes than ICJ judges. But, more importantly, he explains that the Council has judicial powers through the concept of "inherent powers", the application of which, in his opinion, is necessary, since otherwise the UN and its specialized agencies "were to be bogged down in a quagmire of interpretation and judicial determination in the exercise of their duties" [Abeyratne 2014:666].

This argument cannot be called indisputable because, as Professor G.I. Tunkin wrote, the concept of "inherent powers" separates the international organization from its basis (i.e. the constituent agreement), contradicts the principles of interpretation of international treaties and the legal nature of international organizations as interstate formations of peaceful co-existence [Tunkin 1974:329].

This aspect was also raised by the ICJ in the recent decision on the competence of the Council. The Court, considering the issue of the applicability of the concept of "judicial ethics" to the activities of the Council, concluded that, despite the provisions of Article 84 of the Chicago Convention, according to which the Council is entrusted with the function of settlement disputes, it is not a judicial body in the literal sense of the word. Moreover, the ICJ actually relied on the same circumstance as M. Milde. At the same time, the document submitted by the ICAO Secretariat on the revision of the Rules stipulates that Article 84 enshrines the judicial function of the Council.

Considering all the above facts and the fact that the Chicago Convention provides for a procedure of appeal of final decisions of the Council to the ICJ, it seems possible to conclude that this body cannot be put on a par with other international judicial bodies. This raises a theoretical question: is it legally correct to speak of the jurisdiction of the Council, given that it is not a judicial body?

S. Amerasinghe in his fundamental work on the jurisdiction in international law analyzed all possible meanings of the term "jurisdiction", and, as follows from the definitions given by him, "jurisdiction" is always associated with various aspects of the activities of the judicial authorities [Amerasinghe 2002:58-64]. However, the international legal doctrine lacks a unified approach to the use of this term. For example, ICJ Judge H. Turlway pointed out that not only judicial and arbitration bodies but also political ones have jurisdiction. Moreover, the jurisdiction of political bodies cannot include the adoption of generally binding decisions [Thirlway 2016:38]. At the same time, the ICAO Council, as noted by K.G. Gevoryan, is a body of a predominantly technical and administrative nature. Consequently, within the framework of H. Turlway's

concept, it should be qualified as a political body with its own jurisdiction.

The approach demonstrated above is rightly criticized by Russian scientists A.N. Vylegzhanin and O.I. Zinchenko. In their view, when referring to the terms of reference of political authorities, the term "competence" rather than "jurisdiction" is preferred". They also give the meaning of the term "jurisdiction", which is given in the most popular English-language legal dictionary (Black's Law Dictionary), where it is stated that jurisdiction is "a term of comprehensive import embracing every kind of judicial action" [Vylegzhanin, Zinchenko 2018:10] At the same time, the Council is not a judicial body for some reasons we have mentioned earlier. As a result, we cannot speak of its "judicial action".

The problematic issue of the Council's "jurisdiction" was reflected in the separate opinion of Judge ad hoc F. Berman¹⁸ to the judgment on the Qatar air blockade case. In his view, the use of the term "jurisdiction" by the ICJ concerning the powers of the Council under Article 84 of the Chicago Convention has complicated the existing ambiguity. F. Berman gives weighty arguments in support of his position. First of all, he notes that only judicial settlement of a dispute is associated with "jurisdiction", i.e. with a legally binding decision. Then he proceeds to review the ICAO Rules, the analysis of which leads him to conclude that the Council powers enshrined in them are more consistent with those of the supreme executive body of a technical institution or "amiable compositeur" than that of a judicial body. He doubts that the contracting States sought to make the decisions of the Council legally binding, given that the Chicago Convention does not contain provisions on the legal nature of the decisions of the Council, but at the same time, according to Article 86, ICJ and arbitral decisions are final and binding. As a result, he offers a different interpretation of Article 84 of the Chicago Convention, according to which the Council does not have "jurisdiction", but exercises "the high administrative function, drawing on its unique knowledge and expertise in the field of civil aviation, of giving authoritative rulings as to what the Convention means and requires, whether or not such issues form part of specific disputes between member States". According to

F. Berman, such an interpretation will make it possible to give authoritative decisions of the Council equal force for all member States of the Chicago Convention, and not only for the parties to the dispute,

which will have a positive effect on international civil aviation as a whole. Among other things, this would allow for a clear delineation of the ICJ's appeal function, which would result in a review of the Council's proposed interpretation of the provisions of the Chicago Convention, without addressing the issue of aviation policy, for which the Court may be as incompetent as Council in the sphere of international law.

Given all of the above, it seems legally incorrect to treat the Council's powers under Article 84 of the Chicago Convention as "jurisdiction" because, firstly, the Council cannot be regarded as a judicial body and, secondly, decisions on disputes brought before it is rather of an intermediate nature

3.2. ICAO Council as a mediator

As noted earlier, the Council, in the entire history of its activities, has never fully settled a dispute in accordance with Chapter XVIII of the Chicago Convention. The parties settled all disputes referred to the Council through negotiations. This was not an exclusive achievement of the parties, as the Council contributed significantly to the peaceful settlement of them. For example, in the dispute between the United States and the EU in 2000, the President of the Council provided "good offices" to the parties. A similar situation was observed in the dispute between India and Pakistan in 1952 [Milde 2016:209]. International legal doctrine notes that the Council always seeks to resolve all conflicts "diplomatically" without the need for a final solution [Luongo 2018:52].

This practice is mainly due to factual circumstances. For example, the Council's consideration of disputes is characterized by persistent delays and lengthy proceedings. At the same time, as a

P.S. Dempsey noted in 1987, such delays enabled the parties to settle their differences peacefully and on the basis of consensus [Dempsey 1987:569]. As practice shows, there has been no significant change since the publication of the cited work. It follows that the legal basis for the activity of the Council in the sphere of dispute settlement is not reflected in Chapter XVIII of the Chicago Convention, but rather in the aforementioned Article 6 and 14 of the Rules, under which the Council may at any time call upon the disputing parties to negotiate, during which the proceedings before the Council will be suspended.

All this allows us to speak of the Council as a body that actually acts as a mediator [Gariepy, Botsford

¹⁸ International Court of Justice: Separate opinion of Judge ad hoc Berman to the Judgments of 14 July 2020. Para. 2. URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/173/173-20200714-JUD-01-03-EN.pdf> (accessed 01.02.2022).

1976:358-459]. in resolving disagreements between the State's parties to the Chicago Convention or, as indicated by M. Milde, as a quasi-mediator [Milde 2016:209].

In this regard, it should be noted that, under the generally accepted approach, a mediator should be understood as an unofficial participant in the process, whose recommendations and decisions are not binding on the parties to the conflict [Khudoykina 1998:5]. Mediation does not imply the use of any legal mechanisms to settle the dispute and monitor the implementation of the decision reached by the mediator. However, according to Articles 86 and 87 of the Chicago Convention, airlines and States that do not comply with the decisions of the Council may be sanctioned. Mediation in international law does not imply such measures.

At the same time, there is a view that the sanctions enshrined in Articles 87 and 88 are not so significant that States are keen to avoid them. For example, Article 87 stipulates that States are obliged to close their airspace to airlines that do not comply with the Council's decisions. However, as

G.C. Sanchez rightly points out, it is virtually impossible to monitor compliance with this obligation because of the large number of States Parties to the Chicago Convention. Moreover, not every State is prepared to aggravate relations with the State of registration of such an airline. In addition, Article 88 states that the "Assembly shall suspend the voting power in the Assembly and in the Council of any contracting State that is found in default under the provisions" of Chapter XVIII. According to the position of G.C. Sanchez, essential powers of these bodies consist in the adoption of Annexes to the Chicago Convention, which could be adopted without regard to the position of the delinquent State. Further, G.C. Sanchez writes that in order for an annex to be legally binding, such a State must ratify it and, consequently, States should not be afraid of incurring new international legal obligations without their consent [Sanchez 2010:36-37]. The authors of this article agree with this conclusion, but consider it useful to clarify that the Annexes to the Chicago Convention constitute a set of standards and recommended practices that are referred to as annexes for convenience. It follows that the Annexes to the Chicago Convention are acts of an international organization that are not sources of international law and are not subject to ratification by States [Maleev, Vasil'ev

1979:185; Abashidze, Travnikov 2019:185]. However, in international legal doctrine, this issue is debatable.

Leaving aside the question of the effectiveness of sanctions enshrined in Article 86 and Article 87 of the Chicago Convention, it seems possible to state the discrepancy between the actual and formal legal status of the ICAO Council as a body for the peaceful settlement of disputes. On the one hand, the practice has shown that, despite the inability of the ICAO Council to exercise the functions of a judicial body, it plays an essential role in the settlement of disputes in the field of civil aviation as a mediator [Bae 2013:74]. On the other hand, under Chapter XVIII of the Chicago Convention, the powers of the Council go far beyond the functions of a mediator. The fact that the Council never resorted to them when considering disputes on the basis of Article 84 of the Chicago Convention cannot serve as a basis for qualifying the Council as a mediator.

3.3. Reform of the dispute settlement mechanism enshrined in Chapter XVIII of the Chicago Convention

It is noteworthy that some lawyers consider the ICAO Council as a fairly effective means for the peaceful settlement of disputes. They attribute this to the fact that the Council, rather than performing the quasi-judicial function assigned to it by the Chicago Convention, encourages the parties to reach a consensus [Luongo 2018:52]. Notably, R. Gariepy and D. L. Botsford argue that the fact that only one dispute has been resolved under ICAO¹⁹ does not indicate that the judicial mechanism under the Chicago Convention is ineffective [Gariepy, Botsford 1976:357-359]. They note the significant role of the Council as a mediator but point out that in the absence of the mechanism provided for by Chapter XVIII of the Chicago Convention the effectiveness of the ICAO Council in this area would be highly questionable. In our view, this statement is doubtful, given that the authors of the cited work in support of their position, mention, inter alia, a dispute between Jordan and the UAE, which was settled through Council mediation but without initiating proceedings under Article 84 of the Chicago Convention.

In our view, it is necessary to distinguish between the efficacy of the Council as a mediator and as a dispute settlement body under Chapter XVIII of the Chicago Convention. There is no doubt that, in the first case, the Council has proven to be a highly effective means

¹⁹ As such, the authors consider the 1971 India-Pakistan dispute. However, as has been noted in this paper, the ICAO Council has not made a final decision on it.

for settling disputes in the field of international civil aviation. Such mediation has often arisen precisely in proceedings under Article 84 of the Chicago Convention, but this does not indicate the effectiveness of the Chapter XVIII mechanism as a whole. The absence of disputes in which the Council rendered a final decision is not evidence of the Council's phenomenal success in its role as a mediator but rather of the imperfection of the dispute settlement mechanism established by the Chicago Convention. Consequently, various ideas for reforming this mechanism have been expressed in international legal doctrine.

According to R. Sankovych, the current dispute settlement procedure can be improved without changing the provisions of the Chicago Convention [Sankovych 2017:335-337]. Under his proposal, the Council, based on Article 55, may establish a Panel of Arbitrators, composed of three categories of persons: representatives of the public authorities of the parties to the Chicago Convention, who is responsible for aviation matters; highly qualified staff members of the ICAO Secretariat or other international or regional organizations whose professional activities involve participation in dispute settlement procedures; as well as experienced lawyers specializing in dispute settlement. Within the framework of this concept, it is assumed that persons not involved in the case (airlines and their clients) will be able to provide expert opinions on the subject of the dispute. According to R. Sankovych, all this will help to ensure that the Panel of Arbitrators issues reasoned decisions. The decision made by such a Panel of Arbitrators must be approved by the Council, since this mechanism is not established in the Chicago Convention. Therefore, the legal status of the decisions of the Panel of Arbitrators is not clear. R. Sankovych also considers the possibility of assigning to the proposed Panel of Arbitrators the obligation to provide the Council with two decisions, each in favour of one of the disputing parties. The Council will determine the outcome of the dispute by voting. It is proposed to leave the procedure for appealing decisions unchanged.

The above-mentioned procedure will eliminate one of the main shortcomings of the current order, namely, the lack of the necessary professional competence among the members of the Council. At the same time, R. Sankovych's proposal to assign to the Panel of Arbitrators the obligation to submit to the Council two conflicting decisions seems hugely controversial.

In such circumstances, the arbitrators will not be able to objectively consider the dispute and make a single decision based on an independent assessment; one of the decisions will always contradict the position of the majority of the arbitrators, which minimizes the utility of the proposed Panel of Arbitrators as a whole. In the same case, if the Panel of Arbitrators presents one decision to the Council, then the Council will not be obliged to approve it in any case. Under the existing provisions of the Chicago Convention, the Council, when resolving disputes, can only take into account the verdict of such a Panel of Arbitrators. Still, the last word will always be with the members of the Council. Consequently, the actual role of the proposed Panel of Arbitrators, as rightly pointed out by Norberto E. Luongo, will be reduced exclusively to the performance of the advisory function, which the Secretary of ICAO currently performs [Luongo 2018:52].

If R. Sankovych primarily based his concept on the experience of the World Trade Organization (hereinafter - the WTO), then S. Sanetti proposes to completely transfer the WTO dispute settlement mechanism to the Chicago system. S. Sanetti notes that before the adoption of The Understanding on Rules and Procedures Governing the Settlement of Disputes of 1994, the WTO dispute settlement mechanism was criticized on the same grounds as the mechanism of Chapter XVIII of the Chicago Convention [Canetti 1995:515-521]. Such a reform would not affect the structure of ICAO since the ICAO Assembly corresponds in many respects to the WTO Ministerial Conference and the ICAO Council to the WTO General Council. At the same time, the proposed mechanism has the potential to significantly rehabilitate ICAO's role as a means of adequate dispute settlement. For example, the parties would have a guarantee that a final decision will be rendered after a certain period of time, as the 1994 Dispute Settlement Understanding on Rules and Procedures clearly regulates and sets time limits for each stage of a dispute. Moreover, the WTO rules on the appointment of arbitrators address the problem of possible politicization of the final award.

Of particular note is E.A. Samorodova's approach²⁰, according to which the international community should amend the text of the Chicago Convention or resort to the conclusion of a new universal international treaty on air law. This progressive development of international law, among other aspects, should result

²⁰ Samorodova E.A. *Mezhdunarodno-pravovye problemy razrabotki i prinyatiya universal'noi (vseobshchei) konventsii po vozdushnomu pravu*. Diss.... kand. yurid. nauk [International legal issues relating to the drafting and adoption of a universal (general) convention on air law. Thesis for the degree of Candidate of Juridical Sciences]. Moscow. 2008. P. 105.

in establishing International Air Arbitration, a permanent judicial body under the ICAO Council or under a new international organization. A distinctive feature of such a judicial body should be "complexity", i.e. International air arbitration must be competent to consider and settle any dispute related to the use of airspace. E.A. Samorodova also proposes the option of concluding a special convention on the settlement of disputes related to the use of airspace.

Another Russian researcher M. D. Tovmasyan²¹ adheres to a similar position. He is also considering the option of creating a judicial body - the Permanent Aviation Arbitration, which will include the most authoritative experts in the field of air law nominated by States. At the same time, M.D. Tovmasyan, like E.A. Samorodova, notes the negative attitude of States to referring disputes to arbitration, the decisions of which are binding. In this regard, M.D. Tovmasyan doubts that such a mechanism will be widely used as a stand-alone means of dispute settlement. In his view, it would be most appropriate to develop and regulate consultation and mediation procedures which could be provided by the ICAO Secretary, the President of the Council and other ICAO bodies.

The idea of establishing a permanent arbitral institution as an ICAO organ is also supported by contemporary foreign legal doctrine. As L. Zhang notes, changing the ICAO Settlement Rules will not solve all existing problems. Therefore, the most desirable and practical option would be to establish a new arbitral institution by amending the text of the Chicago Convention [Zheng 2022:181-183].

Any of the above approaches to reforming the dispute settlement mechanism of the Chicago system is possible. Nevertheless, it seems likely that the Chicago Convention XVIII mechanism would not be improved, but rather abolished entirely. It must be stressed that it is solely a question of abolishing the authority of ICAO to issue legally binding rulings on disputes between States Parties. An approach that would exclude ICAO from the current system of peaceful settlement of civil aviation disputes seems to be highly irrational. After all, as

we have noted, the Council has been effective in its role as a mediator. Consequently, the Chicago Convention could be amended in order to impose an obligation on contracting States to comply with the pre-trial dispute settlement procedure. It would require States to have recourse to the mediation of the Council. In the same case, if the dispute cannot be settled within ICAO within the prescribed time limit, the parties should go to an ICJ or ad hoc tribunal to resolve the merits of the dispute.

4. Conclusion

Since the establishment of ICAO, the dispute settlement mechanism provided for by the Chicago Convention has not functioned as efficiently as expected in 1944. The analysis of the provisions of the Chicago Convention, international legal doctrine, the practice of the Council and decisions of the ICJ allows us to draw a number of conclusions that reveal the reasons for the current situation.

Firstly, the provisions of Chapter XVIII of the Chicago Convention are not detailed enough, as a result, a number of legal problems arise that do not have a straightforward solution. Second, the Council is the highest administrative body of ICAO, but not a judicial one. Empowering the Council to settle disputes through a legally binding decision violates the internal logic of the entire Chicago Convention. Moreover, it contradicts the conventional approach to the creation of judicial bodies in international law. Third, the ICJ's practice on this issue is extremely ambiguous. Based on the judgements of the ICJ, the Council acquired "jurisdiction" and was recognized as the competent authority to deal with matters outside the scope of international air law. Under these conditions, it is implausible that states will choose the Council to resolve a dispute.

Solving existing problems without changing the provisions of the Chicago Convention will be extremely problematic. The creation of new legal norms will undoubtedly be a time-consuming and labour-intensive activity, but it is necessary to streamline international relations arising from the use of airspace.

References

1. Abashidze A.Kh., Travnikov A.L. Starye, no sovremennye problemy mezhdunarodnogo vozdušnogo prava ["Old" but Modern Problems of International Air Law]. – *Pravo. Zhurnal vysshei shkoly ekonomiki*. 2019. No.3. P. 181-202. (In Russ.). DOI: 10.17323/2072-8166.2019.3.181.202
2. Abeyratne R. *Convention on International Civil Aviation: A Commentary*. Cham: Springer International Publishing. 2014. 373 p.
3. Amerasinghe C.F. *Jurisdiction of International Tribunals*. Leiden: Brill | Nijhoff. 2002. 881 p.
4. Balakhovskii Ya.M. Razreshenie sporov v mezhdunarodnom vozdušnom prave (rol' Soveta IKAO) [Dispute Resolution in International Air Law (Role of the ICAO

²¹ Tovmasyan M.D. Op. Cit. P. 119-120.

- Council)]. – *Sovetskii ezhegodnik mezhdunarodnogo prava, 1984 [Soviet Yearbook of International Law, 1984]*. Moscow: Nauka Publ. 1986. P. 159 – 172. (In Russ.)
5. Bae J. Review of the Dispute Settlement Mechanism Under the International Civil Aviation Organization: Contradiction of Political Body Adjudication. – *Journal of International Dispute Settlement*. 2013. Vol. 4. Issue. 1. P. 65-81. DOI:10.1093/jnlids/ids017
  6. Canetti C. Fifty Years after the Chicago Conference: A Proposal for Dispute Settlement under the Auspices of the International Civil Aviation Organization. – *Law and Policy in International Business*. 1995. Vol. 26. P. 497-522.
  7. Dempsey P.S. The Role of the International Civil Aviation Organization on Deregulation, Discrimination, and Dispute Resolution. – *Journal of Air Law and Commerce*. 1987. Vol. 52. Issue 3. P. 529-583.
  8. Gariepy R.N., Botsford. D.L. The Effectiveness of the International Civil Aviation Organization's Adjudicatory Machinery. – *Journal of Air Law and Commerce*. 1976. Vol. 42. Issue 2. P. 351-362.
  9. Khudoikina T.V. Mirnoe uregulirovanie i razreshenie sporov [Peaceful settlement and resolution of disputes]. – *Moscow Journal of International Law*. 1998. No. 3. P. 52-60. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-1998-3-52-60>
  10. Luongo N. E. El Sistema de Solución de Diferencias entre Estados de la OACI. ¿Mecanismo en Crisis o en Proceso de Revitalización?. – *Revista del Derecho del Transporte Terrestre, Marítimo, Aéreo e Intermodal*. 2018. Issue 22. P. 41-60.
  11. Maleev Y.N. Vasil'ev N.I. Tehnicheskie reglamenty v mezhdunarodnom vozдушnom prave [Technical regulations in international air law]. – *Sovetskii ezhegodnik mezhdunarodnogo prava, 1977 [Soviet year-book of international law, 1977]*. Moscow: Nauka Publ. 1979. P. 172-185. (In Russ.)
  12. Milde M. *International Air Law and ICAO*. The Hague: Eleven International Publishing. 2016. 449 p.
  13. Sanchez G. S. The Impotence of the Chicago Convention's Dispute Settlement Provisions. – *Issues in Aviation Law & Policy*. 2010. Issue 27. Vol. 1. P. 27-38.
  14. Sankovych R. ICAO Dispute Resolution Mechanism: Deepening the Current Framework in Lieu of a New One. – *Issues in Aviation Law and Policy*. 2017. Volume. 16. Issue 2. P. 319-340.
  15. Thirlway H. *The International Court of Justice*. New York: Oxford University Press. 2016. 224 p.
  16. Tunkin G.I. *Theory of international law*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press. 1974. 497 p.
  17. Vaugeois M, Settlement of Disputes at ICAO and Sustainable Development. 2016. 18 p. URL: https://www.mcgill.ca/iasl/files/iasl/occasional_paper_iv_settlement_of_disputes.pdf (accessed 28.01.2022)
  18. Vylegzhanin A.N., Kalamkaryan R.A. Znachenie mezhdunarodnogo obychnaya v sovremennom mezhdunarodnom prave [The Role of International Custom in the Contemporary International Law]. – *Moscow Journal of International Law*. 2012. No. 2. P. 5-29. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2012-2-5-29>
  19. Vylegzhanin A.N., Zinchenko O.I. Yurisdiksiya Mezhdunarodnogo suda OON: nekotorye teoreticheskie voprosy [The Jurisdiction of the International Court of Justice: some theoretical issues]. – *Moscow Journal of International Law*. 2018. Issue 4. P. 6-32. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2018-4-6-32>
  20. Zhang L. The Middle East Air Blockade: Revisiting the Jurisdictional Inquiry of the ICAO Council. – *Air and Space Law*. 2021. Vol. 46. Issue 1. P. 135-150. DOI: <https://doi.org/10.54648/aila2021007>
  21. Zhang L. *The Resolution of Inter-State Disputes in Civil Aviation*. Oxford: Oxford University Press. 2022. 256 p.

About the Authors

Dmitry V. Ivanov,

Cand Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor at the Department of International Law, Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia

76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454

prof.ivanovdv@gmail.com
ORCID: 0000-0003-1231-6072

Vladislav G. Donakanian,

student of the Master's program "International legal support of projects and energy business", Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia

76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454

vlad03don@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-1167-8496

Информация об авторах

Дмитрий Владимирович Иванов,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России

119454, Российская Федерация, Москва, проспект Вернадского, д. 76

prof.ivanovdv@gmail.com
ORCID: 0000-0003-1231-6072

Владислав Гарегиневич Донаканян,

студент магистерской программы «Правовое обеспечение международных проектов и энергетического бизнеса», Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России

119454, Российская Федерация, Москва, проспект Вернадского, д. 76

vlad03don@yandex.ru
ORCID : 0000-0002-1167-8496

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2022-3-49-67>

Исследовательская статья
Поступила в редакцию: 16.07.2022
Принята к публикации: 07.09.2022

Вячеслав Константинович ЗИЛАНОВ

Мурманский государственный технический университет
Спортивная ул., д. 13, Мурманск, 183010, Российская Федерация
vkzilan@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1025-5501

Елена Викторовна КИЕНКО

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российская академия наук
Профсоюзная ул., д. 23, Москва, 117997, Российская Федерация
miss.kienko@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8997-065X

Анна Андреевна ЛУГОВСКАЯ

Всероссийский государственный университет юстиции
Азовская ул., д. 2-1, Москва, 117638, Российская Федерация
a.lugovskaya22@gmail.com
ORCID: 0000-0002-5674-6704

СОВРЕМЕННЫЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ НЕРЕГУЛИРУЕМОГО РЫБОЛОВСТВА В АРКТИКЕ

ВВЕДЕНИЕ. В разное время рациональному использованию морских живых ресурсов в районах открытого моря наносился ущерб вследствие нерегулируемых рыбных промыслов. В связи с потеплением климата угроза нерегулируемого рыбного промысла обозначилась и в отношении открытого моря в центральной части Северного Ледовитого океана. В результате многораундовых переговоров 3 октября 2018 г. в г. Илуллиссате (Гренландия, Дания) в так называемом формате «пять плюс пять» – представителями пяти прибрежных приарктических (Россия, США, Канада, Норвегия, Дания) государств и четырех неарктических (КНР, Япония, Южная Корея, Исландия), а

также Европейского союза, было подписано Соглашение о предотвращении нерегулируемого промысла в открытом море в центральной части Северного Ледовитого океана (Agreement to Prevent Unregulated High Seas Fisheries in the Central Arctic Ocean; далее также – Соглашение 2018 г.). В этом новом международно-правовом документе отражены национальные интересы в оптимальном использовании морских живых ресурсов не только названных пяти приарктических государств, но и местных жителей Арктики, в т.ч. коренных малочисленных северных народов, а также тех государств, которые проявили практический интерес к ведению здесь рыболовства.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В статье показана эволюция международно-правовых мер по предотвращению нерегулируемого рыбного промысла в районах открытого моря. Особое внимание уделено исследованию нормативных и научно-аналитических материалов, раскрывающих договорную практику государств по управлению рыбным промыслом в анклавах окраинных морей Северного Ледовитого океана. Также дано юридическое толкование положений Соглашения 2018 г. При проведении исследования авторами использовались исторический, сравнительно-правовой и некоторые другие общенаучные и специальные юридические методы.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. В рамках работы обосновано утверждение о том, что с международно-правовой точки зрения Соглашение 2018 г. представляет собой инновационный международный договор в смысле Венских конвенций о международных договорах 1969 и 1986 гг., в котором отражены интересы не только приарктических, но и неарктических государств. И, несмотря на обеспокоенность по поводу участия последних в нём (прежде всего, Китая) со стороны западных государств, Соглашение, тем не менее, было ратифицировано до начала возможного промышленного рыбного промысла в открытом море в центральной части Северного Ледовитого океана. Это позволяет заблаговременно не допустить развития нерегулируемого рыбного промысла и, тем самым, предотвратить истощение морских живых ресурсов в этой части Северного Ледовитого океана, в отличие от некоторых других анклавов открытого моря.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. Вступление в силу Соглашения 2018 г. ознаменовало начало сотрудничества заинтересованных государств по предотвращению нерегулируемого рыбного промысла в центральной части Северного Ледовитого океана. Помимо реализации основной цели, научное сотрудничество между Сторонами будет способствовать более глубокому исследованию огромного по размерам, одновременно наименее изученного района открытого моря, окруженного зонами юрисдикции прибрежных государств. Ожидается, что в будущем спектр рассматриваемых природоохранных вопросов в центральной части Северного Ледовитого океана расширится.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: нерегулируемое рыболовство, открытое море, анклавы открытого моря, Северный Ледовитый океан, центрально-арктический район, Соглашение о предотвращении нерегулируемого промысла в открытом море в центральной части Северного Ледовитого океана 2018 г., Арктический регион, арктические государства, неарктические государства, предотвращение ННН-промысла

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Зиланов В.К., Киенко Е.В., Луговская А.А. 2022. Современные международно-правовые вопросы предотвращения нерегулируемого рыболовства в Арктике. – Московский журнал международного права. № 3. С. 49–67. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2022-3-48-66>

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

INTERNATIONAL ENVIRONMENTAL LAW

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2022-3-49-67>

Vyacheslav K. ZILANOV

Murmansk State Technical University

13, ul. Sportivnaya, Murmansk, Russian Federation, 183010

vkzilan@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1025-5501

Research article
Received 16 July 2022
Approved 7 September 2022

Elena V. KIENKO

Primakov's National Research Institute of the world economy and international relations, Russian Academy of Sciences
23, ul. Profsoyuznaya, Moscow, Russian Federation, 117997
miss.kienko@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8997-065X

Anna A. LUGOVSKAYA

Russian State University of Justice
2-1, ul. Azovskaya, Moscow, Russian Federation, 117638
a.lugovskaya22@gmail.com
ORCID: 0000-0002-5674-6704

INTERNATIONAL LEGAL ISSUES OF PREVENTING UNREGULATED FISHING IN THE ARCTIC

INTRODUCTION. *At various times, the sustainable use of marine living resources in the high seas outside exclusive economic zones, as well as in areas under the jurisdiction of Arctic coastal states, has been severely damaged by illegal, unregulated and unreported fishing. As the climate warms, the threat of unregulated fishing has also emerged on the high seas in the Central Arctic Ocean. As a result of multi-round negotiations on October 3, 2018 in Ilulissat (Greenland, Denmark) in the so-called «five plus five» format – representatives of five Arctic and four non-Arctic states, as well as the European Union, the Agreement to Prevent Unregulated High Seas Fishing in the Central Arctic Ocean was signed. This new international legal document reflects national interests in the optimal use of marine living resources of the Arctic states, the Arctic indigenous peoples and residents, as well as interested states.*

MATERIALS AND METHODS. *The article shows the evolution of international legal instruments to prevent illegal, unregulated and unreported fishing in the high seas. Particular attention is paid to the study of normative and doctrinal materials revealing the treaty practice of states in the Arctic enclaves. The legal interpretation of the provisions of the 2018 Agreement is also given. In the study the authors used historical, comparative-legal and some other general scientific and special legal methods.*

RESEARCH RESULTS. *From an international perspective, the 2018 Agreement is an innovative legal document that reflects the interests of not only the Arc-*

tic states but also non-Arctic states. Despite concerns about the participation of the latter (China, in particular) on the part of Western states, the Agreement was nevertheless signed and ratified before possible commercial fishing on the high seas in the Central Arctic Ocean starts. This would prevent illegal, unregulated and unreported fishing in advance and thus prevent the depletion of marine living resources in this part of the Arctic Ocean, unlike it happened in other enclaves of the high seas in the Northern Hemisphere.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *The entry into force of the 2018 Agreement marked the beginning of cooperation among interested states in prevention of unregulated high seas fishing in the Central Arctic Ocean. Besides the general purpose of the Agreement, scientific cooperation between the Parties will contribute to better understanding of the least-explored area of the high seas. It is likely that the environmental cooperation in the Central Arctic Ocean will expand considerably in the future.*

KEYWORDS: *unregulated fishing, the high seas; the enclaves of the high seas; the Arctic Ocean; the Central Arctic Ocean; the Agreement to Prevent Unregulated High Seas Fishing in the Central Arctic Ocean, 2018; the Arctic Region; the Arctic States; non-Arctic States; preventing IUU fishing*

FOR CITATION: Zilanov V.K, Kienko E.V., Lugovskaya A.A. International Legal Issues of Preventing Unregulated Fishing in the Arctic. – Moscow

Journal of International Law. 2022. No. 3. P. 49–67. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2022-3-49-67>

The authors declare the absence of conflict of interest.

1. Введение

Рыболовство – древнейший вид деятельности человека. Научные данные свидетельствуют, что человек «начал сооружение лодок и простейших орудий лова 800 тысяч лет назад», т.е. «люди обратились за пропитанием к морю значительно раньше, чем стали обрабатывать поля для земледелия» [Вылегжанин 2001:7-8]. Действительно «история рыболовства», включая её морскую составляющую, «начинается с первых шагов развития человеческого общества» [Моисеев 1989:224-228]. Свобода рыболовства в открытом море является, наряду со свободой судоходства, важнейшей составляющей статуса открытого моря. Последнее означало традиционно морское пространство, на которое не распространяется суверенитет прибрежного государства, т.е. то, которое находится за пределами территориального моря [Молодцов 1987:91]. Но согласно Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. (далее – Конвенция 1982 г.) понятие открытого моря сужается в том случае, если прибрежное государство своим национальным законом устанавливает свою исключительную экономическую зону (шириной до 200 м. миль). В этом случае в такой зоне нет свободы рыболовства, да и сама эта зона, согласно ст. 86 Конвенции 1982 г., не является частью открытого моря. То есть свобода рыболовства (как составная часть принципа международного права – свободы открытого моря) действует только в открытом море, а оно «включает в себя все части моря, которые не входят ни в исключительную экономическую зону, ни в территориальное море или внутренние воды какого-либо государства, ни в архипелажные воды государства-архипелага»¹.

Принцип свободы рыболовства, в свою очередь, не является «абсолютным», но включает в себя необходимость правового регулирования.

При этом содержание такого регулирования становится все более предметным. Если за 286 лет (с 1683 по 1968 г.) было заключено около 260 международных соглашений, регулирующих рыболовство, то за 6 лет (с 1975 по 1980 г.) число только двухсторонних договоров, заключенных государствами с целью регулирования рыболовства, превысило две сотни [Вылегжанин, Зиланов 2000: 26-27]. В науке отмечено: «В условиях усовершенствования рыбопромысловых судов, орудий лова, масштабов промысла районы плавания таких судов стали фактически неограниченными. В связи с опасностью перелова рыбы и тем самым опасностью для ее воспроизводства возникла необходимость упорядочить в рамках международных соглашений рыбный промысел, особенно в районах интенсивного действия рыбопромысловых судов различных стран. Ученые отвергли теорию неисчерпаемости биологических ресурсов Мирового океана. Возникла потребность в заключении не только соглашений об условиях рыбного промысла, в том числе о сезонах лова, допустимых квотах для договаривающихся государств, но и соглашений о сохранении живых ресурсов Мирового океана»². И тому были веские причины.

С появлением экспедиционного флота фактически любое государство могло сослаться на принцип свободы открытого моря и «жизненную необходимость» и активно вести промысел в морских пространствах [Современное международное морское...1978:101]. Ещё до подписания Конвенции 1982 г. такое положение дел не встречало положительного отклика у прибрежных государств, некоторые из которых в одностороннем порядке присваивали себе право регулировать рыболовство в прилегающих к их территориальному морю пространствах открытого моря [Современное международное морское право...1978:100]³. Основу выдвигаемых

¹ Вылегжанин А.Н., Саваськов П.В. Международное морское право. – *Международное право. В 2-х частях. Часть 2.* Отв. ред. А.Н. Вылегжанин. 4-е изд. М.: Юрайт. 2021. С. 228.

² *Международное морское право. Учебное пособие.* Под ред. С.А. Гуреева. М.: Юридическая литература, 2003. С. 124.

³ Например, в 1976 г. США приняли Закон об установлении рыболовной зоны (Fishery Conservation and Management Act). URL: <https://media.fisheries.noaa.gov/dam-migration/msa-amended-2007.pdf> (accessed 15.06.2022).

прибрежными государствами в таких случаях прав на морские живые ресурсы составлял экономический интерес данного государства, а также особый интерес к проблеме воспроизведения таких биологических ресурсов. В целях регулирования промысла и, на такой основе, охраны рыбных запасов от их неразумного истребления государства заключали международные соглашения.

Международный опыт свидетельствует о том, что обязанность обеспечивать сохранение и рациональное использование морских живых ресурсов возлагалась, в первую очередь, на самые заинтересованные прибрежные государства. Так, в 1882 г. в *Конвенции о надзоре за рыболовством в Северном море* между прибрежными государствами были закреплены обязательные для рыбаков правила промысла за пределами 3 м. миль; судам прибрежных государств предоставлялось право останавливать рыболовные суда, нарушающие правила рыболовства [Международное право...1951:293]. Аналогичные права предоставлялись судам договаривающихся сторон по *Конвенции о международной охране китиков, заключенной между Соединенными Штатами Америки, Великобританией, Японией и Россией в Вашингтоне 7 июля 1911 г.* (далее – Вашингтонская конвенция). С целью сохранения этих животных от полного истребления государствам предоставлялось право останавливать и задерживать в водах Тихого океана к северу от параллели 30° северной широты любое судно, нарушающее запрещение боя китиков в этой части океана. Примечательно, что в Вашингтонской конвенции особенно оговорено применение её положений в отношении коренных малочисленных народов, проживающих на побережье обозначенного района: «постановления настоящей Конвенции

не применяются к индейцам, айносам, алеутам и иным туземцам, проживающим на побережье, омываемом водами..., занимающимся морским ловом котиков в челноках, которые...управляются самостоятельно веслами, рулем или парусами, с экипажем, не превышающим 5 человек в каждой лодке...без употребления огнестрельного оружия. Непременным условием сего признается, что эти туземцы не находятся на службе у других лиц и не заключили контрактов на поставку шкур кому бы то ни было» (ст.4)⁴.

После Второй мировой войны международные соглашения о регулировании рыболовства в открытом море заключались, в основном, по вопросам сотрудничества и охраны живых ресурсов в определенных географических районах моря или для регулирования промыслов определенных видов живых организмов. Эти соглашения устанавливали квоты вылова рыбы различных видов, запретные для промысла сезоны, размеры ячей рыболовных сетей и другие правила⁵. В 1946 г., например, 15 государствами, включая СССР, была заключена *Международная конвенция по регулированию китобойного промысла*⁶. Участники её согласились запретить добычу китов редких видов (серых и гладких), а также молодых китов. Для районов южнее 40° южной широты Конвенцией предусматривается установление предельного числа китов, которые могут быть добыты в один промысловый сезон [Молодцов 1987:105]. Конвенция 1946 г., действуя до сих пор, предусматривает принятие специально учрежденной Комиссией новых правил, относящихся к сохранению и использованию поголовья китов (в частности, охраняемые и неохраняемые виды китов, открытые и закрытые сезоны, открытые и закрытые воды, включая определение заповедных районов и т.д.)⁷.

⁴ Конвенция о международной охране китиков 1911 г. Доступ: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/138575-konventsiya-o-mezhdunarodnoy-ohrane-kotikov-zaklyuchennaya-mezhdu-soedinennymi-shtatami-ameriki-velikobritaniye-yaponiey-i-rossiey-v-vashingtone-7-iyulya-1911-g#mode/inspect/page/2/zoom/4> (дата обращения: 15.06.2022). В 1940 г. правительство Японии денонсировало Конвенцию 1911 г., а в 1941 г. этот международный договор прекратил действие. В 1957 г. правительства СССР, США, Канады и Японии заключили Временную конвенцию о сохранении китиков северной части Тихого океана. О содержании этой конвенции и о прекращении ее действия см.: [Зиланов, Вылегжанин 1989: 87-94].

⁵ *Международное право: учебник*. Под ред. Ф. И. Кожевникова. М.: Международные отношения. 1981. С. 165.

⁶ Конвенция 1946 г. входит в достаточно обширный перечень международных договоров, применимых к региону Берингова пролива – стыку пространств Северного Ледовитого и Тихого океанов. См.: [Вылегжанин и др.:2017: 122-124].

⁷ Международная конвенция по регулированию китобойного промысла от 2 декабря 1946 г. Доступ: <https://docs.cntd.ru/document/1901342> (дата обращения: 15.06.2022).

Впоследствии, с принятием Женевских морских конвенций 1958 г., свобода открытого моря (как для прибрежных, так и для иных государств) получила универсальное закрепление. Свобода рыболовства, будучи одной из четырех изначально признанных свобод открытого моря (наряду со свободой судоходства, свободой прокладывать подводные кабели и трубопроводы, свободой полета над открытым морем), исторически сложившихся в международном морском праве в качестве обычно-правовых норм, получила закрепление, в частности, не только в Конвенции об открытом море 1958 г. (ст.2), но и в *Конвенции о рыболовстве и охране живых ресурсов открытого моря 1958 г.* По смыслу этой Конвенции, рыболовство в открытом море разрешено гражданам любого государства при соблюдении договорных обязательств этого государства и с учетом интересов и прав прибрежных государств. Этот правовой акцент на интересах прибрежных государств особенно подчеркивается в п.1 ст. 6 Конвенции: прибрежное государство «специально заинтересовано в поддержании производительности живых ресурсов в любом районе открытого моря, примыкающем к его территориальному морю»⁸. О необходимости сотрудничества по вопросам охраны морских живых ресурсов и их рационального использования говорится и в пп. 3, 4 ст. 6 Конвенции: государство, занимающееся рыболовством в районе открытого моря, примыкающем к территориальному морю прибрежного государства, *обязано* согласовать меры по охране живых ресурсов этого района открытого моря по требованию прибрежного государства; а также *может* вступить в переговоры по согласованию таких мер⁹. При соблюдении определенных условий (наличествует необходимость срочного применения мер, имеются соответствующие научные данные и т.д.) прибрежному государству разрешается вводить односторонние охранительные меры в любом районе открытого моря, примыкающем к его территориальному морю.

В Конвенции 1982 г. также подчеркивается, что свобода рыболовства в открытом море является неотъемлемым правом всех государств; но при этом необходимо учитывать «заинтересованность других государств в пользовании свободой открытого моря» (ст. 87)¹⁰. Определенные ограничения в осуществлении свободы рыболовства в открытом море содержатся и в ст. 116 Конвенции 1982 г.: государства обязаны соблюдать свои договорные обязательства; права и обязанности, а также интересы прибрежных государств. В этом случае сотрудничество между прибрежными и не прибрежными государствами представляется вполне естественным, так как «находясь в тесной взаимосвязи», свобода рыболовства и охрана живых ресурсов представляют собой «единый принцип свободы рационального и научно обоснованного рыболовства в открытом море»¹¹.

С введением нового института - исключительной экономической зоны (ИЭЗ)- Конвенцией 1982 г., рыбопромысловые зоны оказались под юрисдикцией прибрежных государств, что, по мнению учёных, повлекло активизацию промысла в районах открытого моря за их пределами [Современное международное морское право...1978:109]. В результате, воспроизводство рыбных запасов в таких районах вновь оказалось под угрозой. Надо учитывать то, что эти морские живые ресурсы в ходе своего жизненного цикла мигрируют из 200-мильных ИЭЗ в районы открытого моря. В самих же районах открытого моря, как правило, нет самовоспроизводящихся «изолированных» запасов морских живых ресурсов, которые весь свой жизненный цикл проводили бы в них [Зиланов 2016:47].

Важность сотрудничества между прибрежными и неприбрежными государствами подчеркивается в статьях 117 и 118 Конвенции 1982 г.: «... государства, граждане которых ведут промысел разных живых ресурсов в одном и том же районе или одних и тех же живых ресурсов, вступают в переговоры в целях принятия мер, необходимых

⁸ Женевская конвенция о рыболовстве и охране живых ресурсов открытого моря от 29 апреля 1958 г. Доступ: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/fisheries58.pdf (дата обращения: 15.06.2022)

⁹ Там же.

¹⁰ Конвенция ООН по морскому праву от 10 октября 1982 г. Доступ: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 15.06.2022).

¹¹ *Международная конвенция по морскому праву 1982 г.: пособие для офицеров военно-морского флота.* Под ред. В. А. Серкова. М.: Военное издательство. 1985. С. 68

для сохранения этих живых ресурсов. В соответствующих случаях они сотрудничают в создании для этой цели субрегиональных или региональных организаций по рыболовству»¹². В этой связи в Конвенции 1982 г. установлено, что рыбный промысел не является правомерным, если прибрежные государства не согласовали меры по его осуществлению. Меры по сохранению морских живых ресурсов открытого моря и управлению ими, а также размер допустимого улова, определённые в ст. 119 Конвенции 1982 г., направлены на предотвращение их чрезмерной эксплуатации; такие меры учитывают, *inter alia*, наиболее достоверные научные данные; соответствующие экологические и экономические факторы; потребности развивающихся государств; международные минимальные стандарты; воздействие на виды, ассоциированные с вылавливаемыми видами или зависимые от них. Эти правовые меры не должны, однако, иметь дискриминационный характер.

2. Меры регулирования рыбного промысла в арктических морях

В отечественной международно-правовой науке уже отмечена специфика статуса Арктики [Арктический регион...2013:11-45], ошибочность мнений тех специалистов, которые оставляют эту специфику без внимания, уравнивая правовой режим морей Северного Ледовитого океана и незамерзающих морей Индийского, Атлантического и Тихого океанов [Барсегов 2002: 23-24; Вылегжанин и др. 2021:4-5]. Отмечено, что такая позиция, совпадающая с официальной позицией НАТО по статусу арктических морей, нацелена на игнорирование исторических правооснований России в Арктике [Жудро 2018].

Моря Северного Ледовитого океана представляют собой естественную среду обитания морских живых ресурсов и имеют ключевое значение для промысла коренных малочисленных народов, прибрежных общин, а также промышленного рыболовства пяти приарктических

государств (России, Канады, Норвегии, США, Дании). В морях Северного полушария, включая и Северный Ледовитый океан, насчитывается пять так называемых «анклавов открытого моря»¹³, окруженных со всех сторон внешними границами 200-мильных ИЭЗ прибрежных государств: 1) «дырка от бублика» в Беринговом море (DonutHole); 2) «многоугольник» в Охотском море (Polygon); 3) «лазейка-петля» в Баренцевом море (LoopHole); 4) «банан», «декольте», «галстук» в Гренландском и Норвежском морях (Banana, Decollette, TieHoles); 5) «ледовый мешок», «ледовый анклав» (IceSack; IceEnclave) в открытом море в центральной части Северного Ледовитого океана [Зиланов 2016:46; Vylegzhanin, Young, Berkman 2020: 1-3]. В подобных случаях ИЭЗ соседних и/или противолежащих побережий государств расположены таким образом, что они полностью окружают район открытого моря за пределами их юрисдикции. Вместе с тем, эта ситуация не препятствует судам любого государства вести промысел в этих районах открытого моря, если только они не заключили международное соглашение, определяющее иное.

Ранее проблема нерегулируемого рыбного промысла в четырех из пяти анклавов повлекла за собой разработку международно-правовых документов для прекращения разрушительного для рыбных запасов и нанесшего значительный ущерб коренному населению Севера промышленного рыболовства (в частности, минтая, трески, пикши, палтуса и других видов) (Табл. 1). Зачастую меры по предотвращению незаконного, нерегулируемого и несообщаемого промысла (далее – ННН-промысел) предпринимались тогда, когда он уже достиг угрожающих масштабов. Так, например, в анклаве Берингова моря, окруженном ИЭЗ США и России, запасы минтая были разрушены ННН-промыслом (он составлял более 1,3 млн. тонн); несмотря на подписание международной конвенции по их управлению эти запасы до сих пор полностью не восстановлены¹⁴.

¹² Конвенция ООН по морскому праву от 10 октября 1982 г. URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 15.06.2022).

¹³ О понятии и статусе «анклавов открытого моря» см.: [Молодцов, Зиланов, Вылегжанин 1993:39-51].

¹⁴ Мораторий на промысел минтая в центральной части Берингова моря продлен еще на один год. – *Всероссийский научно-исследовательский институт рыбного хозяйства и океанографии*. 11.12.2020. Доступ: <http://vniro.ru/novosti/arkhiv-za-2019-god-2/moratorij-na-promysel-mintaya-v-tsentral-noj-chasti-beringova-morya-prodlen-eshche-na-odin-god> (дата обращения: 15.06.2022).

Согласно *Конвенции о сохранении ресурсов минтая и управлении ими в центральной части Берингова моря 1994 г.* (далее – Конвенция 1994 г.)¹⁵, заключенной между Китаем, Японией, Республикой Корея, Польшей, Россией и США, стороны договорились об установлении международного режима сохранения ресурсов минтая, управления ими и их оптимального использования в конвенционном районе; определении допустимого уровня добычи минтая на основе новейших научных данных; установлении индивидуальной национальной квоты на минтай; учете промысловых усилий государств; недискриминационном характере принимаемых мер. Для реализации положений Конвенции 1994 г. создана Ежегодная конференция, которая устанавливает консенсусом на последующий год для каждой стороны индивидуальную национальную квоту, общий объем которых не должен превышать допустимый уровень добычи минтая.

Как отмечают отечественные исследователи, свобода рыболовства в районе открытого моря применяется с учетом п. 2 ст. 63 Конвенции 1982 г. [Зиланов, Спивакова 1995:195], которая гласит, что если «один и тот же запас или запасы ассоциированных видов встречаются как в исключительной экономической зоне, так и в районе, находящемся за ее пределами и прилегающем к ней, прибрежное государство и государства, ведущие промысел таких запасов в прилегающем районе, стремятся прямо или через соответствующие субрегиональные или региональные организации согласовать меры, необходимые для сохранения этих запасов в прилегающем районе»¹⁶. Речь идет, в данном случае, об использовании сторонами алеутской и олютерско-карачинской популяций минтая, которые согласно своим характеристикам, должны соответствовать положениям указанной статьи [Зиланов, Спивакова 1995: 195]. Отметим, что в своё время, Конвенция 1994 г. стала беспрецедентным международ-

ным соглашением, отражающим возможности сотрудничества государств прибрежных и неприбрежных, с различной международно-правовой политикой в отношении рыбного промысла в открытом море.

Подписание специальных международных соглашений между правительствами прибрежных государств имело немаловажное значение для предотвращения ННН-промысла в других анклавах окраинных морей Северного Ледовитого океана. Так, в *Соглашении между Правительством Российской Федерации и Правительством Соединенных Штатов Америки о сохранении трансграничных рыбных запасов в центральной части Охотского моря 1996 г.* (далее – Соглашение 1996 г.) установлено обязательство сторон о прекращении промысла минтая в обозначенном морском районе. В соответствии со ст. 5 Соглашения 1996 г., стороны «привлекают внимание» третьих сторон, в случае отрицательного влияния их граждан на «долгосрочное устойчивое использование ресурсов минтая»; поощряют третьи стороны «уважать меры по сохранению ресурсов и управлению ими в Охотском море»; в случае отрицательного влияния граждан, резидентов или судов третьих сторон на долгосрочное устойчивое использование ресурсов минтая, Россия и США вправе предпринять необходимые меры для предотвращения таких операций¹⁷. В Соглашении содержится ссылка на Берингово море, в котором существует риск передислоцирования рыболовецких судов в связи с мораторием на рыболовство в анклав Охотского моря. Этот международный договор можно считать одним из образцовых примеров реального улучшения государствами состояния экосистемы целого моря.

Действительно, такой механизм сотрудничества США и России по сохранению запасов минтая в центральной части Охотского моря позволил восстановить запасы до уровня 5 – 6 млн тонн¹⁸.

¹⁵ Конвенция о сохранении ресурсов минтая и управлении ими в центральной части Берингова моря от 16 июня 1994 г. Доступ: <https://docs.cntd.ru/document/901799606> (дата обращения: 15.06.2022).

¹⁶ Конвенция ООН по морскому праву от 10 октября 1982 г. Доступ: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 16.06.2022).

¹⁷ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Соединенных Штатов Америки о сохранении трансграничных рыбных запасов в центральной части Охотского моря от 13 июня 1996 г. Доступ: <https://docs.cntd.ru/document/901880159> (дата обращения: 16.06.2022).

¹⁸ Рыба охотского моря. Доступ: <http://oxotskoe.arktiskfish.com/index.php/ryba-okhotskogo-morya/mintaj> (дата обращения: 16.06.2022).

С тем, чтобы не повторить трагический сценарий развития событий в анклаве Берингова моря, а также в некоторых иных анклавах открытого моря, особенно важно заблаговременно

предпринять меры по предотвращению нерегулируемого рыбного промысла в центральной части Северного Ледовитого океана – самом большом в Арктике анклаве открытого моря.

Таблица 1. Районы открытого моря за пределами ИЭЗ прибрежных государств в Арктике и сопредельных морях, а также принятые меры по предотвращению ННН-промысла

Table 1. High seas areas outside the EEZs of coastal states in the Arctic and adjacent seas, and measures taken to prevent IUU fishing

№	Районы анклавов открытого моря-названия	Площадь анклава (в тыс. кв. км)	Вылов за год, в тыс. тонн	Основные виды морских биоресурсов	Договорно-правовые меры по предотвращению ННН промысла
1	Охотское море – «дырка», «многоугольник»	52	200 – 350 (ННН-промысел)	Минтай	Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством США в отношении сохранения трансграничных рыбных запасов в центральной части Охотского моря, 13 июня 1996 г.
2	Берингово море – «дырка от бублика»	21	800 – 1300 (ННН-промысел)	Минтай	Конвенция о сохранении ресурсов минтая и управления ими в центральной части Берингова моря, 16 июня 1994 г.
3	Баренцево море – «лазейка»	65	20 – 50 (ННН-промысел)	Треска, палтус, зубатка, краб-стригун	Соглашение между Правительством РФ, Правительством Республики Исландия, и Правительством Королевства Норвегия, касающиеся некоторых аспектов сотрудничества в области рыболовства, 15 мая 1999 г.
4	Гренландское, Норвежское моря – «банан», «галстук», «декольте»	317	150 – 300 (регулируемый промысел)	Сельдь, скумбрия, путассу, окунь	Конвенция о рыболовстве в северо-восточной части Атлантического океана, 18 ноября 1980 г., межправительственные договоренности
5	Северный Ледовитый океан – «ледовый мешок»	2825	нет данных (опасность начала ННН-промысла)	Сайка, мойва и другие	Соглашение о предотвращении нерегулируемого промысла в открытом море в центральной части Северного Ледовитого океана, 3 октября 2018 г.

3. Правовое регулирование рыбного промысла в «ледовом анклаве»

В современной эколого-правовой проблематике Арктики [Вылегжанин и др. 2021:39-55] на передний план выходит необходимость в действенном правовом обеспечении сохранения рыбных ресурсов в открытом море в центральной части Северного Ледовитого океана (или «ледового анклава», «ледового мешка»). Напомним, что эта часть открытого моря окружена ИЭЗ пяти приарктических государств, имеет площадь 2,8 млн км², что в двое превышает площадь Баренцева моря. Ранее этот анклав был полностью покрыт льдом и недоступен для морских исследований, для торгового судоходства (за ис-

ключением случаев их проводки ледоколами), не говоря уже о промышленном рыболовстве в нём. Однако, на фоне постепенного сокращения ледяного покрова и изменений, которые происходят в экосистеме из-за потепления климата, уже сейчас значительная часть Северного Ледовитого океана, включая часть района открытого моря, свободна ото льда в течение некоторого времени в году; по прогнозам, через несколько десятилетий весь Северный Ледовитый океан будет свободен ото льда определенную часть года¹⁹.

Правовой режим открытого моря в центральной части Северного Ледовитого океана имеет уникальный характер. Но, несмотря на особенности сохранения морских живых ресурсов и оптимального, устойчивого управления ими в

¹⁹ Balton D. The Arctic Fisheries Agreement Enters into Force. – *Polar Points*. June 25, 2021. <https://www.wilsoncenter.org/blog-post/no-9-arctic-fisheries-agreement-enters-force> (accessed 16.06.2022).

открытом море в центральной части Северного Ледовитого океана, к нему также применимы, если нет соответствующего *lex specialis* (обычных и договорных специальных норм) и универсальные международные морские договоры, рассмотренные ранее.

Важным международно-правовым источником, в общем плане применимым к «ледовому анклаву», является *Соглашение об осуществлении положений Конвенции ООН по морскому праву от 10 декабря 1982 года, которые касаются сохранения трансграничных рыбных запасов и запасов далеко мигрирующих рыб и управления ими 1995 г.* (далее – Соглашение 1995 г.)²⁰. Целью Соглашения 1995 г. является обеспечение долгосрочного сохранения и устойчивого использования трансграничных рыбных запасов и запасов далеко мигрирующих рыб посредством эффективного осуществления соответствующих положений Конвенции 1982 г. Соглашением 1995 г. впервые введено новое понятие – «трансграничные рыбные запасы», т. е. запасы, которые встречаются и в ИЭЗ, и в районах открытого моря, к такой зоне примыкающих. Соглашение 1995 г. предусматривает механизмы предотвращения подрыва такого запаса вследствие чрезмерной эксплуатации в открытом море, основанные на наиболее достоверных имеющихся научных данных и методах ведения рыбного промысла, взаимозависимости запасов, международных минимальных стандартах, а также на «осторожном подходе» [Вылегжанин, Зиланов 2000:45].

По смыслу Соглашения 1995 г., любое государство, даже не будучи стороной этого Соглашения, может участвовать в разработке мер для того, чтобы обеспечить в открытом море долгосрочную устойчивость трансграничных рыбных запасов и запасов далеко мигрирующих рыб. В соответствии со ст. 8 Соглашения 1995 г., прибрежные и не прибрежные государства сотрудничают непосредственно, либо через соответствующие субрегиональные или региональные рыбохозяйственные организации или договорности²¹. Положения этой статьи затрагивают также вопросы сотрудничества с государствами, проявляющими «реальный интерес» к промыс-

лу, посредством участия последних в рыбохозяйственной организации, и, соответственно, имеющим доступ к промышленным ресурсам, к которым применяются эти меры по сохранению и управлению. Как отмечают зарубежные исследователи, этот термин может означать, что «государства флага могут заявить о наличии «реального интереса» к конкретному промыслу, даже если они не участвовали в нем ранее, но хотят вести промысел в будущем, или даже если у них нет намерения вести промысел, но они хотят участвовать в рыбохозяйственной организации исключительно с целью сохранения морского биоразнообразия» [Kim, Park, Son 2022:126].

Соглашение 1995 г. укрепило общий правовой режим сохранения морских живых ресурсов, которые встречаются как в открытом море, так и в ИЭЗ, благодаря: а) созданию для третьих государств обязательств по сохранению морских ресурсов (путем придания юридически обязательного характера природоохранным мерам, принятым участниками регионального соглашения, для государства, которое не является его участником, но использует рыбные запасы); б) установлению согласованных на международном уровне правил, касающихся применения национальных мер по сохранению природных ресурсов наряду с международными мерами; с) определению содержания принципа осторожного подхода; d) сосредоточению внимания на сохранении морских экосистем.

Положения об «осторожном подходе» также закреплены в *Декларации о предотвращении нерегулируемого промысла в районе открытого моря Северного Ледовитого океана*, принятой пятью приарктическими государствами в 2015 г. (далее – Декларация 2015 г.). В некоторых зарубежных публикациях делается чрезмерный акцент на то, что Декларация 2015 г. не является юридически обязывающим соглашением и «не содержит международных обязательств» [Molenaar 2015:427]. Тем не менее, в ней содержится консолидированная международно-правовая позиция пяти приарктических прибрежных государств в отношении режима рыбных ресурсов «ледового анклава».

²⁰ Соглашение 1995 г. не предусматривает приоритет его норм перед нормами Конвенции 1982 г. (ст. 4).

²¹ Соглашение об осуществлении положений Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву от 10 декабря 1982 года, которые касаются сохранения трансграничных рыбных запасов и запасов далеко мигрирующих рыб и управления ими, от 4 августа 1995 г. Доступ: https://legal.un.org/avl/pdf/ha/aipuncpls/aipuncpls_ph_r.pdf (дата обращения: 16.06.2022).

Целью Декларации 2015 г. является продолжение обсуждения вопроса о выработке мер по предотвращению нерегулируемого промысла в открытом море в центральной части Северного Ледовитого океана. Несмотря на то, что промышленный промысел в центральной части Северного Ледовитого океана в ближайшем будущем маловероятен, согласно Декларации 2015 г., приарктические государства придерживаются мнения о желательности введения соответствующих временных мер для сдерживания нерегулируемого промысла в будущем в этой части Северного Ледовитого океана. В список временных мер входит 1) создание региональной рыбохозяйственной организации или договоренности для управления рыбным промыслом; 2) разработка совместной программы научных исследований для изучения экосистемы района; 3) совместный мониторинг деятельности в районе; 4) рыбный промысел в некоммерческих целях, основанный на научных рекомендациях²². В последующем эти меры были отражены в тексте Соглашения о предотвращении нерегулируемого промысла в открытом море в центральной части Северного Ледовитого океана.

4. Соглашение о предотвращении нерегулируемого промысла в открытом море в центральной части Северного Ледовитого океана 2018 г.

Сегодня популярной является тема «научной дипломатии» [Environmental Security... 2013:xxiii], и роль научных идей, мнений ученых во внедрении передовых международно-правовых механизмов действительно может быть существенной. В 2012 г. порядка 2-х тысяч учёных из 67 государств обратились с открытым письмом к международному сообществу с требованием защитить Северный Ледовитый океан, запретив промышленное рыболовство до тех пор, пока не будет проанализировано воздействие вылова рыбы на местную экосистему [Harrison et al. 2020]. При таком подходе, приарктические государства должны были принять на себя лидирующую роль в выработке нового международ-

ного соглашения. После тщательного изучения особенностей центрально-арктического района открытого моря на предмет возможности рыболовства в нём, а также определения научно обоснованного уровня вылова, предусматривалось создание режима управления рыбным промыслом в обозначенном районе²³.

В 2016 г. в Вашингтоне была организована встреча делегаций государств, подписавших Декларацию 2015 г., а также делегаций Китайской Народной Республики, Исландии, Южной Кореи, Японии и Европейского союза. Таким образом, было положено начало «расширенному сотрудничеству», о котором шла речь в Декларации 2015 г. [Harrison et al. 2020]. Спустя четыре раунда обсуждения на встречах неправительственных организаций и шести раундов межправительственных переговоров, завершившихся 30 ноября 2017 г. представители государств согласовали проект Соглашения. В последующем, 3 октября 2018 г. в Илуллиссате (Гренландия) состоялась торжественная процедура подписания *Соглашения о предотвращении нерегулируемого промысла в открытом море в центральной части Северного Ледовитого океана*. На ратификацию этого Соглашения всеми 10-тью подписавшими его сторонами ушло около 2,5 лет, что не так много для столь значимого правового документа. В результате этот международный договор вступил в силу 25 июня 2021 года.

Соглашение 2018 г. состоит из преамбулы и 15 статей. Ниже проведем правовой анализ значимых статей этого Соглашения.

В *преамбуле* Соглашения 2018 г. подчеркивается «инициатива государств, прибрежных по отношению к центральной части Северного Ледовитого океана», их «особые обязанности и интересы в отношении сохранения рыбных запасов и устойчивого управления ими в центральной части Северного Ледовитого океана». Несомненно, роль пяти приарктических государств в этом вопросе в Соглашении 2018 г. признается первостепенной. Вместе с тем, в тексте Соглашения отражены интересы и других сторон – неарктических государств и коренных малочисленных народов Севера, – поэтому можно говорить о соблюдении баланса интересов.

²² Declaration concerning the prevention of unregulated high seas fishing in the Central Arctic Ocean. 2015. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/rulesneg_e/fish_e/2015_oslo_declaration.pdf (accessed 16.06.2022)

²³ An Open Letter from International Scientists URL: https://legacy-assets.eenews.net/open_files/assets/2012/04/23/document_pm_02.pdf (accessed 16.06.2022).

При разработке Соглашения 2018 г. особое внимание уделялось интересам жителей и коренных народов Арктики и их вовлечению в процесс переговоров. Знания коренного и местного населения о морских живых ресурсах Северного Ледовитого океана и об экосистемах использовались «в качестве основы для сохранения рыболовства и управления им на участке открытого моря в центральной части Северного Ледовитого океана»²⁴. Коренные народы Арктики могут участвовать и в реализации Соглашения 2018 г. – они имеют возможность выносить свои предложения на рассмотрение сторон Соглашения. Так, Циркумпольный совет инуитов провел серию семинаров по вопросам участия инуитов в Соглашении в 2020, 2021 гг.²⁵.

В преамбуле также отмечено, что «в текущих обстоятельствах преждевременно учреждать какие-либо дополнительные региональные или субрегиональные рыбохозяйственные организации либо договоренности в отношении участка открытого моря в центральной части Северного Ледовитого океана»²⁶. В качестве единственной компетентной международной организации, координирующей рыбопромысловую деятельность в центральной части в открытом море Северного Ледовитого океана, признана Комиссия по рыболовству в северо-восточной части Атлантического океана (НЕАФК). Отметим, что район, в пределах которого Комиссия осуществляет свои функции, не охватывает весь центрально-арктический район, определенный как «район действия» Соглашения; касается части открытого моря на севере Гренландии и архипелага Шпицберген. Другие региональные рыбохозяйственные организации также не занимаются вопросами сохранения морских живых ресур-

сов и управления ими в «ледовом анклав». В некоторых зарубежных публикациях в качестве возможной рыбохозяйственной организации указывается Смешанная российско-норвежская комиссия по рыболовству²⁷. При этом авторы допускают, что Норвегия и Россия могут выступать за многосторонний подход в управлении рыболовством в обозначенном районе [Governing Marine Living Resources... 2019:99].

В ст. 1 Соглашения 2018 г. разъясняются используемые термины. Соглашением вводится новое понятие – «прибрежные к участку открытого моря в центральной части Северного Ледовитого океана государства (Central Arctic Ocean coastal states)». Тем самым Соглашение впервые *expressis verbis* закрепляет особый статус приарктических государств. Поскольку в Соглашении содержится ссылка на Декларацию 2015 г., нет никаких сомнений в том, что этот термин (хотя он и не определен в ст. 1 Соглашения) означает Канаду, Данию, Норвегию, Россию и США.

Толкование термина «Район действия Соглашения» также трудностей не вызывает, так как он в точности повторяет «Район», обозначенный в Декларации 2015 г., то есть «участок открытого моря в центральной части Северного Ледовитого океана, полностью окруженный водами, в пределах которых Канада, Дания, Норвегия, Россия и США осуществляют рыболовную юрисдикцию»²⁸. Соответственно, действие Соглашения 2018 г. ограничивается только центральной частью Северного Ледовитого океана и не применяется к другим упомянутым выше анклавам.

Термин «рыба» определен, как «виды рыб, моллюсков и ракообразных, за исключением относящихся к «сидячим видам»²⁹. Согласно п. 4 ст. 77 Конвенции 1982 г., к «сидячим видам», кото-

²⁴ Соглашение о предотвращении нерегулируемого промысла в открытом море в центральной части Северного Ледовитого океана, 2018 г. Доступ: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202106280035> (дата обращения: 16.06.2022)

²⁵ Balton D. The Arctic Fisheries Agreement Enters into Force. – *Polar Points*. June 25, 2021. <https://www.wilsoncenter.org/blog-post/no-9-arctic-fisheries-agreement-enters-force> (accessed 16.06.2022).

²⁶ Там же.

²⁷ Подробнее о Комиссии и российско-норвежских договоренностях в сфере рыболовства см.: *Правовой режим Шпицбергена и прилегающих морских районов: академический учебник для магистратуры*. Под ред. А.Н. Вылегжанина. М.: Норма. 2019.

²⁸ Соглашение о предотвращении нерегулируемого промысла в открытом море в центральной части Северного Ледовитого океана, 2018 г. Доступ: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202106280035> (дата обращения: 16.06.2022).

²⁹ Конвенция ООН по морскому праву от 10 декабря 1982 г. Доступ: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 16.06.2022).

рые исключены из сферы действия Соглашения 2018 г., относятся те организмы, которые в период, когда возможен их промысел, либо находятся в неподвижном состоянии на морском дне или под ним, либо не способны передвигаться иначе, как находясь в постоянном физическом контакте с морским дном или его недрами³⁰.

Целью Соглашения 2018 г. является предотвращение нерегулируемого промысла на участке открытого моря в центральной части Северного Ледовитого океана путем применения мер по сохранению и управлению, основанных на принципе осторожного подхода, в рамках долгосрочной стратегии по защите здоровых морских экосистем и обеспечению сохранения и устойчивого использования рыбных ресурсов. Это представляется хорошим компромиссом: Соглашение 2018 г. не исключает возможности заключения в будущем новой дополнительной договоренности между сторонами о разрешении начать промысел в районе действия Соглашения 2018 г, когда он будет надлежащим образом научно обоснован и будет регулироваться. Однако, нерегулируемый рыбный промысел в центральном Северном Ледовитом океане (который уже запрещен международным правом) должен быть предотвращен совместными усилиями Сторон.

Соглашение 2018 г. выделяет промышленное рыболовство и рыболовство в научно-поисковых целях (ст. 3). Рыболовство в научно-поисковых целях («exploratory fishing») в районе действия Соглашения 2018 г. возможно только в соответствии с мерами сохранения и управления рыбными запасами. В течение трех лет после вступления в силу Соглашения 2018 г., Стороны принимают меры сохранения и управления для осуществления такого рыболовства в районе действия Соглашения 2018 г. и впоследствии вправе периодически их изменять. Эти меры, в частности, предусматривают 1) соответствие цели Соглашения; 2) ограничение рыболовства по продолжительности, району охвата и по масштабу; 3) соответствие достоверным научным исследованиям и согласование с Совместной программой научных исследований и монито-

ринга, национальными программами; 4) обязательное уведомление других Сторон о разрешении рыболовства в научно-поисковых целях и 5) контроль за его осуществлением (ст. 5 (1)(d)).

Промышленное рыболовство («commercial fishing») в открытом море в центральной части Северного Ледовитого океана запрещено до тех пор, пока не будут приняты меры по сохранению и управлению, направленные на устойчивое управление рыбными запасами, которые приняты одной и более региональной или субрегиональной организацией по управлению рыбными ресурсами или на основании договоренностей в соответствии с международным правом и признанными международными стандартами.

В п. 6 ст. 3 Соглашения 2018 г. содержится ссылка на ст. 7 Соглашения 1995 г. «о сопоставимости мер по сохранению и управлению в отношении рыбных запасов», которые имеются в районах, как в пределах, так и за пределами действия национальной юрисдикции в центральной части Северного Ледовитого океана, с тем, чтобы обеспечить сохранение этих запасов и управление ими в полном объеме. «Сопоставимость мер», принимаемых в ИЭЗ прибрежным государством и в районах открытого моря заинтересованными в рыболовстве государствами, а также международной рыбохозяйственной организацией, подразумевает обязанность всех сторон сотрудничать по вопросам сохранения морских живых ресурсов.

В ст. 4 Соглашения 2018 г. между Сторонами предусмотрена также Совместная программа научных исследований и мониторинга с целью углубления понимания экосистем обозначенного района и определения того, могут ли в нём существовать рыбные запасы в том объеме, при котором возможно осуществлять их промысел на устойчивой основе. В этой связи планируется проводить между Сторонами совместные научные совещания не реже, чем раз в два года для представления результатов их исследований, рассмотрения наилучшей имеющейся научной информации. В рамках Совместной программы научных исследований и мониторинга Стороны

³⁰ В отношении таких видов Комиссия международного права отметила, что «не допускает никаких исключений» из принципа свободы рыболовства в открытом море, охватывающих континентальный шельф, за исключением «сидячих» видов рыб и промысла, осуществляемого с помощью оборудования, прикрепленного к морскому дну». International Law Commission: Articles concerning the Law of the Sea with commentaries. 1956. URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/commentaries/8_1_8_2_1956.pdf (accessed 16.06.2022).

будут определять целесообразность создания дополнительной региональной организации по управлению рыбными ресурсами и введения новых временных мер, а также возможность устойчивого промышленного рыболовства. По мнению зарубежных авторов, реализация Совместных программ научных исследований и мониторинга позволит 1) лучше исследовать наименее изученную часть Мирового океана; и 2) решить, заменить ли Соглашение 2018 г. другим механизмом, позволяющим осуществлять устойчивое промышленное рыболовство и управлять им на основе достоверных научных данных³¹. Вероятно, что в будущем такое сотрудничество между Сторонами будет охватывать не только вопросы сохранения морских живых ресурсов «ледового анклава», но другие природоохранные вопросы.

В ст. 6 Соглашения 2018 года предусмотрены соответствующие процедуры по принятию решений посредством двух механизмов: по процедурным вопросам решение принимаются большинством голосов; по существу — консенсусом. Такой подход вполне обоснован с учетом имеющего опыта в других рыбохозяйственных организациях.

В ст. 7 Соглашения 2018 г. разъяснены положения об урегулировании спора между Сторонами – положения Части VIII Соглашения 1995 г. «применяются *mutatis mutandis* к любому спору между Сторонами о толковании или применении настоящего Соглашения, независимо от того, являются ли они также Сторонами Соглашения 1995 г.»³². Это весьма важное уточнение, так как не все государства-участники Соглашения 2018 г. являются одновременно Сторонами Соглашения 1995 г. Так, например, Китайская Народная Республика не является Стороной Соглашения 1995 г. по причине того, как в этом Соглашении обозначены нормы об обеспечении соблюдения и об использовании «силы» во время проведения инспекций на рыболовных судах со стороны органов судов, отличных от государства флага судна.

И, наконец, заключительные положения устанавливают, что Соглашение 2018 г. не является бессрочным – участники согласовали начальный период его действия – 16 лет, с возможностью продления еще на пять лет. Кроме того, предусмотрено расширение субъектного состава этого договорно-правового режима: после вступления Соглашения в силу Стороны предложат другим заинтересованным государствам присоединиться к нему.

5. Китайская Народная Республика и Соглашение о предотвращении нерегулируемого промысла в открытом море в центральной части Северного Ледовитого океана 2018 г.

В настоящее время уточнение правового режима Арктики происходит при активном участии и неарктических государств, что оценивается неоднозначно, особенно когда неарктические государства проводят консультации по статусу Арктики без участия арктических государств [Вылегжанин, Киенко 2021:296-318]. Западные государства, однако, явно преувеличивают свои опасения по поводу участия Китая в уточнении правового режима живых ресурсов в центральной части Северного Ледовитого океана. Китай, напомним, член Совета Безопасности ООН, ядерная держава с растущей военной и экономической мощью, соседнее с Россией государство, занимающее первое место в мире по численности населения, профессионально продвигающее свои национальные интересы в Арктике как посредством участия в работе Арктического совета в качестве постоянного наблюдателя, так и в рамках реализации договоров КНР с арктическими государствами [Киенко 2019:43].

Международно-правовая позиция Китая в отношении рационального использования морских живых ресурсов Северного Ледовитого океана основана на надлежательной защите биоразнообразия Арктики; научных исследованиях; а также на справедливом и равноправном совместном использовании выгод от эксплуатации таких ресурсов³³. Согласно «Арктической

³¹ Balton D. The Arctic Fisheries Agreement Enters into Force. – *Polar Points*. June 25, 2021. <https://www.wilsoncenter.org/blog-post/no-9-arctic-fisheries-agreement-enters-force> (accessed 16.06.2022).

³² Соглашение о предотвращении нерегулируемого промысла в открытом море в центральной части Северного Ледовитого океана, от 31 августа 2018 г. Доступ: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202106280035> (дата обращения: 16.06.2022).

³³ China's Arctic Policy, First Edition. January 2018. URL: http://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm (accessed 16.06.2022).

политике Китая» 2018 г., «Китай расширит исследования, направленные на изучение рыбных ресурсов в открытом море Северного Ледовитого океана, проведет соответствующий поисковый промысел и сыграет конструктивную роль в управлении рыболовством в открытом море Северного Ледовитого океана». В отношении рыболовства в открытом море в Северном Ледовитом океане в «Арктической политике Китая» 2018 г. указано, что «Китай неизменно занимает твердую позицию в пользу сохранения научного метода и рационального использования, следуя своим законным правом проводить исследования рыбных ресурсов в открытом море Северного Ледовитого океана, и считает, что все государства должны выполнять свои обязательства по сохранению рыбных ресурсов и экосистемы региона»³⁴. Несмотря на то, что в Соглашении 2018 г. не содержатся указания на «рациональное использование», этот термин упоминается в Приоритетах председательства России в Арктическом совете на 2021-2023 гг.³⁵

Необходимо отметить также, что в соответствии с документом, «Китай намерен укрепить сотрудничество с прибрежными арктическими государствами в сфере исследований, сохранения и использования рыбных ресурсов»³⁶. Предполагается, что пока Китай сфокусируется на изучении потенциальных возможностей рыболовства в районе действия Соглашения 2018 г. и на активном участии в Совместной программе по научным исследованиям и мониторингу.

В Плате развития национального морского рыболовства КНР указано, что Китай «уделяет внимание и активно участвует в делах арктического рыболовства, активно участвует в исследованиях по изучению и управлению арктическими рыбными ресурсами»³⁷. Правительством Китая также планируется 1) углубление международного сотрудничества в области рыбного промысла, в частности, посредством международных и ре-

гиональных рыбохозяйственных организаций и по созданию справедливого и разумного международного механизма управления рыболовством; 2) в реализации Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г., Соглашения ООН по рыбным запасам и Соглашения ФАО о мерах государства порта по предупреждению, сдерживанию и ликвидации ННН-промысла. Согласно Плану развития национального морского рыболовства, Китай намерен «добросовестно выполнять международные обязательства, улучшать потенциал по соблюдению международных норм, а также охранять и защищать права и национальные интересы в области морского рыболовства»; «углублять двустороннее сотрудничество в области рыболовства, создать механизмы межправительственного сотрудничества с тремя-пятью государствами, расположенными вдоль маршрута инициативного проекта «Одного пояса и одного пути» и ключевыми рыболовными государствами»³⁸.

Несмотря на то, что Китай подписал Соглашение 2018 года одновременно с другими Сторонами, потребовалось три года для его одобрения. Согласно Закону КНР по процедуре заключения договоров, (*Law of the People's Republic of China on the Procedure of the Conclusion of Treaties*), ратификация, равно как и прекращение и приостановление действия, международных договоров и важных соглашений, заключенных с иностранными государствами, возложены на Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей. После подписания соглашения Министерство иностранных дел КНР передает это соглашение Государственному совету для проверки и заверения; Государственный совет, в свою очередь, передает Постоянному комитету Всекитайского собрания народных представителей для принятия решения по ратификации. Ратификационная грамота подписывается Председателем КНР и заверяется подписью министра иностранных дел³⁹.

³⁴ Ibid.

³⁵ Приоритеты Председательства Российской Федерации в Арктическом Совете 2021-2023 гг. Доступ: <https://oaarchive.arctic-council.org/bitstream/handle/11374/2646/%D0%90%D1%80%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0%20%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%82%D0%B5%D1%82%D1%8B%2021.06.2021.pdf?sequence=12&isAllowed=y> (дата обращения: 16.06.2022).

³⁶ China's Arctic Policy, First Edition, January 2018. URL: http://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm (accessed 16.06.2022).

³⁷ Пятилетний план развития национального морского рыболовства (на китайском языке). Доступ: http://www.moa.gov.cn/gk/ghjh_1/201712/t20171227_6128624.htm (дата обращения: 16.06.2022).

³⁸ Там же.

³⁹ Law of the People's Republic of China on the Procedure of the Conclusion of Treaties. URL: <http://www.asianlii.org/cn/legiscen/laws/potcot368/> (accessed 16.06.2022).

В мае 2021 г. Правительство КНР одобрило Соглашение 2018 г. и впоследствии передало ратификационную грамоту государству-депозитарию Соглашения – Канаде. В соответствии со ст. 11, Соглашение вступит в силу через 30 дней после того, как все подписавшие его Стороны передадут свои ратификационные грамоты Канаде. Таким образом, Китай является последним государством, одоббившим Соглашение 2018 г., что позволило завершить все процедуры по вступлению его в силу.

6. Выводы

Развитию современного международного морского права способствует инициатива прибрежных государств по сохранению морских живых ресурсов, их рациональному использованию и управлению ими в районах открытого моря. Несмотря на значительный вклад в международно-правовое регулирование рыболовства в районах открытого моря, универсальные и специальные международные соглашения не конкретизировали обязательства государств по предотвращению ННН-промысла в центральной части Северного Ледовитого океана. Опираясь на существующие механизмы (Конвенция 1982 г., Соглашение 1995 г., двусторонние межправительственные договоренности), в том числе на российский международно-правовой опыт по предотвращению ННН-промысла в окраинных морях Северного Ледовитого океана, государствам удалось прийти к консенсусу в отношении сохранения рыбных ресурсов в самом крупном по площади анклаве открытого моря в Арктике – в «ледовом анклав».

Вступившее в силу Соглашение о предотвращении нерегулируемого промысла в открытом море в центральной части Северного Ледовитого океана 2018 г. не только восполняет правовой пробел, но и, несомненно, является новаторским международно-правовым документом, объединяющим интересы приарктических и неарктических государств, соответствующих международных организаций, а также местных жителей Арктики, в том числе ее коренных народов, чье жизнеобеспечение в значительной степени зависит от рыболовства не только вблизи соответствующего побережья, но и в других районах ИЭЗ пяти приарктических государств.

Важной чертой Соглашения 2018 г. является то, что приарктические государства подтверди-

ли свое намерение сотрудничать в целях сохранения рыбных ресурсов центральной части Северного Ледовитого океана и предотвращения нерегулируемого промысла в нём с другими заинтересованными сторонами. Впервые неарктические государства участвуют в международном соглашении по вопросам Арктики наравне с прибрежными арктическими государствами. В Соглашении 2018 г. признается, что эти государства имеют общие интересы по сохранению и рациональному использованию морских живых ресурсов, как в пределах национальной юрисдикции, так и за ее пределами, т.е. в «ледовом анклав». В долговременной перспективе Соглашение 2018 г. отвечает интересам всех договаривающихся сторон, в целом согласуется с исторически сложившимся статусом Арктики.

Кроме того, Соглашение 2018 г. позволило заблаговременно принять меры по предотвращению ННН-промысла в открытом море, что, к сожалению, не удалось сделать в других анклавах арктических морей (например, Баренцева, Охотского и др.). Основываясь на принципе осторожного подхода и научных данных, Соглашением 2018 г. введен запрет на промышленное рыболовство в обозначенном районе до получения научных данных, необходимых для определения допустимого уровня вылова рыбных ресурсов, оценки воздействия антропогенного и иного вмешательства в экосистему региона, а также до создания комплексного режима управления этими ресурсами. Представляется, что именно это позволит сохранить морские живые ресурсы от чрезмерной эксплуатации и предотвратить их истощение.

Следующим шагом после вступления Соглашения 2018 г. в силу ожидается совместное решение Сторон в отношении дальнейших шагов по его реализации. В частности, им предстоит решить: учреждать ли региональную рыбохозяйственную организацию; либо продолжать воздерживаться от осуществления промышленного рыболовства, пока не будут приняты соответствующие меры по управлению и сохранению рыбных запасов на основе научных данных. Вопрос о самой региональной международной рыбохозяйственной организации также является открытым, так как некоторые Стороны Соглашения 2018 г. выступают за предоставление такого статуса уже существующей – Комиссии по рыболовству в Северо-Восточной Атлантике.

Список литературы

1. *Арктический регион. Проблемы международного сотрудничества. В трех томах. Том 3. Применимые правовые источники.* Гл. ред. И.С. Иванов. 2013. М.: Аспект Пресс. 2013. 660 с.
2. Барсегов Ю.Г. 2002. Статус Арктики и права России. – *Арктика. Интересы России и международные условия их реализации.* М.: Наука. С. 23-37.
3. Вылегжанин А.Н. [и др.]. 2017. *Политико-правовой стык Арктики и Тихого океана: междисциплинарное исследование статуса региона Берингова пролива.* М.: ИМИ МГИМО МИД России. 127 с.
4. Вылегжанин А.Н. [и др.]. 2021. *Сотрудничество и ответственность государств в Арктике: потенциал международного права и научной дипломатии. Аналитический доклад.* М.: МГИМО. 59 с.
5. Вылегжанин А.Н. 2001. *Морские природные ресурсы (международно-правовой режим).* М.: Совет по изучению производительных сил. 298 с.
6. Вылегжанин А.Н., Зиланов В.К. 2000. *Международно-правовые основы управления морскими живыми ресурсами. Теория и документы.* М.: Экономика. 599 с.
7. Вылегжанин А.Н., Киенко Е.В. 2021. Консультативные совещания неарктических государств по статусу Арктики. – *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право.* Том 12. №2. С. 296-318. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu14.2021.204>
8. Жудро И.С. 2018. *Исторические правооснования России в Арктике: современная концепция защиты.* Архангельск: Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова. 328 с.
9. Зиланов В.К. 2016. Опыт России по предотвращению ННН-промысла морских живых ресурсов в анклавах арктических морей. – *Арктические ведомости.* № 4. С. 44-49.
10. Зиланов В.К., Вылегжанин А.Н. 1989. Прекращение действия Временной конвенции о сохранении котиков северной части Тихого океана 1957 г. – *Советский ежегодник международного права,* 1988. М.:Наука. С.87-94.
11. Зиланов В.К., Спивакова Т.И. 1995. Берингово море: новый правовой режим рыболовства. Конвенция о сохранении ресурсов минтая и управлении ими в центральной части Берингова моря. Вступительный комментарий. – *Московский журнал международного права.* № 4. С. 191-215.
12. Киенко Е.В. 2019. Международное сотрудничество в области сохранения морских живых ресурсов в центральной части Северного Ледовитого океана. – *Арктические ведомости.* № 1. С.42-47.
13. *Международное право: коллективная монография.* Под ред. Е.А. Коровина. 1951. М.: Госюриздат. 600 с.
14. Моисеев П.А. 1989. *Биологические ресурсы Мирового океана. Монография.* М.: Агропромиздат. 368 с.
15. Молодцов С.В. 1987. *Международное морское право.* М.: Международные отношения. 272 с.
16. Молодцов С.В., Вылегжанин А.Н., Зиланов В.К. 1993. Анклавы открытого моря и международное право. – *Московский журнал международного права.* № 2. С. 39-51.
17. *Современное международное морское право. Научные исследования. Охрана морской среды. Торговое и военное мореплавание: коллективная монография.* Под ред. М.И. Лазарева. 1978.М.: Наука. 303 с.
18. *Environmental Security in the Arctic Ocean.* Ed. by P.A. Berkman and A.N. Vylegzhanin. 2013. Dordrecht: Springer. 459 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-94-007-4713-5>
19. *Governing Marine Living Resources in the Polar Regions.* Ed. by C. M. Brooks, N. Liu and T. Qin. 2019. Edward Elgar Publishing. 272 p.
20. Harrison P. [et al.]. 2020. How Non-Government Actors Helped the Arctic Fisheries Agreement. – *Polar Perspectives.* No. 2. URL: <https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/media/uploads/documents/Polar%20Perspective%202%20FINAL.pdf> (accessed 22.06.2022).
21. Kim Y., Park J-K., Son Y. 2022. The Sustainable Use of Marine Living Resources in the Central Arctic Ocean: The Role of Korea in the Context of International Legal Obligations. – *Building Common Interests in the Arctic Ocean with Global Inclusion.* Vol. 2. Ed. by P.A. Berman [et al.]. Cham: Springer. P. 123-136. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-89312-5_8
22. Molenaar E. J. 2015. The Oslo Declaration on High Seas Fishing in the Central Arctic Ocean. – *Arctic Yearbook.* P. 427-431.
23. Vylegzhanin A., Young O., Berkman P. 2020. The Central Arctic Ocean Fisheries Agreement as an element in the evolving Arctic Ocean governance complex. – *Marine Policy.* Vol. 118. P.1-10. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.marpol.2020.104001>

References

1. *Arkticheskii region. Problemy mezhdunarodnogo sotrudnichestva. V trekh tomakh. Tom 3. Primenimye pravovye istochniki.* Gl. red. I.S. Ivanov [Arctic region. Problems of international cooperation. In three volumes. Volume 3. Applicable legal sources. Ed. by I.S. Ivanov]. Moscow. Aspekt Press Publ. 2013. 660 p. (In Russ.)
2. Barsegov Yu.G. Status Arktiki i prava Rossii [The status of the Arctic and the rights of Russia]. – *Arktika. Interesy Rossii i mezhdunarodnye usloviya ikh realizatsii* [Arctic. Interests of Russia and international conditions for their implementation]. Moscow: Nauka Publ. 2002. P. 23-37. (In Russ.)
3. *Environmental Security in the Arctic Ocean.* Ed. by P.A. Berkman and A.N. Vylegzhanin. Dordrecht: Springer. 2013. 459 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-94-007-4713-5>
4. *Governing Marine Living Resources in the Polar Regions.* Ed. by C. M. Brooks, N. Liu and T. Qin. Edward Elgar Publishing. 2019. 272 p.
5. Harrison P. [et al.]. How Non-Government Actors Helped the Arctic Fisheries Agreement. – *Polar Perspectives.* 2020. No. 2. URL: <https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/media/uploads/documents/Polar%20Perspective%202%20FINAL.pdf>(accessed 22.06.2022).
6. Kienko E.V. *Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v oblasti sokhraneniya morskikh zhivyykh resursov v tsentral'noi chasti Severnogo Ledovitogo okeana* [International cooperation in the field of conservation of marine living resources in the central part of the Arctic Ocean]. – *Arkticheskie vedomosti.* 2019. No. 1. P.42-47. (In Russ.)
7. Kim Y., Park J-K., Son Y. The Sustainable Use of Marine Living Resources in the Central Arctic Ocean: The Role of Korea in the Context of International Legal Obligations.

- tions. – *Building Common Interests in the Arctic Ocean with Global Inclusion*. Vol. 2. Ed. by P.A. Berman [et al.]. Cham: Springer. 2022. P. 123-136. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-89312-5_8
8. *Mezhdunarodnoe pravo: kollektivnaya monografiya*. Pod red. E.A. Korovina [International Law: a collective monograph. Ed. by E.A. Korovin]. Moscow: Gosyurizdat Publ. 1951. 600 p. (In Russ.)
  9. Moiseev P.A. *Biologicheskie resursy Mirovogo okeana. Monografiya* [Biological Resources of the World Ocean. A monograph.]. Moscow: Agropromizdat Publ. 1989. 368 p. (In Russ.)
  10. Molenaar E. J. The Oslo Declaration on High Seas Fishing in the Central Arctic Ocean. – *Arctic Yearbook*. 2015. P. 427-431.
  11. Molodtsov S.V. *Mezhdunarodnoe morskoe pravo* [International Law of the Sea]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. 1987. 272 p. (In Russ.)
  12. Molodtsov S.V., Vylegzhanin A.N., Zilanov V.K. *Anklavy otkrytogo morya i mezhdunarodnoe pravo* [High Seas Enclaves and International Law.]. – *Moscow Journal of International Law*. 1993. No. 2. P. 39-51. (In Russ.)
  13. *Sovremennoe mezhdunarodnoe morskoe pravo. Nauchnye issledovaniya. Okhrana morskoi sredy. Torgovoe i voennoe moreplavanie: kollektivnaya monografiya*. Pod red. M.I. Lazareva [Modern international maritime law. Scientific research. Marine environment protection. Merchant and military navigation: a collective monograph. Ed. by M.I. Lazarev]. Moscow: Nauka Pbul. 1978. 303 p. (In Russ.)
  14. Vylegzhanin A., Young O., Berkman P. The Central Arctic Ocean Fisheries Agreement as an element in the evolving Arctic Ocean governance complex. – *Marine Policy*. 2020. Vol. 118. P.1-10. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.marpol.2020.104001>
  15. Vylegzhanin A.N. [et al.]. *Politiko-pravovoi styk Arktiki i Tikhogo okeana: mezhdistsiplinarnoe issledovanie statusa regiona Beringova proliva* [Political and legal interface between the Arctic and the Pacific: an interdisciplinary study of the status of the Bering Strait region.]. Moscow: IMI MGIMO MID Rossii Publ. 2017. 127 p. (In Russ.)
  16. Vylegzhanin A.N. [et al.]. *Sotrudnichestvo i sostyazatel'nost' gosudarstv v Arktike: potentsial mezhdunarodnogo prava i nauchnoi diplomatii. Analiticheskii doklad* [Cooperation and competitiveness of states in the Arctic: the potential of international law and scientific diplomacy. Analytical report.]. Moscow: MGIMO Publ. 2021. 59 p. (In Russ.)
  17. Vylegzhanin A.N. *Morskie prirodnye resursy (mezhdunarodno-pravovoi rezhim)* [Marine Natural Resources (International Legal Regime)]. Moscow: Sovet po izucheniyu proizvoditel'nykh sil Publ. 2001. 298 p. (In Russ.)
  18. Vylegzhanin A.N., Zilanov V.K. *Mezhdunarodno-pravovye osnovy upravleniya morskimi zhivymi resursami. Teoriya i dokumenty* [International Legal Framework for the Management of Marine Living Resources. Theory and documents]. Moscow: Ekonomika Publ. 2000. 599 p. (In Russ.)
  19. Vylegzhanin, A. N., Kienko, E. V. *Konsul'tativnye soveshchaniya nearkticheskikh gosudarstv po statusu Arktiki* [Consultative meetings of non-Arctic states on the status of the Arctic]. – *Vestnik of Saint Petersburg University. Law*. 2021. Vol. 12. No.2. P. 296-318. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu14.2021.204>
  20. Zhudro I.S. *Istoricheskie pravoosnovaniya Rossii v Arktike: sovremennaya kontseptsiya zashchity* [Historical legal foundations of Russia in the Arctic: a modern concept of protection]. Arkhangel'sk: Severnyi (Arkticheskii) federal'nyi universitet imeni M. V. Lomonosova Publ. 2018. 328 p. (In Russ.)
  21. Zilanov V.K. *Opyt Rossii po predotvrashcheniyu NNN-promysla morskikh zhivykh resursov v anklavakh arkticheskikh morei* [Russian experience in preventing IUU fishing of marine living resources in the enclaves of the Arctic seas]. – *Arkticheskie vedomosti*. 2016. No. 4. P. 44-49. (In Russ.)
  22. Zilanov V.K., Spivakova T.I. *Beringovo more: novyi pravovoi rezhim rybolovstva. Konventsiya o sokhranении resursov mintaya i upravlenii imi v tsentral'noi chasti Beringova morya. Vstupitel'nyi kommentarii* [Bering Sea: A New Legal Regime for Fisheries. Convention on the Conservation and Management of Pollack Resources in the Central Bering Sea. Introductory comment.]. – *Moscow Journal of International Law*. 1995. No. 4. P. 191-215. (In Russ.)
  23. Zilanov V.K., Vylegzhanin A.N. *Prekrashchenie deistviya Vremennoi konventsii o sokhranении kotikov severnoi chasti Tikhogo okeana 1957 g.* [Termination of the 1957 Interim Convention on the Conservation of the Fur Seals of the North Pacific Ocean] – *Sovetskii ezhegodnik mezhdunarodnogo prava, 1988* [Soviet Yearbook of International Law, 1988]. Moscow: Nauka Publ. 1989. P.87-94. (In Russ.)

Информация об авторах

Вячеслав Константинович Зиланов,
кандидат биологических наук, почетный доктор, Мурманский государственный технический университет

183010, Российская Федерация, Мурманск, ул. Спортивная, д. 13

vkzilan@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1025-5501

About the Authors

Vyacheslav K. Zilanov,
Cand. Sci. (Bio.), Honoured Doctor, Murmansk State Technical University

13, ul. Sportivnaya, Murmansk, Russian Federation, 183010

vkzilan@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1025-5501

Елена Викторовна Киенко,

кандидат юридических наук,
Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова, Российская академия наук

117997, Российская Федерация, Москва, ул. Профсоюзная, д. 23

miss.kienko@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0001-8997-065X

Elena V. Kienko,

Cand. Sci. (Law), Primakov's National Research Institute of the world economy and international relations, Russian Academy of Sciences

23, ul. Profsoyuznaya, Moscow, Russian Federation, 117997

miss.kienko@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0001-8997-065X

Анна Андреевна Луговская,

преподаватель, Всероссийский государственный университет юстиции

117638, Российская Федерация, г. Москва, ул. Азовская, д. 2-1

a.lugovskaya22@gmail.com
ORCID: 0000-0002-5674-6704

Anna A. Lugovskaya,

Lecturer, Russian State University of Justice

2-1, ul. Azovskaya, Moscow, Russian Federation, 117638

a.lugovskaya22@gmail.com
ORCID: 0000-0002-5674-6704

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2022-3-68-88>

Исследовательская статья
Поступила в редакцию: 27.07.2022
Принята к публикации: 10.09.2022

Мария Андреевна МИЛЮКОВА

Московская коллегия адвокатов «Тимофеев, Фаренвальд и партнеры»
Лужнецкая наб., д. 6, Москва, 119270, Российская Федерация
m.milyukova@tbplaw.com
ORCID: 0000-0003-0245-2900

ВОЗОБНОВЛЯЕМЫЕ ИСТОЧНИКИ ЭНЕРГИИ: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ СОТРУДНИЧЕСТВА ГОСУДАРСТВ – ЧЛЕНОВ ЕС

ВВЕДЕНИЕ. В условиях постепенной переориентации глобальной энергосистемы с углеродной энергетики на возобновляемые виды энергии (энергия солнца, ветра, приливов и др.) с целью минимизации антропогенной нагрузки на экосистему Земли особую актуальность приобретают вопросы международного сотрудничества в данной сфере. То обстоятельство, что вопросы энергетической безопасности тесно увязаны с национальной безопасностью государств, различным образом обеспеченных углеродными ресурсами, делает международную повестку по вопросам возобновляемых источников энергии одним из способов влияния на внешнюю политику государств. Автор настоящей статьи проводит анализ основных правовых механизмов сотрудничества в сфере возобновляемых источников энергии (далее – ВИЭ) между государствами – членами Европейского союза как организации, которая, ставя своей целью снижение энергетической зависимости от углеводородов из России, делает акцент в том числе на разработку наиболее эффективных способов такого сотрудничества. Автор отстаивает тезис, что правовая оценка достоинств и недостатков таких механизмов позволит оценить потенциал их адаптации для основных

площадок, на которых преимущественно реализуется региональное сотрудничество России (ЕАЭС, Арктический совет).

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В настоящем исследовании использованы источники права ЕС (регламенты, директивы), которые определяют сотрудничество государств-членов в области возобновляемой энергии, международные договоры между государствами-членами, заключенные на основе указанных правовых актов ЕС, а также исследования представителей зарубежной доктрины по проблемам имплементации соответствующих правовых норм. Проводя оценку возможностей использования соответствующих механизмов в рамках международных отношений с участием России, автор использует международные договоры, декларации и решения органов таких международных организаций, как СНГ, ЕАЭС, Арктический совет.

Методологическую основу исследования составили общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнение, классификация, систематизация, прогнозирование) и частнонаучные методы (формально-юридический и сравнительно-правовой).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. В статье проведен комплексный правовой анализ трех

основных механизмов сотрудничества государств – членов ЕС (статистические передачи, совместные проекты и совместные схемы поддержки). Выявлен ряд проблем, снижающих эффективность указанных механизмов, которые включают неопределенность в отношении продления сроков их применения после 2030 г., отсутствие практики санкций за несоблюдение обязательных целей, предусмотренных соответствующими директивами, наличие определенных ограничений для суверенитета государств – членов ЕС и в связи с этим недостаточная мотивация для их применения. Отмечается, что основной стимул для использования механизмов состоит в достижении государствами-членами императивных целей в области статистики использования ВИЭ в их национальном энергобалансе. Несмотря на перечисленные выше проблемы, автор указывает, что в настоящее время содержание правового регулирования ЕС, судя по его детальной проработке, можно отнести к лучшим практикам в области международно-правового регулирования использования ВИЭ. В связи с этим концептуальные основы механизмов сотрудничества государств – членов ЕС могут быть использованы при разработке способов взаимодействия в рамках Евразийского экономического союза и Арктического совета (как организации, которая принимает ключевые решения в отношении экологической безопасности Арктического региона).

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. В ходе анализа автор обращался к директивам и регламентам ЕС, упорядочивающим процедуры сотрудничества между государствами-членами в области возобновляемой энергетики, а также к практике применения этих процедур. Принцип таких механизмов взаимодействия, основанный на необходимости стимулирования государств достигать поставленных ими целевых статистических показателей использования ВИЭ в национальном энергобалансе,

представляется оптимальным и для разработки международно-правовых мер поддержки ВИЭ на площадках с участием России.

Автор приходит к выводу, что одним из наиболее эффективных направлений такого сотрудничества могла бы стать разработка соответствующих механизмов в рамках ЕАЭС. Деятельность данной организации направлена на интеграцию рыночных систем государств-участников, а ограниченный круг таких участников мог бы позволить избежать многих политических противоречий, которые уже возникали в процессе согласования аналогичных механизмов в СНГ. Кроме того, с учетом стратегического значения Арктического региона для России концептуальные идеи данных механизмов могли бы быть рассмотрены и в контексте Арктического совета. В настоящий момент работа данного международного форума приостановлена в ответ на действия нашего государства по разрешению украинского кризиса, что не способствует конструктивному решению вопросов сохранения экосистемы Арктики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: возобновляемые источники энергии, Европейский Союз, Арктический совет, Арктический регион, устойчивое развитие, интеграционные процессы, энергетическое сотрудничество, Евразийский экономический союз

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Милюкова М.А. 2022. Возобновляемые источники энергии: международно-правовые механизмы сотрудничества государств – членов ЕС. – *Московский журнал международного права*. № 3. С. 68–88. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2022-3-68-88>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2022-3-68-88>Research article
Received 27 2022
Approved 10 September 2022**Maria A. MILYUKOVA**Moscow Law Firm "Timofeev, Vahrenwald and Partners"
6, Luzhnetskaya nab., Moscow, Russian Federation, 119270
m.milyukova@tbplaw.com
ORCID: 0000-0003-0245-2900

RENEWABLE ENERGY SOURCES: INTERNATIONAL LEGAL MECHANISMS FOR COOPERATION BETWEEN THE EU MEMBER STATES

INTRODUCTION. *The gradual reorientation of the global energy system from carbon energy to renewables (solar, wind, tidal energy etc.) aimed at reducing human-caused environmental changes raises the issue of international cooperation in this area. Moreover, energy security issues being closely connected with the ones of national security, the international agenda on renewable energy sources is highly influenced by the geopolitical situation, too.*

The author analyzes the legal mechanisms for cooperation regarding renewable energy between the Member States of the European Union, an international organization that, aiming to reduce its dependence on carbon energy resources from Russia, focuses, among other things, on developing the most effective ways of such cooperation. The author defends the thesis that a legal assessment of such mechanisms' advantages and disadvantages will help assess the potential for their conceptual adaptation within the platforms where Russia's regional cooperation is implemented (i.e. the Eurasian Economic Union and the Arctic Council).

MATERIALS AND METHODS. *In the course of the study, the author used sources of EU law (regulations, directives) regulating cooperation between the Member States in the field of renewable energy, international agreements concluded in accordance therewith, as well as studies of foreign scientific works on the issues of implementation of the relevant rules. Furthermore, assessing the possibilities of using the relevant mechanisms in regional organizations of which Russia is a member, the author uses international treaties, declarations and decisions of bodies of such international*

organizations as the CIS, the EAEU, and the Arctic Council. The methodological basis of the study was formed by general scientific techniques (analysis, synthesis, induction, deduction, comparison, classification, systematization, forecasting) and private scientific techniques (formal legal and comparative legal method).

RESEARCH RESULTS. *The article provides a comprehensive legal analysis of the three main mechanisms for cooperation between EU Member States (statistical transfers, joint projects and joint support schemes). Several issues were identified that reduce their effectiveness, including uncertainty regarding the extension of the deadlines for their application after 2030, the lack of sanctions for non-compliance with mandatory targets provided for by the relevant directives, sovereignty restrictions and, in this regard, insufficient motivation for their application. It is noted that the main incentive for using the outlined mechanisms is the Member States' binding statistical goals in renewable energy use in their national energy mix. Nevertheless, despite the above issues, the author points out that the ideas of the EU legal regulation at present, after its detailed study, can be attributed to the "best practices" of international legal regulation of the use of renewable energy. In this regard, the conceptual foundations of the cooperation mechanisms between the EU Member States can be used in developing interaction within the framework of the Eurasian Economic Union and the Arctic Council (as an organization within which key decisions are made regarding the environmental security of the Arctic region).*

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *Within the research framework, the author analyzed the EU directives and regulations governing the procedures for cooperation between its Member States regarding renewable energy and the practice of implementing such procedures. These interaction mechanisms encouraging states to achieve their own binding goals in renewable energy use seem optimal for developing international legal measures to support RES in organizations and forums with the participation of Russia. The author concludes that one of the most effective areas of such cooperation could be the development of appropriate mechanisms within the framework of the EAEU. This organization aims to integrate the market systems of the member states. Therefore, a limited circle of its members could make it possible to avoid many political contradictions that have already arisen in the negotiations on similar mechanisms in the CIS. In addition, given the strategic importance of the Arctic region for Russia, the ideas of these mechanisms*

could also be considered in the Arctic Council. Although, at the moment, the work of this international forum has been suspended as a reaction of other Arctic states to Russia's actions regarding the Ukrainian crisis, it does not seem to be a viable option to solve the issues of preserving the ecosystem of the Arctic.

KEY WORDS: *renewable energy sources, European Union, Arctic Council, Arctic region, sustainable development, integration processes, energy cooperation, Eurasian Economic Union*

FOR CITATION: Milyukova M.A. Renewable Energy Sources: International Legal Mechanisms for Cooperation between the EU Member States. – *Moscow Journal of International Law*. 2022. No. 3. P. 68–88. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2022-3-68-88>

The author declares the absence of conflict of interest.

1. Введение

Трансграничные вопросы недропользования и в целом природопользования [Вылегжанин 2005:7–33], в том числе вопросы предотвращения природоресурсных конфликтов государств [Вылегжанин, Салыгин, Крымская 2020: 23–41] и выработки энергии¹, традиционно являются одним из приоритетов исследователей международного права при особом внимании к гармонизации производства энергии и охраны окружающей среды на нашей планете². Защита климатической системы Земли является одной из «грандиозных задач планетарного управления» [Young 2021:16-17], а соответствующие усилия многих государств по использованию «чистых» энергетических продуктов, в частности полученных с использованием возобновляемых источников энергии являются общемировой тенденцией. Расширение использования ВИЭ способно вне-

сти существенный вклад в сокращение выбросов парниковых газов, а также в решение проблемы глобального изменения климата. Так, по прогнозам Международного агентства по возобновляемым источникам энергии (ИРЕНА), следование государствам предлагаемому в одном из последних отчетов сценарию преобразования энергетической системы, основанному на расширении использования ВИЭ, может позволить добиться сокращения мировых выбросов углекислого газа, связанных с производством энергии, на 70 % к 2050 году. При этом более 90 % такого сокращения станет возможным благодаря ВИЭ и мерам по повышению энергоэффективности³.

В сентябре 2020 г. компания «BP p.l.c.» в своем прогнозе Energy Outlook анонсировала предстоящую переориентацию «глобальной энергетической системы» с углеродной энергетики на возобновляемые источники энергии⁴. Каждый из предложенных сценариев такого глобаль-

¹ *Международно-правовые основы недропользования: учебник.* Отв. ред. А.Н. Вылегжанин. М.: Норма. 2007. С. 41-51.

² Андреева Е.Е., Кукушкина А.В. Современные правовые механизмы, обеспечивающие сочетание социально-экологических и экономических интересов. – *Международное право. В 2 частях. Ч. 2: учебник для вузов.* Отв. ред. А.Н. Вылегжанин. М.: Юрайт. 2021. С. 82-86.

³ IRENA: Global Renewables Outlook: Energy Transformation 2050. 2020. URL: <https://www.irena.org/publications/2020/Apr/Global-Renewables-Outlook-2020> (accessed 07.10.2021).

⁴ BP Energy Outlook. 2020. P. 7. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/energy-outlook/bp-energy-outlook-2020.pdf> (accessed 07.10.2021).

ного перехода, согласно данным прогноза, может стать причиной снижения в ближайшие 30 лет спроса на нефть от 10 % до 80 %. Напротив, доля возобновляемой энергетики в мировом энергобалансе увеличится (согласно сценарию Rapid) с 5 % в 2018 г. до 45 % в 2050 г. Увеличение доли ВИЭ за последние два года констатировало также *Международное энергетическое агентство* (далее – МЭА) в докладе *Global Energy Review*, выпущенном в апреле 2021 г. С учетом «невосприимчивости ВИЭ в значительной степени» к пандемии, МЭА прогнозировало устойчивый рост доли ВИЭ в общем объеме производства электроэнергии с 27 % в 2019 г. до 30 % в 2021 г.⁵

На фоне указанных тенденций актуальность приобретают вопросы совершенствования правового регулирования отношений, связанных с поощрением использования ВИЭ. При этом взаимодействие экономик различных государств в энергетической сфере делает приоритетным вопрос о международно-правовом регулировании такого взаимодействия в отношении ВИЭ. Поиск взаимоприемлемых правовых механизмов в данной сфере во многих случаях сопряжен с разными, иногда противоположными интересами государств, неодинаково обеспеченных природными ресурсами.

Существенное влияние на этот процесс оказывает геополитическая обстановка. Так, в июне 2021 г. международная компания Fortescue Future Industries (далее – FFI), зарегистрированная в Австралии, и Министерство энергетики России вели переговоры о создании совместной рабочей группы по изучению возможностей реализации проектов по производству в Российской Федерации (далее – РФ) экологически чистого водорода⁶. В состав этой рабочей группы должны были войти представители Минпромторга России, Минтранса России и компании энергетического сек-

тора. Вместе с тем после начала 24 февраля 2022 г. специальной военной операции РФ на территориях Украины, Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики FFI объявила об «утрате интереса» в таком сотрудничестве по политическим мотивам⁷. А ровно через месяц – о подписании Меморандума о взаимопонимании с немецкой компанией E.ON, являющейся одним из крупнейших в Европе операторов энергетических сетей и энергетической инфраструктуры, с целью добиться к 2030 г. доставки в ЕС до 5 миллионов тонн в год экологически чистого возобновляемого водорода (GH₂), чтобы «как можно быстрее снизить энергетическую зависимость от ископаемого топлива из России»⁸. По утверждениям сторон Меморандума 5 миллионов тонн в год возобновляемого водорода равны примерно одной трети тепловой энергии, импортируемой Германией из России.

Таким образом, вопросы поощрения и использования ВИЭ носят не только экономический или технологический, но и политико-правовой характер.

При этом Россия, экономика которой основана на традиционных энергоресурсах, прежде всего на природном газе, нефти и угле, не имеет длительной законодательной истории регулирования использования таких источников энергии, как энергия солнца, ветра, приливов. Вместе с тем гидроэнергетика и геотермальная энергетика давно и весьма динамично развиваются в России [Слива 2014:20–30; Бутузов 2019:4–6].

В стремительно меняющихся геополитических условиях актуальной является проблема структурирования Россией международного сотрудничества в области ВИЭ и отражения соответствующих приоритетов в ее политико-правовых документах. Как отмечается в экспертном сообществе, данная область энергетики, несмотря на сложившуюся ситуацию неопределен-

⁵ IAEA: *Global Energy Review*. 2021. URL: <https://www.iea.org/reports/global-energy-review-2021/economic-impacts-of-covid-19> (accessed 07.10.2021).

⁶ Минэнерго России и Fortescue Future Industries создадут рабочую группу по чистому водороду. – *Официальный сайт Министерства энергетики РФ*. 03.06.2021. URL: <https://minenergo.gov.ru/en/node/20824> (дата обращения: 25.06.2022).

⁷ Penson S. Fortescue ends interest in Russian hydrogen sector. – *Hydrogen Economist*. March 1, 2022. URL: <https://pemedianetwork.com/hydrogen-economist/articles/strategies-trends/2022/fortescue-ends-interest-in-russian-hydrogen-sector/> (accessed 25.06.2022).

⁸ Fortescue Future Industries and E.ON partner on journey to become Europe's largest green renewable hydrogen supplier and distributor. – *FFI Official Website*. March 29, 2022. URL: <https://www.fmgj.com.au/in-the-news/media-releases/2022/03/29/fortescue-future-industries-and-e.on-partner-on-journey-to-become-europe%27s-largest-green-renewable-hydrogen-supplier-and-distributor> (accessed 25.06.2022).

ности, будет продолжать развиваться⁹, что потребует надлежащего международно-правового оформления.

В мировой практике разработан ряд международно-правовых инструментов сотрудничества государств по проблемам ВИЭ. Анализ достоинств и недостатков таких инструментов является первым шагом к формированию Россией соответствующих предложений о сотрудничестве с ее стратегическими партнерами.

В настоящей статье анализируются основные правовые механизмы межгосударственного сотрудничества в сфере ВИЭ на пространстве Европейского союза (далее – ЕС), как международной организации, в отношении которой Россия является крупнейшим поставщиком энергоносителей и текущий политический курс которой состоит в снижении зависимости от этих российских поставок¹⁰.

На основании анализа достоинств и недостатков указанных механизмов сделан вывод о потенциале использования данных механизмов на основных площадках регионального сотрудничества России, в том числе в рамках Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) и Арктического совета.

2. Основные формы сотрудничества государств – членов ЕС в сфере ВИЭ

Компетенция ЕС как международной организации и особого международного интеграционного образования определена учредительными договорами ЕС («источники первичного права»), имеющими высшую юридическую силу, которым

должны соответствовать акты «вторичного права» институтов ЕС – регламенты, директивы и решения¹¹. Указанная иерархия источников права ЕС применима к отношениям государств-членов в сфере энергетики, которая п. 2 ст. 4 Договора о функционировании Европейского союза (Рим, 25 марта 1957 г., в редакции Лиссабонского договора 2007 г.) отнесена к области совместной компетенции ЕС и его государств-членов. Статья 194 этого договора определяет границы и цели энергетической политики ЕС, в число которых входит «продвижение энергоэффективности и энергосбережения и развитие новых и возобновляемых форм энергии»¹². Достижение указанной цели должно осуществляться «в контексте построения и функционирования внутреннего рынка при необходимости сохранения и улучшения окружающей среды» и «в духе солидарности между государствами-членами»¹³.

Отнесение энергетики к области совместной компетенции ЕС и государств-членов определяет особенности и пределы регулирования актов «вторичного» права ЕС, которые могут приниматься институтами Союза с соблюдением принципа субсидиарности. Согласно данному принципу ЕС может принимать меры по вопросам, входящим в совместную компетенцию, только если на уровне государств-членов цели таких мер не могут быть достигнуты в необходимой степени (ст. 5(3) Договора о Европейском союзе)¹⁴.

В этом контексте следует толковать основной правовой акт Европейского союза в области возобновляемой энергетики – Директиву (ЕС) 2018 / 2001 Европейского парламента и Совета Европейского союза от 11 декабря 2018 г. о по-

⁹ Егорова А. Стабильные перспективы в нестабильной ситуации. – *Коммерсантъ*. 26.04.2022. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5318348> (дата обращения 25.06.2022).

¹⁰ Так, в отчете Европейского парламента от 11 марта 2022 г. указывается, что Россия все еще остается крупнейшим поставщиком энергоресурсов в ЕС. Хотя и отмечается, что доля энергоносителей в импорте из РФ снизилась к 2021 г. до 62 % в сравнении с 77 % в 2011 г. По итогам 2021 г. общий объем импорта из России составил около 45 % от импорта всего газа в ЕС и почти 40 % от общего объема потребления газа European Parliament: EU economic and financial developments: Weekly Picks. March 11, 2022. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2022/689436/IPOL_BRI\(2022\)689436_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2022/689436/IPOL_BRI(2022)689436_EN.pdf) (accessed 31.05.2022). В другом отчете приводятся данные по доли российской нефти и угля в европейском импорте: 27 % и 46 % соответственно. См.: European Parliament: Economic repercussions of Russia's war on Ukraine – Weekly Digest. March 18, 2022. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2022/699512/IPOL_IDA\(2022\)699512_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2022/699512/IPOL_IDA(2022)699512_EN.pdf) (accessed 05.05.2022). Оба приведенных отчета указывают на необходимость снижения энергетической зависимости от РФ «как можно скорее» (as soon as possible).

¹¹ *Право Европейского Союза: учебник для магистров*. Под ред. С. Ю. Кашкина. 3-е изд. М.: Юрайт. С.140-141.

¹² Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union. Rome, 1957, as amended by the Treaty of Lisbon, signed on 13 December 2007. URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:12012E/TXT:en:PDF> (accessed 25.06.2022).

¹³ Ibid.

¹⁴ Ibid.

ощрении использования энергии из возобновляемых источников (далее – RED II)¹⁵, которая представляет собой пересмотренную Директиву (ЕС) Европейского парламента и Совета Европейского Союза 2009 / 28 / ЕС от 23 апреля 2009 г. о стимулировании использования энергии из возобновляемых источников (далее – RED I)¹⁶.

Обе директивы устанавливают обязательные цели по достижению Европейским Союзом валового показателя энергопотребления из возобновляемых источников в пропорции не менее 20 % от общего энергопотребления к 2020 г.¹⁷, 32% – к 2030 г.¹⁸ При этом обе директивы предусматривают обязанность государств – членов ЕС установить индивидуальные цели по достижению определенной доли энергопотребления из возобновляемых источников, чтобы итоговый результат в 20 % и 32 % был достигнут на уровне ЕС в установленные директивами сроки.

В рамках RED II предусмотрено, что такие индивидуальные цели устанавливаются государствами-членами в их национальных планах по энергетике и климату (National energy and climate plans) на 2021–2030 гг. Разработка указанных планов предусмотрена Регламентом по управлению Энергетическим союзом и действиям по борьбе с изменением климата (ЕС) 2018 / 1999 гг. (далее – Регламент по управлению Энергетическим союзом) согласно которому отдельный раздел таких национальных планов должен быть посвящен описанию целевых показателей в отношении ВИЭ до 2030 г. и мер, которые предполагается предпринять для их достижения¹⁹. При этом в Приложении II к RED II предусмотрена формула, на основании которой государ-

ства-члены должны определять такие индивидуальные целевые показатели для закрепления их в национальных планах.

Установление целевых показателей государствами-членами имеет ключевое значение для механизмов сотрудничества между государствами-членами, предусмотренных RED II. Идентичные организационно-правовые механизмы сотрудничества были предусмотрены и действовавшей до 2020 г. директивой RED II, которая внесла коррективы только в отдельные аспекты их использования без принципиального изменения общей идеи и правовой конструкции таких механизмов.

Директивы RED I и RED II определили общие правила статистического учета результатов использования этих механизмов, но их разработка и реализация оставлены в основном на усмотрение сотрудничающих государств-членов.

К основным механизмам сотрудничества между государствами – членами ЕС, таким образом, относятся следующие.

1. «Статистические передачи» возобновляемой энергии. Статья 8 RED II предусматривают возможность учета возобновляемой энергии, произведенной одним государством-членом, в статистике ВИЭ другого государства-члена. Предполагается, что такие передачи энергии призваны стимулировать превышение государствами-членами своих национальных показателей энергопотребления на основе ВИЭ, поскольку в таком случае они могут получать оплату за энергию, «переданную» другим государствам в рамках данного механизма. Государства-покупатели (в которых производство

¹⁵ EU: Directive 2018/2001 of the European Parliament and of the Council of 11 December 2018 on the promotion of the use of energy from renewable sources (Text with EEA relevance). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:32018L2001&from=EN> (accessed 25.06.2022).

¹⁶ EU: Directive 2009/28/EC of the European Parliament and of the Council of 23 April 2009 on the promotion of the use of energy from renewable sources and amending and subsequently repealing Directives 2001/77/EC and 2003/30/EC (Text with EEA relevance). URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2009:140:0016:0062:en:PDF> (accessed 25.06.2022).

¹⁷ Ibid.

¹⁸ EU: Directive 2018/2001 of the European Parliament and of the Council of 11 December 2018 on the promotion of the use of energy from renewable sources (Text with EEA relevance). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:32018L2001&from=EN> (accessed 25.06.2022).

¹⁹ EU: Regulation 2018/1999 of the European Parliament and of the Council of 11 December 2018 on the Governance of the Energy Union and Climate Action, amending Regulations (EC) No 663/2009 and (EC) No 715/2009 of the European Parliament and of the Council, Directives 94/22/EC, 98/70/EC, 2009/31/EC, 2009/73/EC, 2010/31/EU, 2012/27/EU and 2013/30/EU of the European Parliament and of the Council, Council Directives 2009/119/EC and (EU) 2015/652 and repealing Regulation (EU) No 525/2013 of the European Parliament and of the Council (Text with EEA relevance.) Art.3. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:02018R1999-20210729&qid=1663142581706&from=en> (accessed 25.06.2022).

энергии с использованием возобновляемых источников является менее рентабельным), в свою очередь, смогли бы достигать своих целей с меньшими затратами. Соответствующие соглашения могут заключаться государствами-членами с использованием разработанной Европейской Комиссией платформы развития возобновляемых источников энергии Союза²⁰, которая представляет собой некоторую биржу, на которой стоимость передаваемой возобновляемой энергии определяется с использованием рыночных механизмов²¹.

2. Совместные проекты государств – членов ЕС. Статья 9 RED II предполагают возможность государств – членов ЕС участвовать в финансировании проектов с использованием ВИЭ, имеющих отношение к производству электричества и тепла, и совместно определять, какая доля энергии из возобновляемых источников будет учитываться в достижении соответствующих национальных показателей участников проекта. При этом устанавливается, что проекты не обязательно должны предполагать физическую передачу энергии из одного государства-члена в другое. То есть данная норма предусматривает ситуацию, когда инвесторы одного государства-члена могут участвовать в проектах ВИЭ на территории другого государства-члена ЕС и результаты такой деятельности по договоренности между государствами могут быть частично или полностью зачтены в статистику государства регистрации соответствующего инвестора.

3. Совместные схемы поддержки. Статья 13 RED II предусматривает механизм, позволяющий государствам-членам объединять или координировать (частично) национальные системы поддержки ВИЭ (в отличие от совместных проектов, здесь нет ограничений по виду производимой энергии) и совместно определять, каким образом учитывать произведенную таким образом возобновляемую энергию. Эта форма сотрудничества может включать такие меры, как

общий льготный тариф, общая льготная надбавка или общий режим торговли квотами и сертификатами.

Использование механизмов сотрудничества между государствами-членами должно было стать экономически выгодным для всех участников. Так, государства-члены, финансирующие развитие ВИЭ в другом государстве, получают выгоду, достигая своего целевого показателя с наименьшими затратами. Государства-члены, превышающие свои целевые показатели по ВИЭ, получают доход от ее продажи в рамках статистических передач, а также выгоды, непосредственно связанные с фактом расширения производства возобновляемой энергии: увеличение дохода от продажи такой энергии, наличие дополнительной энергии для потребления, создание рабочих мест, технологические инновации и др.²² Кроме того, использование таких механизмов должно способствовать становлению единого рынка энергии, произведенной с использованием ВИЭ.

3. Проблемы использования механизмов сотрудничества государств – членов ЕС по проблемам ВИЭ, предусмотренным RED II

Несмотря на перечисленные предполагаемые взаимные выгоды, за все время существования RED I и RED II государства-члены недостаточно использовали данные механизмы, что объясняется рядом политико-правовых и экономических проблем их имплементации.

Часть указанных проблем, влияющих на эффективность механизмов сотрудничества государств – членов ЕС в отношении достижения целевых показателей, установленных директивами, вызвана *внутренними факторами*, а именно несовершенством использованных правовых концепций и юридической техники.

С другой стороны, невозможно рассматривать содержание директив по ВИЭ и в отрыве от экономической и геополитической реальности,

²⁰ Union renewable development platform. URL: <https://union-renewables-development-platform.ec.europa.eu> (accessed 25.06.2022).

²¹ EU: Directive 2018/2001 of the European Parliament and of the Council of 11 December 2018 on the promotion of the use of energy from renewable sources (Text with EEA relevance). Art. 8. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:32018L2001&from=EN> (accessed 25.06.2022).

²² EU: Commission Staff Working Document. Guidance on the use of renewable energy cooperation mechanism. Accompanying the document Communication from the Commission "Delivering the internal electricity market and making the most of public intervention". November 5, 2013. P. 3. URL: https://energy.ec.europa.eu/system/files/2014-10/com_2013_public_intervention_swd05_en_0.pdf (accessed 25.06.2022).

в которой осуществляется их имплементация (внешние факторы).

Среди основных политико-правовых проблем, вызванных внутренними факторами, можно выделить следующие:

1. *Неопределенность в отношении продолжения действия обязательных целей RED II после 2030 г.* [Wyns, Khatchadourian 2016: 582].

В то время как общие обязательные цели по ВИЭ на 2030 г. для ЕС в целом являются особенностью действующей RED II, Директива не содержит положений, позволяющих автоматически расширить национальные или общеевропейские цели по ВИЭ после 2030 г. [Klessman et al. 2014: 11]. Согласно п. 3 ст. 33 RED II, в 2026 г. Европейская Комиссия должна представить, «при необходимости», «законодательное предложение о нормативно-правовой базе для продвижения энергии из возобновляемых источников на период после 2030 г.». Указанное предложение должно учитывать «опыт реализации настоящей Директивы, включая ее критерии устойчивости и сокращения выбросов парниковых газов, а также технологические разработки в области энергетики из возобновляемых источников».

Тем не менее отсутствует безусловная определенность в отношении того, что такая «нормативно-правовая база» будет принята и по своему содержанию будет продолжать курс, предложенный RED II. При этом следует отметить преимущество основных идей и механизмов сотрудничества RED II в отношении RED I. Представляется, что нормативно-правовая работа Комиссии в дальнейшем также будет развиваться в направлении совершенствования уже разработанных организационно-правовых форм поддержки ВИЭ и поэтапного увеличения доли энергопотребления из возобновляемых источников в общеевропейском энергобалансе. Об этом также может свидетельствовать и тот факт, что национальные планы по энерге-

тике и климату предполагают их разработку на каждое десятилетие, начиная с 2021 г. Вместе с тем Регламент по управлению Энергетическим союзом прямо устанавливает, что цели государств – членов ЕС в области ВИЭ, составляющие один из разделов таких планов, предполагают планирование исключительно до 2030 г. Тем не менее, учитывая стремление ЕС к энергонезависимости и в связи с этим высокий приоритет проектов в области ВИЭ, полагаем, что в соответствующие разделы Регламента по управлению Энергетическим союзом будет предложено внести изменения в сроки, предусмотренные п. 3 ст. 33 RED II.

2. *Отсутствие действенных санкций за несоблюдение обязательных целей Директивы.*

Единственным последствием несоблюдения положений RED I была общая процедура обращения Европейской комиссии в Суд ЕС в соответствии с положениями ст. 258–260 Договора о функционировании ЕС. Данная процедура является достаточно длительной и сложной (по состоянию на декабрь 2018 г. средняя продолжительность одной процедуры составляет 38,1 месяцев). До привлечения государства-члена к ответственности, таким образом, может пройти несколько лет²³. Так, медленная реализация положений Директивы, препятствующая продвижению возобновляемой энергии и движению к большей энергетической независимости, вынудила Европейскую комиссию инициировать процедуры о несоблюдении требований в отношении различных государств – членов ЕС²⁴. В четырех из этих дел, а именно против Австрии, Кипра, Ирландии и Польши, Комиссия подала заявления в Суд ЕС, требуя выплаты штрафов от государств-членов, не соблюдающих требования Директивы. Эти действия достигли своей цели, поскольку в вышеупомянутых четырех случаях государства-члены добровольно выполнили свои обязательства после того, как они были переданы в Суд, в результате чего Комиссия ото-

²³ European Commission: 'Single Market Scoreboard' (December 2018). Reporting period: 12/2017 – 12/2018. URL: https://ec.europa.eu/internal_market/scoreboard/_docs/2019/performance_by_governance_tool/infringements_en.pdf (accessed 25.06.2022).

²⁴ Дела открыты, и мотивированные мнения были направлены в Австрию, Болгарию, Кипр, Чешскую Республику, Финляндию, Венгрию, Ирландию, Латвию, Люксембург, Нидерланды, Польшу и Словению. См.: Report from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Renewable energy progress report. March 27, 2013. URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2013:0175:FIN:EN:PDF> (accessed 25.06.2022).

звала свои требования²⁵. Тем не менее указанные требования Комиссии касались не фактического достижения индивидуальных целей, а нарушения процессуальных обязательств, связанных со своевременной и полной имплементацией Директивы в национальное законодательство [Monti, Martinez Romera 2020:225].

В новой директиве RED II предусмотрено, что указанный национальный план становится не самостоятельным документом²⁶, а частью Национального плана по энергетике и климату, обязанность по подготовке которого, как указано выше, возложена на государства-члены Регламентом по управлению Энергетическим союзом. После представления государствами-членами своих Национальных планов (и, впоследствии, своих периодических отчетов) Европейская комиссия проводит совокупную оценку прогресса государств – членов ЕС. При этом статьями 30–32 Регламента установлена процедура выдачи Комиссией целевых рекомендаций и принятия мер реагирования в случаях, когда цели, задачи и вклад государств-членов недостаточны для коллективного достижения целей Энергетического союза, в частности целей по ВИЭ до 2030 г. Кроме того, Комиссия также имеет право давать общие рекомендации всем государствам-членам, если на основе совокупной оценки Национальных отчетов государств-членов она придет к выводу, что ЕС «рискует не достичь целей по возобновляемой энергетике на период до 2030 г.»²⁷. Кроме того, согласно ст. 32(2) Регламента по управлению Энергетическим союзом, если Комиссия в

процессе оценки причин недостижения каким-либо из государств-членов принятых им целевых показателей придет к выводу, что его национальные меры в области ВИЭ недостаточны для достижения целей Союза в области ВИЭ, Комиссия уполномочена, «если это целесообразно, предлагать меры и осуществлять свои полномочия на уровне Союза в дополнение к этим рекомендациям, чтобы обеспечить, в частности, достижение цели Союза к 2030 г. в отношении возобновляемых источников энергии»²⁸.

Данный механизм немедленного реагирования Комиссии на возможные отклонения от национальных планов (хотя и в виде рекомендаций, а не безусловно обязательных для исполнения предписаний), по мнению А. Монти и Б.М. Ромера, может оказаться достаточно эффективным, поскольку такие меры будут направлены не на привлечение к ответственности государств – членов ЕС по истечении срока действия директивы (по результатам оценки итогов ее применения), а непосредственно в процессе ее реализации [Monti, Martinez Romera 2020:227]. Кроме того, открытая формулировка ст. 32(2) Регламента в отношении достижения «конечных целей» дает ЕС достаточную гибкость для прямого вмешательства, когда это необходимо, с нормативными инструментами, которые могут напрямую влиять на состав национальных энергосистем государств-членов.

3. *Неочевидность пользы для электроснабжения использующих механизмы сотрудничества государств.*

²⁵ European Court of Justice: European Commission v Republic of Poland. Case C-320/13. March 30, 2015. URL: <https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?jsessionid=151B675CB6FD51A7879D2172E66774AD?text=&docid=163838&pageIndex=0&doclang=FR&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=103916> (accessed 25.06.2022); European Court of Justice: European Commission v Republic of Cyprus. Case C-386/13. September 24, 2014. URL: <https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=&docid=158502&pageIndex=0&doclang=FR&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=104613> (accessed 25.06.2022); European Court of Justice: European Commission v Republic of Austria. Case C-663/13. April 29, 2015. URL: <https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=&docid=164321&pageIndex=0&doclang=FR&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=104775> (accessed 25.06.2022); European Court of Justice: European Commission v Ireland. Case C-236/14. January 20, 2015. URL: <https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=&docid=162062&pageIndex=0&doclang=EN&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=104990> (accessed 25.06.2022).

²⁶ EU: Directive 2018/2001 of the European Parliament and of the Council of 11 December 2018 on the promotion of the use of energy from renewable sources (Text with EEA relevance). Preamble (30). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:32018L2001&from=EN> (accessed 25.06.2022).

²⁷ EU: Regulation 2018/1999 of the European Parliament and of the Council of 11 December 2018 on the Governance of the Energy Union and Climate Action, amending Regulations (EC) No 663/2009 and (EC) No 715/2009 of the European Parliament and of the Council, Directives 94/22/EC, 98/70/EC, 2009/31/EC, 2009/73/EC, 2010/31/EU, 2012/27/EU and 2013/30/EU of the European Parliament and of the Council, Council Directives 2009/119/EC and (EU) 2015/652 and repealing Regulation (EU) No 525/2013 of the European Parliament and of the Council (Text with EEA relevance.) Art. 32(2). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:02018R1999-20210729&qid=1663142581706&from=en> (accessed 25.06.2022).

²⁸ Ibidem.

Основной смысл механизмов сотрудничества, предусмотренных RED II, заключается в том, чтобы обеспечить «виртуальный импорт» энергии, произведенной с использованием ВИЭ, что не обязательно предполагает ее физическую передачу. В связи с этим механизмы сотрудничества между государствами-членами подвергались критике из-за отсутствия фактической пользы электроснабжению приобретающего государства.

В свою очередь даже совместные проекты, предусматривающие физическую передачу электроэнергии, произведенной с использованием ВИЭ, имеют свои отрицательные стороны: создается риск перегрузки энергосети принимающего государства и использования его энергетических ресурсов иностранными потребителями, не говоря уже о технических проблемах физической передачи такой электроэнергии [Klessman et al. 2014: 12].

Наконец, при реализации совместных проектов на территории одного государства-члена («принимающее государство»), предполагающих физическую передачу энергии, иностранное государство-инвестор будет заинтересовано в использовании наиболее эффективных ресурсов ВИЭ, в то время как энергопотребители принимающего государства будут нести расходы на поддержку менее эффективных проектов²⁹. Поэтому для легитимизации соответствующих совместных проектов важна четкая связь затрат, выгод и их компенсации.

4. Потенциальные угрозы суверенитету государств – членов ЕС.

В докладе о первых итогах реализации директивы RED I «Сотрудничество между государствами – членами ЕС в соответствии с Директивой о возобновляемых источниках энергии» 2013 г. высказывались опасения, что реализация предусмотренных RED I совместных проектов и проектов совместной поддержки ВИЭ может нанести ущерб внутренним национальным системам поддержки ВИЭ. Тем не менее первый опыт

работы с механизмами сотрудничества показал, что, несмотря на различия в национально-законодательном регулировании ВИЭ, государствам-членам не обязательно отказываться от ключевых принципов национальной поддержки ВИЭ, если будут четко определены пределы реализации соответствующих проектов³⁰.

Так, с 1 января 2012 г. в Швеции и Норвегии действует совместная система сертификации электроэнергии, порядок функционирования которой государства установили в заключенном 29 июня 2011 г. Соглашении о совместном рынке сертификатов электроэнергии³¹. Участие Швеции в данной схеме совместной поддержки позволило расширить систему сертификации электроэнергии, действующей в государстве с 2003 г. В свою очередь в Норвегии доходы от сертификатов заменяют действовавшую ранее инвестиционную поддержку ветряных электростанций, предоставляемую государственным предприятием Enova. Совместная схема поддержки основывается на шведском опыте работы на рынке зеленых сертификатов [Klessman et al. 2014:6].

Основная идея совместной схемы поддержки состоит в выдаче предприятиям-производителям электроэнергии из ВИЭ зеленых сертификатов за каждый мегаватт-час (МВтч) произведенной электроэнергии. Такие сертификаты признаются активами (ценными бумагами), которыми можно торговать на бирже. Компании, продающие электроэнергию, а также некоторые потребители электроэнергии в силу закона обязаны приобретать определенное количество сертификатов пропорционально произведенной или потребленной энергии. Затраты данных субъектов впоследствии переносятся на счета конечных потребителей. «Общность» рынка сертификатов предполагает, что сертификаты, выданные в одном государстве, могут быть использованы для исполнения обязательств по сертификации электроэнергии в другом государстве (ст. 3 Соглашения о совместном рынке сертификатов электроэнергии)³².

²⁹ Ibidem.

³⁰ Ibidem.

³¹ Agreement between the Government of the Kingdom of Sweden and the Government of the Kingdom of Norway on a common market for electricity certificates of 29 June 2011. URL: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/No%20Volume/56628/Part/I-56628-080000028050c005.pdf> (accessed 26.05.2022).

³² Ibidem.

Несмотря на установление описанных общих принципов функционирования системы сертификатов, договаривающиеся государства принимали во внимание существующие различия национального законодательства, например в части налоговых норм и правил. Поэтому ряд деталей, касающихся применения схемы совместной поддержки, например процедура поэтапного отказа от схемы после истечения срока ее действия, различна для инвесторов обоих государств [Klessman et al. 2014:7].

Тем не менее и в данном случае нельзя не обратить внимание на то, что в определенной степени договаривающиеся государства пошли на самоограничение суверенитета в национальной политике, обязавшись не принимать иных мер поддержки ВИЭ производителями электроэнергии³³.

Главными проблемами имплементации механизмов сотрудничества государств – членов ЕС, причиной которых являются *внешние факторы* (не связанные с содержанием RED II), на наш взгляд, являются следующие:

1. *Недостаточность механизмов сотрудничества для обеспечения энергетической безопасности ЕС и отдельных государств-членов в условиях роста энергопотребления в конце 2021 г. и курса ЕС на снижение зависимости от импорта российского газа (и иных энергоносителей) в связи со специальной военной операцией России на территории Украины.*

Результатом восстановления мировой экономики в 2021 г. после начала пандемии COVID-19 и отмены карантинных ограничений (в том числе связанных с пересечением границ) ста-

ло увеличение спроса на электроэнергию, не покрываемого предложением электроэнергии, производимой из низкоуглеродных источников. Совместно с резким ростом цен на природный газ это привело к увеличению мирового производства электроэнергии с использованием угля на 9 % – до 10 000 ТВт/ч. В свою очередь, в Европейском союзе, согласно прогнозу МЭА, увеличение выработки электроэнергии на угле составило 20 % в 2021 г.³⁴.

Обозначенная тенденция, а именно рост цен на природный газ и увеличение спроса на уголь, значительно усилилась в связи с началом Россией специальной военной операции на территории Украины и принятием Европейским союзом односторонних ограничительных мер, в частности запрета импорта российского угля³⁵ и провозглашением достижения независимости от поставок российского газа и иных углеродных ресурсов в качестве приоритета экономической политики³⁶.

При этом уже к 2018 г. на территории ЕС существенно сократилось количество собственных угольных шахт государств-членов [Alves Dias et al. 2018:46].

В результате недостаточности собственного производства электроэнергии из угля в качестве альтернативы природному газу ряд государств – членов ЕС (в частности Германия, Италия, Чехия, Болгария³⁷) объявили о восстановлении выведенных из эксплуатации угольных шахт и ТЭС. Так, в Германии 08 июля 2022 г. принят Закон «О наличии запасных электростанций для снижения потребления газа в электроэнергетическом секторе в случае потенциальной нехватки газа и о внесении изменений в Закон об

³³ Ibid. Art. 5.

³⁴ International Energy Agency: Coal 2021: Analysis and forecast to 2024. December 2021. P. 6 URL: <https://iea.blob.core.windows.net/assets/f1d724d4-a753-4336-9f6e-64679fa23bbf/Coal2021.pdf> (accessed 25.06.2022).

³⁵ См.: EU: Council Regulation No. 833/2014 of 31 July 2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine, Council Regulation (EU) 2022/576 of 8 April 2022 amending Regulation (EU) No 833/2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine. Art. 3j(1). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:32014R0833&from=EN> (accessed 25.06.2022).

³⁶ EU: Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions REPowerEU: Joint European Action for more affordable, secure and sustainable energy. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=COM%3A2022%3A108%3AFIN> (accessed 25.06.2022).

³⁷ См., например: Глобальная энергетика возвращается к угольной генерации. – Ведомости. 25.04.2022. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2022/04/26/919731-globalnaya-energetika-vozvrashaetsya-k-ugolnoi-generatsii> (дата обращения: 25.06.2022); Some EU members turn back to coal to cut reliance on Russian gas. – *Climate home news*. March 15, 2022. URL: <https://www.climatechangenews.com/2022/03/15/some-eu-members-turn-back-to-coal-to-cut-reliance-on-russian-gas/> (accessed 25.06.2022).

энергетике и другие нормативные акты об энергетике»³⁸. Согласно данному закону для снижения потребления газа в электроэнергетике резерв замещения газа должен быть создан до 31 марта 2024 года. Предусматривается возобновление работы угольных электростанций, если объемы поставок газа недостаточны для производства электроэнергии. При этом электростанции, работающие на нефти и угле, должны быть модернизированы, чтобы они стали доступными для рынка в любое время³⁹.

Следует отметить, что рост потребления угля государствами – членами ЕС, активизация угольной промышленности противоречат заявленной в RED II цели достижения «устойчивой конкурентной энергетической политики»⁴⁰, которая «тесно связана с необходимостью сохранения, защиты и улучшения качества окружающей среды, а также с поощрением разумного и рационального использования природных ресурсов, в частности за счет повышения энергоэффективности и энергосбережения, а также разработки новых и возобновляемых видов энергии»⁴¹. Аналогично, принятая в 2019 г. «Европейская Зеленая сделка» (European Green Deal) предполагает, что страны ЕС должны стать углеродно нейтральными к 2050 г.⁴². Обозначенные меры в случае, если они будут, вопреки первоначальным планам, применяться на долгосрочной основе, неизбежно поставят вопрос их соответствия Целям устойчивого развития (ЦУР) ООН⁴³, в частности ЦУР

№ 7 «Обеспечение доступа к недорогим, надежным, устойчивым и современным источникам энергии для всех», которая призывает, в частности, к значительному увеличению в мировом энергобалансе доли энергии из ВИЭ (7.2), а также ЦУР № 9 «Создание стойкой инфраструктуры, содействие всеохватной и устойчивой индустриализации и инновациям», предполагающей модернизацию инфраструктуры, повышение ее устойчивости за счет расширения применения чистых и экологически безопасных технологий и промышленных процессов (9.4).

Несмотря на это, возможность расконсервации угольных шахт была названа МЭА в качестве одного из вариантов краткосрочного решения проблемы зависимости Европейского союза от российского природного газа, подготовленном Агентством «Плане из 10 пунктов»: «По нашим оценкам, временный переход с газа на уголь или мазут может снизить потребность в газе для производства электроэнергии примерно на 28 млрд кубометров до того, как в ЕС произойдет общее увеличение выбросов, связанных с энергетикой»⁴⁴.

2. *Нестабильность производства электроэнергии из ВИЭ (в частности, с использованием энергии ветра), влияющая на выбор в пользу углеродных энергоносителей в вопросах обеспечения энергетической безопасности государств-членов и Союза.*

Рост спроса на электроэнергию в связи с восстановлением мировой экономики после начала

³⁸ Gesetz zur Bereithaltung von Ersatzkraftwerken zur Reduzierung des Gasverbrauchs im Stromsektor im Fall einer drohenden Gasmangellage durch Änderungen des Energiewirtschaftsgesetzes und weiterer energiewirtschaftlicher Vorschriften vom 08.07.2022. URL: <https://dejure.org/ext/8489a1a6cc83633ab608e2a3fad0030e> (accessed 12.07.2022).

³⁹ Ibid.

⁴⁰ EU: Directive 2018/2001 of the European Parliament and of the Council of 11 December 2018 on the promotion of the use of energy from renewable sources (Text with EEA relevance). Preamble (61). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:32018L2001&from=EN> (accessed 25.06.2022).

⁴¹ EU: Regulation 2018/1999 of the European Parliament and of the Council of 11 December 2018 on the Governance of the Energy Union and Climate Action, amending Regulations (EC) No 663/2009 and (EC) No 715/2009 of the European Parliament and of the Council, Directives 94/22/EC, 98/70/EC, 2009/31/EC, 2009/73/EC, 2010/31/EU, 2012/27/EU and 2013/30/EU of the European Parliament and of the Council, Council Directives 2009/119/EC and (EU) 2015/652 and repealing Regulation (EU) No 525/2013 of the European Parliament and of the Council (Text with EEA relevance.) Preamble (3). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:02018R1999-20210729&qid=1663142581706&from=en> (accessed 25.06.2022).

⁴² Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions - The European Green Deal. Para. 2.1.1. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1576150542719&uri=COM%3A2019%3A640%3AFIN> (accessed 25.06.2022).

⁴³ ООН: Резолюция Генеральной Ассамблеи № 70 / 1 от 25 сентября 2015 г. «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.». Доступ: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/70/1> (дата обращения: 25.06.2022).

⁴⁴ IEA: A 10-Point Plan to Reduce the European Union's Reliance on Russian Natural Gas. March 2022. P. 11. URL: <https://iea.blob.core.windows.net/assets/1af70a5f-9059-47b4-a2dd-1b479918f3cb/A10-PointPlanToReducetheEuropeanUnionsRelianceonRussianNaturalGas.pdf> (accessed 25.06.2022).

пандемии и последовавшие за этим политические шаги по отказу от российских энергоносителей, которые привели к существенному отклонению от «зеленого курса», происходили на фоне снижения стабильности добычи электроэнергии с использованием ветряных электростанций в сентябре 2021 г.⁴⁵, а также в апреле 2022 г.⁴⁶. При этом в 2021 г. европейские ВЭС покрыли 15 % спроса на электроэнергию в странах ЕС и Великобритании⁴⁷.

Нестабильность ветряных электростанций для производства электроэнергии в ЕС стала одной из причин увеличения углеродоемких производств государствами-членами вразрез с целями «зеленой политики» и устойчивого развития.

На наш взгляд, совокупность факторов (1) и (2) при сохранении односторонних ограничительных мер ЕС в отношении российского энергетического сектора может в долгосрочной перспективе негативно отразиться на достижении обязательных целей, предусмотренных RED II и, таким образом, привести к нарушению положений указанной директивы. Полагаем, в случае возникновения вопроса о привлечении к ответственности за указанные нарушения в соответствии с правом ЕС, ответственные государства-члены могут ссылаться, в частности, на наличие обстоятельств форс-мажора (особенно в части особенностей производства электроэнергии с использованием ВЭС), а также на необходимость защиты существенного интереса⁴⁸ соот-

ветствующего государства-члена (обеспечение надежности энергоснабжения), что, в свою очередь, является одной из основ функционирования ЕС – обеспечением надежности энергоснабжения в Союзе⁴⁹. Кроме того, не исключено, что на основании уже упомянутого п. 3 ст. 33 RED II и с учетом практики реализации Директивы государствами-членами Европейская Комиссия подготовит изменения в нормативно-правовое регулирование соответствующих механизмов и обязательных целевых показателей по переходу на возобновляемую энергетику, что снимет вопрос об ответственности за потенциальные нарушения Директивы.

Таким образом, хотя правовая регламентация ЕС механизмов сотрудничества между государствами-членами может служить примером лучших практик международного сотрудничества в области ВИЭ, их практическая эффективность для реализации целей устойчивого развития и борьбы с изменением климата в большой степени зависит от того, в каких политико-экономических условиях осуществляется их использование. Именно эти условия и процессы определяют в каждый конкретный момент, насколько механизмы сотрудничества государств-членов смогут обеспечить энергетическую независимость и энергетическую безопасность ЕС и отдельных государств и способствовать достижению геополитических целей ЕС в международных отношениях с третьими государствами и, в частности с Россией.

⁴⁵ Wallace J. Energy Prices in Europe Hit Records After Wind Stops Blowing. – Wall Street Journal. September 13, 2021. URL: https://www.wsj.com/articles/energy-prices-in-europe-hit-records-after-wind-stops-blowing-11631528258?mod=hp_lead_pos5 (accessed 25.06.2022).

⁴⁶ Из-за безветренной погоды в Европе заявки на поставку российского газа увеличиваются. – *Интерфакс*. 25.04.2022. URL: <https://www.interfax.ru/world/837665> (дата обращения: 25.06.2022).

⁴⁷ Wind energy in Europe 2021 - Statistics and the outlook for 2022-2026. February 2022. P. 9. URL: https://proceedings.windeurope.org/biplatform/rails/active_storage/blobs/eyJfcmFpbHMiOnsibWVzc2FnZSI6IkJBaHBBbFFElwiZWhwLjpuZDhXs-LCJwdXliOiJibG9iX2lnIn19--f507a22c9854863e01fd427239f10167d031cc66/Windeurope-Wind-energy-in-Europe-2021-statistics.pdf (accessed 25.06.2022).

⁴⁸ В частности, в докладе Roberto Ago, 'Addendum – Eighth Report on State Responsibility' указывается, что существенный интерес государства, защита которого осуществляется в случае возникновения состояния необходимости, может состоять, в том числе, в обеспечении дальнейшего функционирования основных услуг такого государства, его политического или экономического выживания: "The alleged situation of extreme peril does not take the form of a threat to the life of individuals whose conduct is attributed to the State, but represents a grave danger to the existence of the State itself, its political or economic survival, the continued functioning of its essential services, the maintenance of internal peace, the survival of a sector of its population, the preservation of the environment of its territory or a part thereof, etc.". См: Addendum to the eighth report on State responsibility, by Mr. Roberto Ago. 1980. P. 14. URL: https://legal.un.org/ilc/documentation/english/a_cn4_318_add5_7.pdf (accessed 25.06.2022).

⁴⁹ Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union. Rome, 1957, as amended by the Treaty of Lisbon, signed on 13 December 2007. Art. 194(1)(b). URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:12012E/TXT:en:PDF> (accessed 25.06.2022).

4. Проблемы применимости механизмов сотрудничества по проблемам ВИЭ между государствами – членами ЕС к международным отношениям с участием России

4.1. Евразийский экономический союз и Содружество Независимых Государств: перспективы сотрудничества в сфере ВИЭ

Оценивая нормативную значимость RED I (сущность которой в целом сохранена в тексте RED II), С. Брюс отмечает, что данный документ «стремится сбалансировать суверенитет [государств – членов ЕС] с целями в области возобновляемых источников энергии, в значительной степени предоставляя выбор в применении [соответствующих] технологий», называя ЕС «политическим новатором в области изменения климата и экологически чистых технологий» [Stuart 2013:11].

На наш взгляд, хотя ЕС и является уникальной международной организацией с высокой степенью политической и экономической интеграции среди государств-членов, рассмотренные выше правовые механизмы межгосударственного сотрудничества внутри ЕС могли бы стать идейной основой для разработки институтов сотрудничества в сфере ВИЭ на региональном уровне, например, в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

Одной из наиболее перспективных платформ для развития сотрудничества в данной сфере, на наш взгляд, могло бы стать продвижение соответствующих инициатив на платформе ЕАЭС как международной организации, взаимодействие государств в рамках которой направлено как раз на интеграцию рыночных систем, хотя и в существенно меньшей степени, чем в Европейском союзе.

В настоящее время Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29 мая 2014 г., далее – Договор о ЕАЭС) не содержит положений о сотрудничестве государств-членов

(в число которых входит и Россия) в области ВИЭ. Наименование раздела XX и содержание п. 1 ст. 79 Договора о ЕАЭС, вместе с тем, свидетельствуют о том, что взаимодействие государств в рамках данной международной организации будет осуществляться в сфере энергетики в целом, а не только с целью формирования рынков электроэнергии, газа, нефти и нефтепродуктов.

Действительно, нельзя не согласиться с тем, что вопросы энергоэффективности и ВИЭ получили недостаточное развитие в положениях Договора о ЕАЭС [Гликман, Назарова 2020:33]. Только в ст. 52 упоминается, что технические регламенты и стандарты ЕАЭС принимаются «в целях обеспечения энергетической эффективности и ресурсосбережения» (но в ст. 79 в числе основных принципов взаимодействия в сфере энергетики энергоэффективность не указана). Упоминаний о приоритетах в области возобновляемой энергетики Договор о ЕАЭС не содержит в принципе. Тем не менее и Договоры о ЕС не содержат развернутых положений о приоритетных направлениях использования). В то же время это не мешает институтам ЕС предлагать государствам-членам механизмы сотрудничества, которые, по его мнению, могли бы быть оптимальными для достижения целей увеличения энергопотребления с использованием ВИЭ. Таким образом, можно предположить, что формулировки Договора о ЕАЭС в части энергетического взаимодействия носят общий характер и по сути «предполагают наполнение самыми различными инициативами», не ограничиваясь формированием общих энергорынков [Шугуров 2022:100].

Необходимо отметить, что в ряде документов, принятых органами ЕАЭС, в числе приоритетных направлений сотрудничества все же названо взаимодействие государств-членов в области энергосбережения, энергоэффективности, и даже – *in concreto* – использования ВИЭ⁵⁰. При этом формулировки документов ЕАЭС в указан-

⁵⁰ Например, в Решении Высшего Евразийского экономического совета № 9 «Об основных ориентирах макроэкономической политики государств – членов Евразийского экономического союза на 2021-2022 годы» (дата принятия документа: 21.05.2021) среди приоритетных направлений развития «научно-технологического и производственного потенциала Союза» обозначены, в том числе, «выработка подходов к взаимодействию государств-членов в области ... использования возобновляемых источников энергии...». «Основные направления и этапы реализации скоординированной (согласованной) транспортной политики государств – членов Евразийского экономического союза» (утв. Решением Высшего Евразийского экономического совета от 26 декабря 2016 г. № 19) указывают на необходимость внедрения «альтернативных видов топлива и возобновляемых источников энергии с целью снижения выбросов парниковых газов и увеличения доли применения экономичных и экологических

ной области можно охарактеризовать как носящие в основном декларативный характер, но не как обязательства государств – членов ЕАЭС. Данный вывод подтверждается и отсутствием конкретных инициатив в рамках ЕАЭС (в том числе с участием России) в сфере ВИЭ. Тем не менее само включение проблем ВИЭ в повестку развития экономической интеграции государств-членов⁵¹ свидетельствует о потенциале ЕАЭС как международной площадки для координирования государствами-членами, включая Россию, своей энергетической политики в области ВИЭ. Перспективы работы в направлении разработки общих правовых механизмов сотрудничества с участием России на платформе именно ЕАЭС, а не других международных организаций, можно увидеть и в относительно узком кругу государств – членов ЕАЭС.

Вышеизложенное, а также ориентированность ЕАЭС главным образом на экономическое сотрудничество предоставляют этой международной организации преимущество по сравнению, например, с СНГ, где вопросы экономического развития могут «перекрываться» проблемами политического характера, что способно помешать внедрению единых механизмов сотрудничества, приемлемых для всех государств-членов.

В качестве примера таких препятствий в рамках СНГ можно привести, в частности, следующее. Основным документом, оформляющим принципы сотрудничества государств – членов СНГ в сфере ВИЭ, является Концепция сотрудничества государств – участников СНГ в области использования возобновляемых источников энергии, которая утверждена Решением Совета глав правительств СНГ от 20 ноября 2013 г. (далее – Концепция 2013 г.)⁵². Содержание Концеп-

ции в целом типично для актов «мягкого права» в данной области: государства-члены признают необходимость внедрения в экономический оборот ВИЭ с целью снижения нагрузки на окружающую среду и устойчивого развития энергетических систем государств-членов. Тем не менее необычно для подобных документов звучит следующее положение Концепции:

«Положения Концепции являются основой для разработки и заключения между государствами, подписавшими настоящую Концепцию, международных договоров и иных международных и национальных нормативных правовых актов государств-участников СНГ, а также межгосударственных программ в сфере использования ВИЭ».

То есть акт «мягкого права» согласованным волеизъявлением государств – членов СНГ рассматривается как «основа» для будущих «международных договоров».

Вместе с тем отсутствует единообразное мнение других государств – участников СНГ относительно необходимости реализации обозначенного договорного уровня сотрудничества: из десяти подписантов Концепции⁵³ три государства (Азербайджан, Украина и Молдова) заявили о неприменении в их отношении положений относительно сотрудничества в области заключения международных договоров. «План первоочередных мероприятий» (который является приложением к Концепции), также не содержит упоминаний о предстоящих обсуждениях проектов международных договоров по данной тематике. Единственное упомянутое в Плане направление сотрудничества, которое могло бы привести к заключению соответствующих соглашений, – это проработка вопроса о введении на территориях государств – участников СНГ «сертификата о подтверждении происхождения

транспортных средств». См. также: Перечень приоритетных направлений сотрудничества государств – членов Евразийского экономического союза в целях ускорения технологической модернизации и повышения инновационной активности организаций государств-членов с учетом прикладных и фундаментальных исследований, проводимых государствами-членами, прилагаемый к Рекомендации Коллегии Евразийской экономической комиссии от 28 февраля 2017 г. № 5; Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза (Принята в г. Санкт-Петербурге 6 декабря 2018 г.).

⁵¹ План мероприятий по реализации Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 г. Утв. распоряжением Совета Евразийской экономической комиссии от 5 апреля 2021 г. Доступ: http://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01429229/err_17052021_4 (дата обращения: 25.06.2022).

⁵² Концепция сотрудничества государств – участников СНГ в области использования возобновляемых источников энергии, утв. Решением Совета глав правительств СНГ от 20 ноября 2013 г. Доступ: <http://energo-cis.ru/wyswyg/file/Documents%20EES%20SNG/Razdel%201/1.27.%20Концепция%20сотрудничества%20в%20области%20использования%20ВИЭ.pdf>. (дата обращения 25.06.2022).

⁵³ Азербайджан, Армения, Беларусь, Казахстан, Киргизия, Молдова, Россия, Таджикистан, Узбекистан, Украина.

энергии, вырабатываемой из ВИЭ» и приданию им международного статуса (пункты 3.4 и 3.5 Плана мероприятий). Вместе с тем данный Проект впоследствии не рассматривался государствами – членами СНГ.

Возвращаясь к перспективам разработки механизмов сотрудничества государств-членов под эгидой ЕАЭС, заметим, что среди направлений такого сотрудничества в сфере ВИЭ, как правило, предлагается производственно-технологическое и научное сотрудничество государств-членов, в частности с использованием «совместных объектов инновационно-индустриальной инфраструктуры» (таких как Евразийские технологические платформы «Технологии экологического развития» и «Энергетика и электрофикация», а также Евразийский инжиниринговый клуб, Евразийская сеть промышленной субконтракта, промышленной кооперации и трансфера технологий) [Шугуров 2022:105].

В то же время дальнейшее развитие такого сотрудничества неразрывно связано с его надлежащим институциональным оформлением, выработкой согласованных подходов и стратегий развития ВИЭ, гармонизацией положений национальных политико-программных документов и, в перспективе, законодательных мер регулирования соответствующих проектов. На наш взгляд, в этом плане может быть полезен концептуальный подход ЕС к установлению плановых показателей по достижению доли ВИЭ в энергобалансе Союза и предложению направлений сотрудничества государств-членов в рамках совместных проектов (и установлению общих принципов функционирования таких проектов).

4.2. Арктический совет как потенциальная платформа для разработки механизмов международного сотрудничества в области ВИЭ в Арктике

Арктический совет (далее – АС), учрежденный в 1996 г. как межгосударственный регио-

нальный «форум высокого уровня»⁵⁴ восемью государствами, территория которых пересекается параллелью 66 градусов 33 минуты северной широты (Северным полярным кругом), обеспечивает наиболее авторитетный международно-правовой механизм сотрудничества арктических государств, уточнения и согласования их официальных позиций по арктической проблематике, выявления новых возможностей регионального взаимодействия, прежде всего, в целях охраны окружающей среды. Уникальность такому взаимодействию придает представительство в АС коренных народов Севера, что способствует гармонизированному продвижению политико-правовых механизмов устойчивого Арктического региона [Арктический регион...2013:175–178]. Показательно, что министры иностранных дел всех восьми арктических государств согласованно констатировали в Кирунской декларации (2013 г.) «лидерство Арктического совета в осуществлении конкретных действий по реагированию на новые вызовы и возможности»⁵⁵.

В соответствии с Оттавской декларацией 1996 г. (Примечание 1) Арктический совет не вправе заниматься вопросами военной безопасности в Арктике.

Учитывая упомянутые ценности АС, примечательно, что в числе приоритетов председательства на 2021–2023 гг. Россией заявлена работа по «широкому внедрению передовых инновационных технологий в промышленности, транспорте и энергетике, включая развитие возобновляемых источников энергии»⁵⁶. Принимая во внимание участие в АС в качестве наблюдателей 13 неарктических государств, включая ряд государств – членов ЕС, указанное заявление демонстрирует готовность России к обсуждению вопросов практического использования ВИЭ в Арктике, где этот инновационный экологический трек особенно востребован.

Вместе с тем, с учетом политической ситуации, сложившейся в связи с проведением Росси-

⁵⁴ Английский текст Декларации 1996 г. опубликован в: Arctic Council: 1996 Ottawa Declaration. URL: <https://oaarchive.arctic-council.org/handle/11374/85> (accessed 25.06.2022). Об АС, правовых документах, определяющих его статус см.: [Вылегжанин и др. 2021а].

⁵⁵ Тексты деклараций АС на англ. языке систематизированы в изданной за рубежом книге: [Berkman, Vylegzhanin, Young 2019:152–206].

⁵⁶ Outline of the statement by Sergey Lavrov at the presentation of the programme of the Russian Chairmanship in the Arctic Council in 2021-2023. May 20, 2021. URL: https://oaarchive.arctic-council.org/bitstream/handle/11374/2661/MMIS12_2021_REYKJAVIK_Statement-Russian-Chairmanship-Programme_Minister-Lavrov.pdf?sequence=1&isAllowed=y (accessed 25.06.2022).

ей специальной военной операции на территории Украины, будущее Арктического Совета и международного сотрудничества под его эгидой с участием России остается неопределенным в долгосрочной перспективе⁵⁷. Так, семь государств – членов АС (Канада, Дания, Финляндия, Исландия, Швеция и США) 03 марта 2022 г. приняли «Совместное заявление о сотрудничестве в рамках Арктического Совета после вторжения России в Украину» (Joint Statement on Arctic Council Cooperation Following Russia's Invasion of Ukraine)⁵⁸, согласно которому было приостановлено любое сотрудничество и проекты с участием РФ в АС.

Данная позиция государств-членов, исключая участие РФ в решении арктических проблем, не может быть признана конструктивной. Решение многих проблем Арктического региона, в том числе в области защиты хрупкой арктической среды, не представляется возможным без участия России, поскольку площадь районов Арктики, находящихся под суверенитетом и юрисдикцией РФ, приближается к половине всей площади Арктики, а влияние России на становление статуса Арктики подтверждается еще договорами XIX века [Вылегжанин и др. 2021b].

По словам М. Байерса, необходимость диалога между всеми арктическими государствами обусловлена «историческим хрупким балансом между льдами и водой в регионе» (the region's historic, fragile balance between ice and water), делающим его «уникально уязвимым к изменению климата и крайне важным для глобального климата» (uniquely vulnerable to climate change, and utterly essential to the global climate). Даже если первоначально такой диалог будет «ползучим» (creeping), он должен развиваться по мере понимания преимуществ взаимодействия по вопросам общего значения государствами, «где преобладают интересы безопасности» [Byers 2013:215].

В этом смысле международное сотрудничество в арктическом регионе, установленное Арктическим советом, «свидетельствующее об особой ответственности арктических государств» (bearing evidence of the special responsibility of the Arctic states) [Jacobsson 2013:360], является од-

ним из важнейших инструментов для развития региона.

5. Заключение

Возрастающее влияние возобновляемой энергетики в мировом энергобалансе неизбежно ставит вопрос о приемлемом международно-правовом режиме ВИЭ с учетом различных экономических интересов и потребностей не только ведущих энергетических держав – экспортеров энергоносителей, но и всех заинтересованных государств. Данная проблематика имеет сегодня ярко выраженный политический оттенок. Соответственно, межгосударственные усилия, связанные с обсуждением ее правового содержания пока в основном остаются на уровне «мягкого права», которое направлено на поощрение международного сотрудничества в сфере научных исследований, технологических разработок и совершенствования национального законодательства, поощряющего использование ВИЭ.

В этом плане актуален анализ механизмов международного сотрудничества, разработанных для государств – членов ЕС, международной организации с высоким уровнем политической и экономической интеграции.

Подводя итоги проведенного исследования, можно сформулировать ряд следующих выводов.

Во-первых, уровень и детальность проработки нормативно-правовых актов ЕС (директив и регламентов), а также использованные в них концепции совместной деятельности государств в области ВИЭ, направленной на достижение конкретных целевых показателей в сфере энергопотребления из «чистых» источников, позволяют отнести механизмы сотрудничества государств-членов, закрепленные в таких актах, к примерам лучших практик международного сотрудничества в области ВИЭ (статистические передачи возобновляемой энергии, совместные проекты и совместные схемы поддержки).

Тем не менее, несмотря на многочисленные преимущества использования таких механизмов сотрудничества и их потенциал в области устой-

⁵⁷ Вяхирева Н. Диалог с Россией в Арктике на паузе. — *Международный дискуссионный клуб Валдай*. 20.04.2022. Доступ: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/dialog-s-rossiyey-v-arktike-na-pauze/> (дата обращения 25.06.2022).

⁵⁸ Joint Statement on Arctic Council Cooperation Following Russia's Invasion of Ukraine. March 3, 2022. URL: <https://www.state.gov/joint-statement-on-arctic-council-cooperation-following-russias-invasion-of-ukraine/> (accessed 25.06.2022).

чивого развития и решения глобальной проблемы изменения климата, они все еще недостаточно используются государствами – членами ЕС. Эта ситуация вызвана не только несовершенствами юридической техники (что порождает неопределенность в отношении продления сроков их применения после 2030 г., отсутствие практики применения санкций за несоблюдение обязательных целей, предусмотренных директивами, неочевидность пользы для электроснабжения применяющих механизмы сотрудничества государств, наличие определенных ограничений суверенитета государств-членов), но и существующей геополитической и экономической реальностью, в которой ВИЭ в силу своих особенностей, главная из которых – нестабильность производства электроэнергии, оказались недостаточно способными оперативно обеспечить энергетическую независимость в условиях односторонних ограничительных мер, принимаемых ЕС в отношении российского энергетического сектора.

Одним из последствий таких ограничительных мер стало принятие рядом государств – членов ЕС решения о возобновлении деятельности угольных шахт и электростанций, несмотря на то, что уголь считается наименее «устойчивым» топливом. Частичный переход на угольную электроэнергию в случае продолжения действия ограничительных мер в течение длительного времени может негативно отразиться как на достижении ЦУР ООН, так и повлиять на исполнение обязательств государств – членов ЕС по достижению обязательных показателей, установленных директивой RED II (с возможной постановкой вопроса об ответственности за ее нарушение).

Во-вторых, с учетом преимуществ механизмов сотрудничества государств ЕС, некоторые из них концептуально могут быть использованы

при разработке организационных форм сотрудничества между государствами – членами международных организаций и форумов, участником которых является и Россия. Наиболее перспективным в данном направлении могла бы быть разработка и надлежащая институционализация соответствующих механизмов научно-технологического сотрудничества в области ВИЭ среди государств-членов в рамках ЕАЭС. В настоящее время в рамках ЕАЭС приняты в основном документы декларативного характера, в которых упоминается сотрудничество в сфере ВИЭ, что указывает на взаимный интерес государств-членов к взаимодействию в данной сфере. При этом Договор о ЕАЭС, хотя и говорит в силу достаточно общего характера, не содержит препятствий к формированию общих энергетических рынков, иных, чем рынки электроэнергии, газа, нефти и нефтепродуктов, прямо упомянутые в ст. 79 Договора о ЕАЭС.

В-третьих, актуальна проблема взаимодействия между государствами – членами Арктического совета в отношении экологических проблем Арктического региона. Несмотря на то, что в настоящее время государствами – членами АС объявлено о приостановке многих проектов с участием России в Арктике, признается, что в долгосрочной перспективе межгосударственный диалог с участием РФ по соответствующим проблемам не может быть полностью остановлен, поскольку этого требует обеспечение экологической безопасности Арктического региона. В связи с этим автор полагает, что обсуждение приоритетов сотрудничества, заявленных Россией в программе ее председательствования в АС в области возобновляемых источников энергии, будет продолжено в целях совместного поиска взаимоприемлемых форм его реализации (в том числе с учетом практики Европейского союза).

Список литературы

1. Арктический регион. Проблемы международного сотрудничества. В трех томах. Том 3. Применимые правовые источники. Гл. ред. И.С. Иванов. 2013. М.: Аспект Пресс. 2013. 660 с.
2. Бутузов В.А. 2019. История и проблемы развития геотермальной энергетики в России. – *Окружающая среда и энергетика*. №4. С.4–19. DOI: 10.5281/zenodo.3662719
3. Вылегжанин А.Н. [и др.]. 2021а. *Арктический совет: статус и деятельность*. М.: РСМД. 96 с.
4. Вылегжанин А.Н. [и др.]. 2021b. *Сотрудничество и*

состязательность государств в Арктике: потенциал международного права и научной дипломатии. Аналитический доклад. М.: МГИМО. 59 с.

5. Вылегжанин А.Н. 2005. Недропользование: некоторые теоретические вопросы международного права. – *Московский журнал международного права*. № 3-1. С. 7-33. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2005-5-7-33>
6. Вылегжанин А.Н., Салыгин В.И., Крымская К.В. 2020. Трансграничное недропользование: международно-правовые механизмы неконфликтной политики государств. – *Международные процессы*. Т.18. №3. С.23–41. DOI 10.17994/IT.2020.18.3.62.2

7. Гликман О.В., Назарова А.У. 2020. Международно-правовые основы энергетического сотрудничества государств-членов Евразийского экономического союза. – *Право и управление. XXI век.* №1. С. 28–35. DOI: <https://doi.org/10.24833/2073-8420-2020-1-54-28-35>.
8. Слива И. В. 2014. *История гидроэнергетики России.* Тверь: Тверская Типография. 302 с.
9. Шугуров М.В. 2022. Перспективы формирования системы правовых и стратегических основ научно-технологического сотрудничества государств ЕАЭС в сфере возобновляемой энергетики. – *Московский журнал международного права.* № 1. С. 78–112. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2022-1-78-112>
10. Alves Dias P. [et al.]. 2018. *EU coal regions: opportunities and challenges ahead.* 189 p. URL: <https://publications.jrc.ec.europa.eu/repository/bitstream/JRC112593/kjna29292enn.pdf> (accessed 25.06.2022)
11. Berkman P.A., Vylegzhanin A. Young O. R. 2019. *Baseline of Russian Arctic Laws.* Cham: Springer. 734 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-030-06262-0>
12. Byers M. 2013. *International Law and the Arctic.* Cambridge: Cambridge University Press. 337 p. DOI:10.1017/CBO9781107337442.
13. Jacobsson M. 2013. Cooperation in the Arctic Region: Legal Aspects. – *Environmental Security in the Arctic Ocean.* Ed. by P.A. Berkman and A.N. Vylegzhanin. Dordrecht: Springer. P. 359–368. DOI: 10.1007/978-94-007-4713-5_31
14. Klessman C. [et al.]. 2014. *Cooperation between EU Member States under the RES Directive.* 79 p. URL: https://www.eesc.europa.eu/sites/default/files/resources/docs/2014_design_features_of_support_schemes_task1--2.pdf (accessed 25.06.2022)
15. Monti A., Martinez Romera B. 2020. Fifty shades of binding: Appraising the enforcement toolkit for the EU's 2030 renewable energy targets. – *Review of European, Comparative & International Environmental Law.* Vol. 29. Issue 2. P. 221–231. DOI: <https://doi.org/10.1111/reel.12330>
16. Stuart B. 2013. International Law and Renewable Energy: Facilitating Sustainable Energy for All?. – *Melbourne Journal of International Law.* Vol. 14. Issue 1. P. 1–36. URL: https://law.unimelb.edu.au/__data/assets/pdf_file/0011/1687439/02Bruce1.pdf (accessed 25.06.2022)
17. Wyns T., Khatchadourian A. 2016. Situational analysis of EU renewable energy legislation. – *Climate Policy.* Vol. 16. Issue 5. P. 568–585. DOI: 10.1080/14693062.2015.1135412.
18. Young O.R. 2021. *Grand Challenges of Planetary Governance. Global Order in Turbulent Times.* Cheltenham: EE Publishing. 192 p.
19. Applicable legal sources. Ed. by I.S. Ivanov]. Moscow. Aspekt Press Publ. 2013. 660 p. (In Russ.)
3. Berkman P.A., Vylegzhanin A. Young O. R. *Baseline of Russian Arctic Laws.* Cham: Springer. 2019. 734 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-030-06262-0>
4. Butuzov V.A. *Istoriya i problemy razvitiya geotermal'noi energetiki v Rossii* [History and development problems of geothermal power industry in Russia]. – *Okruzhayushchaya sreda i energovedenie.* 2019. No.4. P. 4–19. (In Russ.). DOI: 10.5281/zenodo.3662719
5. Byers M. *International Law and the Arctic.* Cambridge: Cambridge University Press. 2013. 337 p. DOI:10.1017/CBO9781107337442.
6. Glikman O.V., Nazarova A.U. *Mezhdunarodno-pravovye osnovy energeticheskogo sotrudnichestva gosudarstv-chlenov Evraziiskogo ekonomicheskogo soyuza* [International legal framework for energy cooperation between the member states of the Eurasian Economic Union]. – *Pravo i upravlenie. XXI vek.* 2020. No.1. P. 28–35. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24833/2073-8420-2020-1-54-28-35>.
7. Jacobsson M. *Cooperation in the Arctic Region: Legal Aspects.* – *Environmental Security in the Arctic Ocean.* Ed. by P.A. Berkman and A.N. Vylegzhanin. Dordrecht: Springer. 2013. P. 359–368. DOI: 10.1007/978-94-007-4713-5_31
8. Klessman C. [et al.]. *Cooperation between EU Member States under the RES Directive.* 2014. 79 p. URL: https://www.eesc.europa.eu/sites/default/files/resources/docs/2014_design_features_of_support_schemes_task1--2.pdf (accessed 25.06.2022)
9. Monti A., Martinez Romera B. Fifty shades of binding: Appraising the enforcement toolkit for the EU's 2030 renewable energy targets. – *Review of European, Comparative & International Environmental Law.* 2020. Vol. 29. Issue 2. P. 221–231. DOI: <https://doi.org/10.1111/reel.12330>
10. Shugurov M.V. *Perspektivy formirovaniya sistemy pravovykh i strategicheskikh osnov nauchno-tekhnologicheskogo sotrudnichestva gosudarstv EAES v sfere vozobnovlyaemoi energetiki* [Prospects for the Formation of a System of Legal and Strategic Foundations of Scientific and Technological Cooperation between the EAEU Member States in the Field of Renewable Energy]. – *Moscow Journal of International Law.* 2022. No. 1. P. 78–112. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2022-1-78-112>
11. Sliva I. V. *Istoriya gidroenergetiki Rossii* [History of Russian hydropower]. Tver': Tverskaya Tipografiya Publ. 2014. 302 p. (In Russ.)
12. Stuart B. International Law and Renewable Energy: Facilitating Sustainable Energy for All?. – *Melbourne Journal of International Law.* 2013. Vol. 14. Issue 1. P. 1–36. URL: https://law.unimelb.edu.au/__data/assets/pdf_file/0011/1687439/02Bruce1.pdf (accessed 25.06.2022)
13. Vylegzhanin A.N. [et al.]. *Arkticheskii sovetskiy status i deyatel'nost'* [The Arctic Council: status and activities]. Moscow: RSMD Publ. 2021a. 96 p. (In Russ.)
14. Vylegzhanin A.N. [et al.]. *Sotrudnichestvo i sostyazatel'nost' gosudarstv v Arktike: potentsial mezhdunarodnogo prava i nauchnoi diplomatii. Analiticheskii doklad* [Cooperation and competitiveness of states in the Arctic: the potential of international law and scientific diplomacy. Analytical report]. Moscow: MGIMO Publ. 2021b. 59 p. (In Russ.)

References

1. Alves Dias P. [et al.]. *EU coal regions: opportunities and challenges ahead.* 2018. 189 p. URL: <https://publications.jrc.ec.europa.eu/repository/bitstream/JRC112593/kjna29292enn.pdf> (accessed 25.06.2022)
2. *Arkticheskii region. Problemy mezhdunarodnogo sotrudnichestva. V trekh tomakh. Tom 3. Primenimye pravovye istochniki.* Gl. red. I.S. Ivanov [Arctic region. Problems of international cooperation. In three volumes. Volume 3.

15. Vylegzhanin A.N. Nedropol'zovanie: nekotorye teoreticheskie voprosy mezhdunarodnogo prava [Subsoil use: some theoretical issues of international law]. – *Moscow Journal of International Law*. 2005. No. 3-1. P. 7-33. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2005-5-7-33>
16. Vylegzhanin A.N., Salygin V.I., Krymskaya K.V. Transgranichnoe nedropol'zovanie: mezhdunarodno-pravovye mekhanizmy nekonfliktnoi politiki gosudarstv [Transboundary hydrocarbon resources: political and legal mechanisms for preventing international conflicts]. – *Mezhdunarodnye protsessy*. 2020. Vol.18. No. 3. P.23-41. (In Russ.). DOI 10.17994/IT.2020.18.3.62.2
17. Wyns T., Khatchadourian A. Situational analysis of EU renewable energy legislation. – *Climate Policy*. 2016. Vol. 16. Issue 5. P. 568–585. DOI: 10.1080/14693062.2015.1135412.
18. Young O.R. *Grand Challenges of Planetary Governance. Global Order in Turbulent Times*. Cheltenham: EE Publishing. 2021. 192 p.

Информация об авторе**Мария Андреевна Милюкова,**

адвокат, Московская коллегия адвокатов «Тимофеев, Фаренвальд и партнеры»

119270, Российская Федерация, Москва, Лужнецкая наб., д. 6

m.milyukova@tbplaw.com
ORCID: 0000-0003-0245-2900

About the Author**Maria A. Milyukova,**

Attorney-at-Law, Moscow Law Firm “Timofeev, Vahrenwald and Partners”

6, Luzhnetskaya nab., Moscow, Russian Federation, 119270

m.milyukova@tbplaw.com
ORCID: 0000-0003-0245-2900

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2022-3-89-99>

Research article
Received 7 February 2022
Approved 23 June 2022

Natan M. LIVIEV

Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia
76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454
liviev.lawoffice@gmail.com
ORCID: 000-0002-4230-9634

Olga N. ZIMENKOVA

Russian Foreign Trade Academy of the Ministry for the Economic Development of the Russian Federation
6a, Vorobyovskoye shosse, Moscow, Russian Federation, 119285
ozimenkova@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-4931-4102

FAMILIAL AND MARITAL LAW OF THE STATE OF ISRAEL: PREMISES OF THE ESTABLISHMENT AND DEVELOPMENT

INTRODUCTION. *Israel is a diverse and controversial state. Its laws, especially those of the area of family and marital law, are distinctly unique. The reason being that throughout its centuries-long history Eretz Israel (the Land of Israel) – the historical name of the country, the structure of norms of this branch of law has gone through a set of changes under different political regimens.*

The government ruling over this holy land at a certain time period was to some extent influencing current social order and the lives of Jewish people, including such aspect as the performance of religious rituals. Considering the specificity of traditionalistic norms of Judean legal system attempts of influence on it from the outside have always been a big challenge. Those norms had to be strictly followed as it was of utmost importance for the conservation of the Jewish communities, Jewish culture and its authenticity, which for centuries has been challenged by many in attempts to modify, discriminate and even irradicate it.

Hence, in this article the authors examined the most notable periods of the existence of Jewish communi-

ties in Eretz Israel. Inter alia there is an analysis of rules and measures introduced by the ruling system under the Ottoman Empire (from year 1517 to year 1917), of decrees present under the Mandate of Palestine (1922-1948), of the Israeli Declaration of Independence in 1948 and of current legislation.

MATERIALS AND METHODS. *The article is based on the current Israeli legislation which concerns familial and marital relations, as well as on traditional religious code of rules and obligations “Halakha” which is still in action in Israel’s society. In the article Ottoman and British-Palestinian legislation is mentioned which was in force during the corresponding historical periods of time. It is also stated that the majority of the legislative acts in the area of familial and marital relations follow the principles of the International law, the rulings of the Supreme court of Israel are made according to the norms of International law and, among other things, in consideration with the Convention on the Elimination of all Forms of Discrimination Against Women of 1979. For the achievement of result general and specific sci-*

entific methods of research were applied, in particular historical-legal and comparative-legal methods of study.

RESEARCH RESULTS. *Research result consists in presentation of current Israeli familial and marital legislation and other religious traditional rules review. It is well-proven that despite the strictness of the Judean traditions, according to the clauses of the Israeli Declaration of Independence 1948, Israel being a Jewish state is also a modern and democratic one. Democratic principles of equality and humanism prevail in cases where in the proceedings regarding marital and family affairs where the rights of one of the parties are violated, every citizen of the state of Israel can appeal to the Supreme Court and the Supreme Court of Justice seeking a justified sentence and protection of one's interests.*

Therefore, the result of the integration of the legal principles typical for democratic countries and the traditional norms of Judaism current legal system of the state of Israel was created. The mechanism of this system comes from the respect for the traditions whilst the main principles of democracy are also followed, namely those of justice, equality and humanism. This is what makes the legal system of Israel unique in every aspect, including the norms of familial and marital relations which integrate both traditional implementations and modern aspects.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *In the frames of the present research study the authors found that familial and marital law of Israel is based on norms of the Religious law, on a special code of rules and obligations called – “Halakha”. From the standpoint of the development of law and practice, a certain role was played by the procedural rules introduced in the territory of Eretz Israel during the period of Ottoman Empire. English law had a certain influence on the development of Israeli law in general during British Mandate of Palestine. Modern Israeli legislation in the field of marriage and family relations is based on and takes into account international agreements to which Israel is a party.*

KEYWORDS: *Judaism, Halakha, traditionalism, Rabbinical Court, Ottoman Empire, kadi, the Mandate of Palestine, kibbutz*

FOR CITATION: *Liviev N.M., Zimenkova O.N. Familial and Marital Law of the State of Israel: Premises of the Establishment and Development. – Moscow Journal of International Law. 2022. No. 3. С. 89–99. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2022-3-89-99>*

The authors declare the absence of conflict of interest.

МЕЖДУНАРОДНОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРАВО

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2022-3-89-99>

Натан Манахимович ЛИВИЕВ

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России
Проспект Вернадского, д. 76, Москва, 119454, Российская Федерация
liviev.lawoffice@gmail.com
ORCID: 000-0002-4230-9634

Ольга Николаевна ЗИМЕНКОВА

Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития
Российской Федерации
Воробьевское шоссе, д. 6а, Москва, 119285, Российская Федерация
ozimenkova@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-4931-4102

Исследовательская статья
Поступила в редакцию: 07.02.2022
Принята к публикации: 23.06.2022

БРАЧНО-СЕМЕЙНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ИЗРАИЛЯ: ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ

ВВЕДЕНИЕ. Израиль является государством своеобразным и противоречивым. Законодательство страны, особенно в области брачно-семейных отношений, несомненно, уникально. Причины тому кроются в многовековой истории самой земли Эрец Израэль (земля Израиля) – таково историческое название страны. Брачно-семейное законодательство Израиля изменялось на протяжении веков под воздействием разных политических режимов, осуществлявших правление в стране.

В определенный период времени основными нормами, определявшими всю общественную жизнь еврейского населения, были нормы религиозного права, включая и те, которые обязывали к неукоснительному соблюдению соответствующих норм поведения. Учитывая своеобразие традиционалистских норм иудейской правовой системы, влияние на них извне всегда оставалось затруднительным. Нормы иудейского права должны были неукоснительно соблюдаться всеми еврейскими общинами с целью сохранения еврейской культуры и идентичность народа. В течение столетий именно на изменение этих правил и норм были направлены многочисленные попытки со стороны, чтобы изменить, дискриминировать и даже уничтожить идентичность народа.

В статье авторы рассматривают наиболее значимые периоды жизни еврейских общин в Земле Израиля. В том числе проводится анализ норм и правил, введенных при Османской империи (с 1517 по 1917 гг.), рассмотрены декреты, принятые в период действия мандата Великобритании на управление Палестиной (1922-1948 гг.), Декларация независимости Израиля, принятая в 1948 г. и действующее законодательство.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Статья основана на действующем законодательстве Израиля в области регулирования брачных и семейных отношений, а также на религиозном сборнике правил и обязательств «Галахе», который продолжает действовать в израильском обществе. В

статье затронута законодательство Османской империи и британско-палестинское законодательство, действовавшее в соответствующие периоды истории. Установлено, что большинство современных законодательных актов в области брачно-семейного права следуют принципам международного права, постановления Верховного Суда Израиля принимаются с учетом норм международного права, включая Конвенцию об искоренении всех форм дискриминации женщин 1948 г. Для достижения результата применялись общенаучный и специальные методы исследования, в том числе историко-правовой и сравнительно-правовой методы.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Результатом исследования является обзор действующего израильского брачно-семейного законодательства и иных традиционных религиозных правил и норм. Доказано, что, несмотря на строгость иудейских традиций, в соответствии с положениями Декларации о независимости Израиля 1948 г., Израиль является правовым и демократическим государством. Таким образом, в результате интеграции правовых принципов, свойственных демократическому государству, и традиционных норм иудейского права была создана современная правовая система Израиля. Механизмом существования этой системы служит уважение традиций и следование основным принципам демократии, в том числе принципам справедливости, равноправия и гуманизма. Это делает правовую систему Израиля уникальной во всех своих аспектах, включая нормы брачно-семейного права, которое соединяет в себе одновременно традиционализм и современное регулирование.

ОБСУЖДЕНИЯ И ВЫВОДЫ. В рамках настоящего исследования авторы установили, что брачно-семейное законодательство Израиля основано на нормах религиозного права, в его основе лежит свод традиционных правил и норм, носящий название «Галаха». С позиций развития

права и практики определенную роль сыграли процессуальные нормы, введенные на территории Эрец Исраэль («Земли Израиля») в период Османской империи. Определенное влияние на развитие права Израиля в целом оказало английское право в период Мандата Великобритании. Современное законодательство Израиля в сфере брачно-семейных отношений основано и учитывает международные соглашения, участниками которых является Израиль.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Иудаизм, Галаха, традиционализм, раввинатский суд, Османская

империя, кади, Мандат Великобритании на управление Палестиной, киббуци

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ливиев Н., Зименкова О.Н. 2022. Брачно-семейное законодательство Израиля: предпосылки возникновения и развития. – *Московский журнал международного права*. № 3. С. 89–99. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2022-3-89-99>

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

1. Introduction

Laws of each country are distinct in their own ways. It can be explained by various factors, one of the most important ones being the traditions that played a role of obligatory rules of conduct in different aspects of life. Norms present in family and marital relationships have a strongly pronounced authenticity due to the fact that the development of those relationships is strongly affected by the cultural traditions that have been and are present in a given country. One of the most indicative implications of traditional views on family and matrimony in our opinion is the family law of Israel, the basis of which are norms of the Religious law.

On certain stages of the establishment of the future state of Israel it has encountered multiple instances of political influence by the regimens of the ruling governments whose heads have been wielding their power over these territories. State regimens ruling the area in the time prior to the establishment of the independent state of Israel have been introducing certain sets of changes inherent to their laws while maintaining the traditions of the Jewish population of the Land of Israel (hereinafter “Eretz Israel”) for centuries. First and foremost, those were the traditions of the formation and dissolution of marriage that according to the Judean law were of utmost importance for the Jewish community.

The most notable changes in the system of realization of Family law of Eretz Israel were brought by in the period of Turkish government in the time of rise and fall of the Ottoman Empire that has lasted for 400 years, namely in the period of 1517-1917. It is also important to examine the Mandate of Palestine which although lasted shorter has still strongly

affected the system of judicial and executive powers of the future state of Israel.

2. Ottoman Empire rule

When looking at the period of the Ottoman Empire rule it is important to start with the fact that the territory of Eretz Israel has been conquered by the army of Ottoman Turks led by Selim I in the beginning of XVI century. Regarding that in his book Prof. K. M. Bazili wrote that for 400 years Eretz Israel has been a part of the enormous Ottoman Empire that covered a big part of the South-eastern Europe, the entirety of Anatolia and the Near East, Egypt and Northern Africa [Bazili 2007: 54]. Jewish population at first favored Turkish conquest as it was widely known that sultans were merciful towards Spanish exiles and Jewish subjects in general [Ikhsanoglu 2006:282-285].

Territories of Eretz Israel were not rich for their size and population count, nor did they have any natural resources, so they could not stand out among other Ottoman provinces. This land could not serve as a source of large income nor could it be a military bridgehead for the Ottoman Empire that was constantly at war with someone. However, a certain amount of *fermans* (decrees) [Lapidus 2002:260-261] applied to this land points at the fact that Ottoman rulers considered this province to be quite significant. Its biggest advantage was that it was the holder of numerous shrines that were honored by the members of all three Abrahamic religions: Judaism, Christianity and Islam [Goodwin 2016:37-38].

In the XVI century Jewish population of Eretz Israel was growing, at a much slower rate, however, than the Muslim population, increasing in numbers

mainly by the immigration of European Jews. As a result of this migration with the agricultural revival came the revival of traditional religious lifestyle. New *Yeshivas* [Lange 2012:50-52] (religious educational facilities) were built, and Rabbinical courts [Lange 2012: 64-76] were formed. It is also important to note that synagogues were granted inviolability by the Ottoman Empire and it was prohibited to turn them into mosques [Bazili 2007:56-60].

Interaction between Jewish communities and the Ottoman authorities was an interesting procedure. For it the community had to choose a representative – *sheikh al-yahud* (“chief of the Jews”) [Levy 1994:132-133]. Responsible for the selection of the *sheikh al-yahud* was a *kadi* – Muslim judge-official¹. The proceedings took place at the Islamic court. During the court hearing the petition of the Jewish community for the approval of the candidate was considered. His duties consisted of being a treasurer, he was responsible for the tax count and had to take part in weddings and funerals. However, his authority was limited: *sheikh al-yahud* had to attend to the *kadi* regarding the approval for a wedding, as well as in the case of a death of a Jew without a successor, consider the handover of his belongings to the treasury [Levy 1994:133-134].

An important aspect of this is that the interpretation, application, execution and protection of the norms of Judean law were exclusively a part of the jurisdiction of the judge of Rabbinate,

as well as the registration of marriages, funerals and deaths. Besides that, if needed *sheikh al-yahud* had to be community members’ representative in the Islamic court and was responsible for their moral conduct [Tsirkin 2003:50-57]. *Kadi* was responsible for the approval of the candidate, who have been elected by the elders of the community. However, although Turkish authorities did not interfere in the familial and marital legal procedures of the Jewish community, they demanded a special approval from *kadi*, that had to be paid for [Levy 1994:134].

Therefore, the life of the Jewish communities of Eretz Israel in the Ottoman Empire was not affected by discrimination from the Turkish authorities. Interfering with any religious rituals and processes was prohibited, hence playing an important role in preservation of Judean traditions.

It is important to note that the need of revitalization of Judean traditions in Eretz Israel, or by the historical name of this land “Philistia” [Van Seters 2014:14] was of utmost importance because for the statehood’s rehabilitation Jewish people needed their religious traditions to be conserved as for centuries, they held the leading role in the daily life of the people [Tsirkin 2003: 50-57].

Thus, during the existence of the Ottoman Empire, when the Jewish communities increased due to the influx of Jewish immigrants from European countries, where they were being persecuted, the tolerant attitude of the Turkish authorities allowed the Jewish communities to preserve religious traditions and even organize the study of religious sources in the city of Safed. This city became the most important center for the study of the Torah.

3. Legal basis of the marital and familial relationships’ regulation in the Jewish community

A fundamental role in the maintenance of religious traditions and the preservation of centuries-long history for every Jew plays a special code of rules and obligations called – “*Halakha*” [Mendell 1994:27-30].

This code of rules aimed to regulate all aspects of life including his everyday life, prayer, compliance with the obligations with the employer, trade and one of the most important aspects – judicial order [Quint, Hecht 1986:21-22]. The word “*Halakha*” comes from the word “*halakh*” a version of “*lalakhet*” meaning “to go”. Although this word should not be understood literally but rather figuratively, as it means “the path to follow”, meaning the law [Mendell 1994:27-30]. One of the key traditions that every Jewish person had to follow according to the norms of Judean law was the formation of marriage.

According to the Judean law the process of marriage consisted of two separate parts.

The first one being “*erusin*” meaning “*betrothal*” and the second – “*nissuin*” meaning the wedding itself [Roth 1986: 86-90]. Following these acts is crucial as it is enshrined in *Halakha*, as M. A. Kanievskiy writes “the mandatory nature of *Halakhan* laws comes from the fact that the laws themselves as well as their interpretation and application in specific sit-

¹ Miloslavskii G.V., Petrosyan Yu.A., Piotrovskii M.B. *Islam. Entsiklopedicheskii slovar'* [Islam. Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Publ. 1991. P. 152. (In Russ.).

uations... Related to Halakha and such characteristic of the ancient mentality towards the law is explained by its traditionalistic approach². We have previously mentioned the importance of traditionalism for Jewish people throughout their history and especially during the Ottoman rule.

Before the process of marriage traditionally a ritual of “engagement” – “kiddushin” is performed, which is an agreement between the man and the woman where they exchange obligations to marry each other and the process of marriage is considered [Elon 2003:112-113]. It is important to note that obligations to marry can be given by the parents of the parts, their relatives or other interested parties, the obligation itself is formalized in the document called “*shtar tenaim*”, or the document of conditions which is checked by both parts. After the agreement of the parties and completion of all the rituals, the date for the marriage is set [Roth 1986: 88-90]. It is also important to note that erusin changes the personal relations between the couple and nissuin puts legal marital obligations on them [Elon 2003:113-114].

According to Halakha the husband has the following obligations to the wife and children:

- He is entitled to secure wife’s livelihood;
  - Provide the wife with a home and clothes;
  - Live together with the wife;
  - Realize the material obligations stated in the marital contract (*ketubah*);
  - Take care of the wife in case of her being ill;
  - In case of the wife being taken captive – buy her back;
  - Ensure the payment for all the burial expenses in case of her death before the his own;
  - Ensure her livelihood in case of his own death and provide her with the permission to live in his house being a widow;
  - Ensure the livelihood of his daughters in case of his death before they get married;
  - Give his legacy to his sons;
- The husband is entitled to demand the completion of the following obligations from the wife:
- Employ her labor;

- Be entitled to use the money she has earned in accidental circumstances;
- Be entitled to use her belongings;
- A permission to inherit her legacy [Roth 1986:111-113];

In the case of marital relationship not being successful in a Jewish family, Judean laws ensure specific conditions of their termination.

The process of termination of the marriage as its formation is performed according to Halakha³. The document proving the divorce is called *get*⁴.

Get is a written statement of the husband to the wife, where he states that he has made a decision to get a divorce, it has to be written and certified by witnesses. *Get* has to have a certain structure according to the special standard, and as it was written by the outstanding Israel law researcher Pinchas Shipman, it usually contains of 12 lines, and it has to have all the necessary details, namely: the names of the husband and wife, place and date of the divorce [Shipman 1995:409-412].

It is important to note that the wife which did not receive a *get* becomes an “*agunah*” – “a wife without a husband”, she is still a married woman but the one that lives separately from her husband. An American Jewish traditions researcher Joel Roth regarding this problem states that “if a woman of this status has children within a new marriage, without legally receiving a *get* from her first husband, these children according to the norms of Judean law are in a “no-good” position. They are now “*mamzers*”. Because of this status the children in the society are deemed “shameful”. *Mamzers* are not allowed to marry a Jew or be members of a community. This instance of punishing the innocent for a misdemeanor of the other is the only one in Judean law” [Roth 1986: 225-226].

In his work Roth notes that in the case of *get* being granted under pressure or coercion, it is deemed invalid. Albeit under certain circumstances the court of Rabbinate using indirect measures could influence the husband using its authority [Roth 1986:227]. This influence cannot be deemed as direct coercion because it is performed indirectly, as for example,

² Kanevskii A.A. Mesto Galakhi (iudeiskogo prava) v natsional'nykh sistemakh pravogo regulirovaniya. Diss. ... kand. yurid. nauk. [The Place of Halacha (Jewish Law) in National Legal Systems. Thesis for the degree of Candidate of Juridical Sciences]. Moscow. 2015. P. 24. (In Russ.).

³ Kanevskii A.A. Op. cit. P. 3.

⁴ See: Meacham (leBeit Yoreh) T. Legal-Religious Status of the Married Woman. URL: <https://jwa.org/encyclopedia/article/legal-religious-status-of-married-woman> (accessed 06.01.2022).

announcing the presence of this man in the society undesirable, but direct application of violence to the husband was prohibited [Elon 2003:114-115].

An American author, the Judean religious texts researcher Tirzah Meacham (leBeit Yoreh) in one of her articles points out that the court could argue its decision on the basis of violation of ktuba, a marital contract. However, the wife could initiate the divorce herself by filing a lawsuit to the court of Rabbinat stating that the husband did not complete his obligations and violated the conditions of ktuba⁵. Although it is important to note that an obligatory condition for the initiation of a divorce process was the fact of the husband handing the get to the wife.

A very important detail is that the norms of Judean law, including those of the formation and termination of marriage were not altered or interfered with throughout the whole period of existence of the Ottoman Empire. Nonintervention into the religious communities by the Turkish government was formalized in the rules of the system called “*millet*” which established the independent status of the private court, according to it “a religious community (a group that follows the laws of Islamic Sharia, Christian Canon law or Jewish Halakha) has a right to be self-governed and follow its own rules” [Ágoston, Masters 2009:383].

Consequently, freedom of religion was allowed in Ottoman Empire, if the laws of the State were not violated, which positively influenced the preservation of some independence of Jewish communities in preserving their religious foundations.

4. The Mandate of Palestine

In the course of its rule the government of the Ottomans did not in any way affect the internal laws present in the Jewish communities of Eretz Israel. This policy was active up until the end of the Empire's existence. Nonetheless as the result of Turkish government's decision to partake in the military action on the fronts of World War I the Ottoman Empire has fallen and the ruling of Eretz Israel has been taken over by Great Britain. The policy for this land

was now dictated based on the directive established in the Balfour Declaration [Gutwein 2016:117-118]. The goal of this declaration was to provide support from the British government for the idea of establishing a national home for the Jewish people on the territories of Eretz Israel. This goal has been achieved during the Paris Peace Convention taking place in 1919-1920⁶.

On June 22nd the British mandate over Eretz Israel (Palestine) has been approved by the

Council of the League of Nations [Friedman 2010:179]. In the preamble of the mandate text the basis of the reconstruction of the national home for Jewish people in Eretz Israel was stated, as well as the historical connection of the Jewish people to this land⁷.

It is important to note that before accepting the final version of the Balfour Declaration and the conditions of its realization British authorities have expressed an intention to minimize the importance of creation of a national home for the Jewish people in Eretz Israel. This intention was directed towards the limitation of rights of Jewish people in the country and the increase of the rights of Arabic population. The most initiative regarding this question was expressed by the Middle East affairs officials, “whose political thrust was motivated by their intentions towards creating a number of Arabic kingdoms that were the pillars of the expansion of the British hegemony in the Middle East” [Gutwein 2016:124].

In the period of the British mandate Eretz Israel had three official languages: English, Arabic and Hebrew, while legislative acts were written in English and then translated into Hebrew and Arabic. In the case of contradiction in the translation the original English version was deemed the proper one [Shetreet, Homolka 2017:30-31].

One of the most notable events of the period was the adoption of the King's Palestinian Order of Council which has consolidated the authority of the religious courts whose jurisdiction applied onto the country. In paragraph 46 of the Order of 1922, it stated that in case of the collision of the Ottoman and Anglo-Palestinian laws or the lack of regulations for

⁵ See: Meacham (leBeit Yoreh) T. Op. cit.

⁶ Magadeev I.E. Parizhskaya mirnaya konferentsiya 1919–20 [Paris Peace Conference 1919-20]. – *Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya*. Gl. red. Yu.S. Osipov. [Big Russian Encyclopedia. Ed. by Yu.S. Osipov]. Moscow.: Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya, 2004–2017. (In Russ.). URL: https://bigenc.ru/world_history/text/2320676 (accessed 06.01.2022).

⁷ See: League of Nations: Decision confirming the Principal Allied Powers' agreement on the territory of Palestine: *The Mandate for Palestine*. August 1922. URL: <https://web.archive.org/web/20131125014738/http://unispal.un.org/UNISPAL.NSF/02FCA2C68106F11AB05256BCF007BF3CB> (accessed 06. 01.2022).

the dissolution of a dispute, the norms of currently operating legal framework of Great Britain were applied with the necessary corrections being made with regards to the local conditions⁸.

The Rabbinate courts were maintaining their activity following all the Jewish traditions that have existed since the dawn of time the same as they did under the Ottoman Empire rule. Among other things, Rabbinate courts were independent in their decision making in all cases regarding marital and familial affairs⁹. Consular marriages, however, were still a common event in the period of the Mandate of Palestine and civil divorces carried out abroad were registered and accepted by the administration [Shetreet, Homolka 2017:31-32].

Thus, even during the period of the British mandate to govern Palestine, there was no interference by the state in the exercise of the rights of Jewish communities to observe their own religious customs and traditions.

5. The influence of Zionist movement on the order of realization of familial and marital relations

With the measures taken by the British government regarding the ruling and administrative control of Eretz Israel it was important to the Jewish people to continue developing the restoration of their state and resolve the corresponding questions in the areas of economy, culture, society and law [Bregman 2002: 44-47].

For the purposes of our research, it is important to note that World Zionist Organization which leader was a social and political figure Theodor Herzl [Kornberg 1993: 5] was created in the end of XIX century and the main focus of which was the restoration of Eretz Israel [Kornberg 1993:5-6]. However, this movement was strongly contradicting many aspects of the religious dogmatics of Judaism.

The main contradiction was that “willingness of young immigrants from Europe who yearned to create a Jewish state in The Land of Israel was the cause of anger of the elders, who thought that the revival of the state can only be based on the principles of Torah”¹⁰.

Nevertheless, despite meeting the resistance from the religious communities and aggression from some Arab citizens Jewish immigrants continued arriving to The Land of Israel. They were inspired by the idea of creating a young Jewish state the foundation of which would be *kibbutzs* [Rayman 1981:12] – agricultural communities created in the XIX century.

A kibbutz was a collective union whose main activity was focused on the agricultural development of the Jewish settlements in The Land of Israel. First kibbutz – Degania Alef was created in 1909, the ideology behind creating such a form of collective labor was based in the combined ideas of Zionism and Communism [Goldenberg, Wekerle 1972: 224-226]. Besides the collective labor that was a novelty in the lifestyle of Jewish settlements in The Land of Israel, there were separate principles and norms regulating familial and marital relations.

Apart from the existing principles regarding shared property and common ideology everyday life also had “communal” characteristics. For instance, the majority of kibbutz’s canteens had benches not because of the low price or efficiency but because they represented one of the manifestations of the shared ideology, namely the fact that a man and a woman are equal and could sit wherever they have a desire to. In some kibbutzs it was even prohibited for a husband and a wife to sit together because in their circle it was believed that marriage does not imply any exclusive rights of the spouses towards each other [Goldenberg, Wekerle 1972: 227-228].

Another unique implication of the gender equality principles created by the founders of kibbutzs is the banning of the traditional Hebrew word for husband – baal (לעב) because it has such connotation as “owner” and implies that the wife obeys her dominating husband [Goldenberg, Wekerle 1972: 227-228].

An important factor is that in the first decades of existence of kibbutzs traditional marriage was never a common practice among the members. Israeli history researchers Yosef Griden and Saadania Gelb in their work point out that if a man and a woman wanted to get married they went to the community house and asked to be provided a shared room. In its turn the process of termination of the relationship

⁸ See: The Palestine Order in Council, 1922. By King George V of the United Kingdom. Art 46. URL: https://ecf.org.il/media_items/1468 (accessed 07.01.2022).

⁹ Ibid. Art.51.

¹⁰ *The Cambridge Dictionary of Judaism and Jewish Culture*. Ed. by J.R. Baskin. Cambridge: Cambridge University Press. P. 304.

consisted in the man and the woman no longer living together, yet the process of division of property did not take place since the members of a kibbutz did not own any property [Criden, Gelb 1974:18-20].

In their book Yosef Griden and Saadania Gelb highlight an interesting fact that absence of traditional marriage should have served a purpose of destroying patriarchy and giving women an opportunity to independently maintain their position in the society and not depend on a man (economically or socially) and was looked at as a generally positive aspect for the society shifting the focus to the communal life which was the main aspect of a kibbutz [Criden, Gelb 1974:20].

An important idea in a kibbutz was the intention of exempting women of the traditional obligations of a motherhood. This intention served as the driving ideological force for the entire system of raising and educating children. Miri Scharf notes in her paper that “women were freed from the status of a domestic servant” in the sense that children were taken care of by the whole commune in the special establishment called “house of a child” and the tasks of food preparation and laundry were done collectively [Scharf 2001:241-242].

Nonetheless, the circumstances of a life in a kibbutz were such that women born there were not as opposed to the partaking in the so-called “traditional female roles”. As a result of that was that the majority of women were gravitating towards “the domestic chores” and despite their positive experiences living in the “houses of a child” they wanted to raise their children by themselves without the help from others [Scharf 2001:242-243].

Hence, we can conclude that despite living together in one big commune which principles were based on gender equality the notion of “a traditional family” still circulated among some people who believed to be correct to at least partially follow the traditional norms. Indeed, despite of the existing highly restrictive norms of the marital and familial relations present in the Jewish communities of Eretz Israel from the moment of their formation during the Ottoman Empire rule and until the termination of the regimen of the Mandate of Palestine and the establishment of the independent state of Israel. Those religious norms of familial and marital relations are still applied to this day.

Therefore, the British government ruling over Eretz Israel in 1922-1948 brought a set of changes towards the judicial process that was present during the Turkish-Ottoman period. The order of case consideration was organized according to the norms of the Customary law that was applied in England and all its colonies [Bentwich 1948:34-35]. However, norms applied in the legal proceedings were solely those of the Judean law, used for the conservation of traditions and the prevention of frustration among the Jewish communities of Eretz Israel. As a result of this influence legal system of the state of Israel was created on the base of English common law while taking into consideration the religious norms, especially those of regulation of the formation and dissolution of marriage.

6. Conclusion

Thereby, it can be concluded that since its establishment the legal institute of marriage in Eretz Israel starting at the time of the Ottoman Empire rule, until its termination and throughout the British Mandate of Palestine the legal proceedings in the area of marital and familial relations have been realized according to the norms of the Judean law. During the governance of the British monarchy in Eretz Israel the judicial process has gone through a set of changes due to the implementation of the norms of the English law. Inter alia a shift in the society was brought about by the youth Zionist movement in kibbutz legal system of which was based off of the principles of equality.

The normative basis for Israeli Declaration of Independence of 1948¹¹, as well as for the majority of the legislative acts in the area of familial and marital relations were the principles of the International law, while maintaining intact the religious traditions which have existed in the Jewish communities of Eretz Israel for many centuries. Moreover, despite the strictness of the Judean traditions, according to the clauses of the Israeli Declaration of Independence besides Israel being a Jewish state it is also a democratic one. Hence, democratic principles of equality and humanism are the most prevalent in cases where in the proceedings regarding marital and family affairs where the rights of one of the parties are violated, every citizen of the state of Israel can appeal to

¹¹ See: Israeli Declaration of Independence. URL: <https://main.knesset.gov.il/en/about/pages/declaration.aspx> (accessed 07.01.2022).

the Supreme Court and the Supreme court of Justice seeking a justified sentence and protection of one's interests¹². Meanwhile the rulings of the Supreme court are made according to the norms of International law and, among other things, in consideration with the Convention on the Elimination of all Forms of Discrimination Against Women of 1979¹³.

Therefore, the result of the integration of the legal principles typical for democratic countries and

the traditional norms of Judaism current legal system of the state of Israel was created. The mechanism of this system comes from the respect for the traditions whilst the main principles of democracy are also followed, namely those of justice, equality and humanism. This is what makes the legal system of Israel unique in every aspect, including the norms of familial and marital relations which integrate both traditional implementations and modern aspects.

References

1. Ágoston G., Masters B. *Encyclopedia of the Ottoman Empire*. New York: Facts On File. 2009. 650 p.
2. Bazili K.M. *Siriya i Palestina pod turetskim pravitel'stvom v istoricheskom i politicheskom otnosheniyakh* [Syria and Palestine Under Turk Dominion in Historical and Political Relation]. Moscow: Mosty kul'tury Publ. 2007. 607 p. (In Russ.)
3. Bentwich N. The Legal System of Palestine under the Mandate. – *Middle East Journal*. 1948. Vol. 2. Issue 1. P. 33-46.
4. Bregman A. *A History of Israel (Macmillan Essential Histories)*. New York: Red Globe Press 2002. 344 p.
5. Criden Y., Gelb S. *The Kibbutz Experience: Dialogue in Kfar Blum*. New York: Herzl Press. 1974. 277 p.
6. Elon M. *The Principles of Jewish Law*. The U.S.A.: Jewish Publication Society. 2003. 866 p.
7. Friedman I. *British Pan-Arab Policy 1915-1922*. New York: Routledge. 2010. 370 p.
8. Goldenberg S., Wekerle G.R. From utopia to total institution in a single generation: the kibbutz and Bruderhof. – *International Review of Modern Sociology*. 1972. Vol. 2. Issue 2. P. 224-232.
9. Goodwin J. A History of the Ottoman Empire: Lords of the Horizons. (Russ. ed.: Goodwin J. *Velichie i krakh Osmanskoi imperii. Vlastiteli beskrainikh gorizontov*. Moscow: Azbuka-Attikus Publ.; KoLibri Publ. 2016. 416 p.)
10. Gutwein D. The Politics of the Balfour Declaration: Nationalism, Imperialism and the Limits of Zionist-British Cooperation. – *Journal of Israeli History*. 2016. Vol. 35. Issue 2. P. 117-152. DOI: <https://doi.org/10.1080/13531042.2016.1244100>
11. Ikhsanoglu E. *Istoriya Osmanskogo gosudarstva, obshchestva i imperii. T. 1.* [History of The Ottoman State, Society and Civilization. Vol. 1]. Moscow: Vostochnaya literature Publ. 2006. 604 p. (In Russ.)
12. Kornberg J. *Theodor Herzl: From Assimilation to Zionism (Jewish Literature and Culture)*. The U.S.A.: Indiana University Press. 1993. 240 p.
13. Lange N. de. An introduction to Judaism. (Russ. ed.: Lange N. de. *Iudaizm: drevneishaya mirovaya religiya*. Moscow: Eksmo Publ. 2012. 336 p.)
14. Lapidus M. *A History of Islamic Societies*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press. 2002. 1002 p.
15. Levy A. *The Jews of the Ottoman Empire*. Princeton, N.J.: Darwin Press. 1994. 800 p.
16. Mendell L. *Jewish law. An Introduction*. Northvale NJ: Jason Aronson, Inc. 1994. 298 p.
17. Quint E.B., Hecht N.S. *Jewish Jurisprudence: Its Sources & Modern Applications*. New York: Routledge. 1986. 283 p.
18. Rayman P. *The Kibbutz Community and Nation Building*. Princeton, N.J.: Princeton University Press. 1981. 308 p.
19. Roth J. *The Halakhic Process: A Systemic Analysis*. New York: The Jewish Theological Seminary of America. 1986. 398 p.
20. Scharf M. A "Natural Experiment" in Childrearing Ecologies and Adolescents. Attachment and Separation Representations. – *Child Development*. 2001. Vol. 72. Issue 1. P. 236-251.
21. Shetreet S., Homolka W. *Jewish and Israeli Law - An Introduction*. Berlin; Boston: De Gruyter. 2017. 575 p.
22. Shipman P. *Family Law in Israel*. Israel: The Hebrew University of Jerusalem. 1995. P. 439-460.
23. Tsirkin Yu.B. *Istoriya bibleiskikh stran* [History of the Bible Countries]. Moscow: Astrel' Publ. 2003. 576 p. (in Russ.)
24. Van Seters J. *Abraham in History and Tradition*. Vermont: Echo Point Books & Media. 2014. 350 p.

¹² See: Basic Law: Judiciary Art. 15. URL: <https://m.knesset.gov.il/EN/activity/documents/BasicLawsPDF/BasicLawTheJudiciary.pdf> (accessed 07.01.2022).

¹³ Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women New York of 18 December 1979. URL: <https://www.ohchr.org/en/professionalinterest/pages/cedaw.aspx> (accessed 07.01.2022).

About the Authors**Natan Liviev,**

Competitor for Candidate of Juridical Sciences Degree, Department of Private International and Civil Law, Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia

76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454

:liviev.lawoffice@gmail.com
ORCID: 000-0002-4230-9634

Olga N. Zimenkova,

Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Professor at the Chair of Private International Law, Russian Foreign Trade Academy of the Ministry for Economic Development of the Russian Federation

6a, Vorobyovskoye shosse, Moscow, Russian Federation, 119285

ozimenkova@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-4931-4102

Информация об авторах**Натан Манахимович Ливиев,**

соискатель ученой степени кандидата юридических наук кафедры международного частного и гражданского права им. С.Н. Лебедева, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России

119454, Российская Федерация, Москва, проспект Вернадского, д. 76

liviev.lawoffice@gmail.com
ORCID: 000-0002-4230-9634

Ольга Николаевна Зименкова,

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры международного частного права, Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации

119285, Российская Федерация, Москва, Воробьевское шоссе, д. 6а

ozimenkova@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-4931-4102

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2022-3-100-118>

Исследовательская статья
Поступила в редакцию: 05.07.2022
Принята к публикации: 01.09.2022

Лариса Ивановна ЗАХАРОВА

Московский государственный юридический университет имени О.Е.Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д.9, Москва, 125993, Российская Федерация
Lizakharova@msal.ru
ORCID: 0000-0003-4968-0134

СТРУКТУРНОЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И *LEX* *SPORTIVA* И ТЕХНИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ИХ НОРМ

ВВЕДЕНИЕ. Целью статьи являлось рассмотрение того, как два различных по своей природе нормативных образования - международное спортивное право и *lex sportiva* - взаимодействуют друг с другом в структурном и функциональном плане.

При характеристике структурного взаимодействия автор ставил перед собой задачу обозначить место каждого из данных нормативных комплексов в системе большего целого. При анализе функционального взаимодействия своей задачей автор видел рассмотрение процесса в двух аспектах: статическом (разграничение пределов регулятивного воздействия) и динамическом (интерференция регулятивных усилий). В результате изучения динамического аспекта функционального взаимодействия охарактеризованы технические приемы инкорпорации, легитимации, отсылки; приведены примеры инкорпорации норм Международных стандартов, принятых в развитие Всемирного антидопингового кодекса, в международно-правовой акт - Конвенцию ЮНЕСКО о борьбе с допингом в спорте 2005 г., легитимации норм Конвенции Совета Европы против манипулирования спор-

тивными соревнованиями 2014 г. посредством принятия Кодекса Олимпийского движения о предотвращении манипулирования соревнованиями 2015 г., и отсылки двух типов: отсылка ко Всемирному антидопинговому кодексу в международном договоре - Конвенции ЮНЕСКО о борьбе с допингом в спорте 2005 г. и отсылка к международно-правовым актам в сфере прав человека в Уставе ФИФА (начиная с 2016 г.) и в Политике ФИФА в области прав человека 2017 г.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Автором перечислены применимые международно-правовые акты и акты *lex sportiva*, изучены научные работы ведущих представителей отечественной и зарубежной доктрины по таким вопросам, как критерии обособления специфической отрасли международного права, предмет регулирования и природа транснационального права, соотношение международного права и *lex sportiva*. Из общенаучных методов использовались субстратный (содержательный), структурный и системный подходы, в качестве использованных частнонаучных методов следует назвать сравнительный и герменевтический подходы.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. В результате анализа структурного взаимодействия двух нормативных порядков автор обозначил место международного спортивного права в системе международного права и место *lex sportiva* в транснациональном глобальном праве. При рассмотрении статического аспекта функционального взаимодействия на основе анализа содержания принципа автономии спорта обозначены некоторые исключительные предметы ведения *lex sportiva*. В ходе изучения динамического аспекта охарактеризованы три вида трансформации - преобразования норм и их перехода из одного нормативного порядка в другой - с точки зрения юридической техники (инкорпорация, легитимация, отсылка).

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. По мнению автора, международное спортивное право является отраслью международного публичного права на стадии становления, а *lex sportiva* - это институт транснационального глобального права, формируемого в результате деятельности неправительственных акторов. Изучение статического аспекта функционального взаимодействия международного спортивного права и *lex sportiva* свидетельствует о том, что к числу вопросов, регулируемых спортивными организациями в автономном порядке, относятся установление правил спортивных соревнований, а также вопросы внутренней жизни спортивных организаций. Динамика транснациональных процессов за-

метно расширяет взаимодействие международного спортивного права и *lex sportiva* и переход (трансформацию) норм из одного нормативного комплекса в другой в таких сферах, как борьба с допингом, противодействие манипулированию спортивными соревнованиями, постепенное внедрение международно-правовых стандартов в сфере защиты прав человека.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: международное спортивное право, *lex sportiva*, взаимодействие, трансформация, инкорпорация, легитимация, отсылка, Организация Объединенных Наций (ООН), Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки, культуры (ЮНЕСКО), Совет Европы, Европейский Союз (ЕС), Международный олимпийский комитет (МОК), Международный паралимпийский комитет (МПК), Международная федерация футбола (ФИФА)

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Захарова Л.И. 2022. Структурное и функциональное взаимодействие международного права и *lex sportiva* и технические приемы трансформации их норм. – Московский журнал международного права. № 3. С. 100–118. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2022-3-99-117>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

INTERNATIONAL SPORTS LAW

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2022-3-100-118>

Larisa I. ZAKHAROVA

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russian Federation, 123001

Lizakharova@msal.ru

ORCID: 0000-0003-4968-0134

Research article
Received 5 July 2022
Approved 1 September 2022

STRUCTURAL AND FUNCTIONAL INTERACTION BETWEEN INTERNATIONAL LAW AND LEX SPORTIVA AND TECHNICAL METHODS OF TRANSFORMING THEIR NORMS

INTRODUCTION. *The purpose of the article was to examine how two different regulatory entities - international sports law and lex sportiva - interact with each other in structural and functional terms.*

When characterizing the structural interaction, the author set herself the task of identifying the place of each of these normative complexes in the system of a larger whole. When analyzing functional interaction, the author viewed her task as considering the process in two aspects: static (delineation of the limits of regulatory influence) and dynamic (interference of regulatory efforts). As a result of studying the dynamic aspect of functional interaction, the techniques of incorporation, legitimation, and reference were characterized; the author gave the examples of the incorporation of the norms of the International standards adopted in addition to the World Anti-Doping Code into an international legal act - the 2005 UNESCO Convention against Doping in Sport, legitimation of the norms of the 2014 Council of Europe Convention against Manipulation of Sports Competitions through the adoption of the 2015 Code of the Olympic Movement on the Prevention of Manipulation of Competitions, and two types of reference: references to the World Anti-Doping Code in an international treaty - the 2005 UNESCO Convention against Doping in Sport of 2005 and references to international legal acts in the field of human rights in the FIFA Statutes (starting from 2016) and in the FIFA Human Rights Policy of 2017.

MATERIALS AND METHODS. *The author listed the applicable international legal acts and acts of lex sportiva, studied the scientific works of leading representatives of domestic and foreign doctrine on such issues as the criteria for recognizing a specific branch of international law, the subject of regulation and the nature of transnational law, the interplay between international law and lex sportiva. Among the general scientific methods the author utilized substrate (substantive), structural and systemic approaches; comparative and hermeneutic approaches should be mentioned as the specific scientific methods used.*

RESEARCH RESULTS. *As a result of the analysis of the structural interaction of the two regulatory orders, the author identified the place of international sports law in the system of international law and the place of lex sportiva in global law. When considering the static aspect of functional interaction based on the analysis of the content of the principle of autonomy of sport, a number of exclusive subjects of regulation by lex sportiva were identified. In the course of studying the dynamic aspect, the author characterized three types of transformation - the transfiguration of norms and their transition from one normative order to another - from the point of view of legal technique (incorporation, legitimation, reference).*

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *In the author's opinion, international sports law is a branch of public international law at the stage of its formation, and lex sportiva is an institution of transnational global law formed as a result of the activities of non-governmental actors. The study of the static aspect of the functional interaction between international sports law and lex sportiva indicates that the issues regulated by sports organizations in an autonomous manner include the establishment of rules for sports competitions, as well as issues of the internal life of sports organizations. The dynamics of transnational processes significantly expands the interaction between international sports law and lex sportiva and the transition (transformation) of norms from one regulatory complex to another in such areas as the fight against doping, countering the manipulation of sports competitions, introducing international legal standards in the field of human rights protection.*

KEYWORDS: *international sports law, lex sportiva, interaction, transformation, incorporation, legitimation, reference, United Nations (UN), United Nations Educational, Scientific, Cultural Organization (UNESCO), Council of Europe, European Union (EU), International Olympic Committee (IOC), International Paralympic Committee (IPC), Fédération Internationale de Football Association (FIFA)*

FOR CITATION: Zakarova L.I. Structural and Functional Interaction between International Law and *lex sportiva* and Technical Methods of Transforming their Norms. – *Moscow Journal of Interna-*

tional Law. 2022. No. 3. P. 100–118. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2022-3-100-118>

The author declares the absence of conflict of interest.

1. Введение

В советской юридической науке целый ряд исследований был посвящен проблемам соотношения правовых систем международного и внутригосударственного права [Аметистов 1982; Буткевич 1981; Гавердовский 1980; Левин 1964:92-93; Мюллерсон 1982; Усенко 1979:57-86]. В постперестроечный период представители российской науки международного права также неоднократно обращались к вопросу о формах соотношения международного права и национального права [Игнатенко 2012; Черниченко 1999]¹.

Л.П.Ануфриева в своей монографической работе о соотношении международного публичного и международного частного права рассматривала их взаимодействие в *структурном и функциональном* плане [Ануфриева 2002: 381-400]. Данный подход – анализ структурного и функционального взаимодействия двух нормативных порядков – представляется продуктивным и в целях теоретического осмысления взаимодействия международного права и *lex sportiva*. Сначала охарактеризуем порядок их структурного взаимодействия: для этого будет необходимо разграничить юрисдикционные пределы двух обозначенных нормативных комплексов, а также ответить на вопрос о том, какое место занимают такие образования, как международное спортивное право и *lex sportiva*, в пределах большего целого, к которому они принадлежат, – в пределах соответственно международного публичного права и транснационального глобального права, активно формирующегося на современном этапе.

2. Структурное взаимодействие международного права и *lex sportiva*

Место МСП в системе международного права
Международное право большинство современных отечественных исследователей рассматривает как правовую систему, которая объединяет три компонента: объективное право как совокупность юридических норм, юридическую практику и правовую идеологию [Талалаев 1994:4], при этом ряд исследователей отождествляет третий компонент – правовую идеологию – с правосознанием. В рамках данной системы комплекс норм, регулирующих межгосударственные отношения в области спорта, с полным основанием может быть выделен в качестве самостоятельного образования и обозначен как международное спортивное право.

В советской, а позднее в российской международно-правовой литературе ученые указывали на ряд системообразующих критериев, в соответствии с которыми обосновывается наличие или отсутствие в системе международного права той или иной отрасли международного права². Традиционно выделение новой отрасли права становится возможным при соблюдении следующих условий: во-первых, наличие обособленной группы однородных общественных отношений – самостоятельного предмета правового регулирования; во-вторых, осознание особой общественной необходимости и значимости данных общественных отношений; в-третьих, наличие нормативного материала соответствующего качества и количества; в-четвертых, наличие особого метода правового регулирования.

¹ См. также: Зимненко Б.Л. Международное право и правовая система Российской Федерации. Дис. ... д-ра юрид. наук. Москва. 2006; Марочкин С.Ю. Действие норм международного права в правовой системе Российской Федерации. Дисс. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург. 1998.

² См. обзор подходов: Захарова Л.И. *Международное спортивное право: учебник для бакалавров*. М.: Проспект. 2017. С. 17-20.

Во-первых, применительно к международному спортивному праву отметим бесспорное существование обособленного предмета международно-правового регулирования – это международные (преимущественно межгосударственные) отношения в спортивной сфере и смежных с ней областях. Примерами отношений, подвергающихся международно-правовому регулированию, могут служить следующие вопросы, нацеленные на защиту общего (коллективного) блага:

1. развитие физической культуры и пропаганда здорового образа жизни, разработка международных стандартов преподавания физической культуры в учебных заведениях;
2. борьба с преступностью в спортивной сфере, в том числе с манипулированием спортивными соревнованиями, хулиганством на спортивных аренах;
3. международно-правовая охрана прав интеллектуальной собственности (прав на товарные знаки, прав на телевизионную трансляцию и радиотрансляцию спортивных мероприятий), в первую очередь Олимпийского символа;
4. противодействие государствам допингу в международном спорте;
5. защита окружающей среды при подготовке и проведении международных спортивных соревнований;
6. защита нарушенных прав спортсменов и спортивных организаций в судах, действующих в рамках международных межправительственных организаций (например, в Европейском Суде по правам человека) или международных интеграционных объединений (например, в Суде Европейского Союза), в перспективе - в Суде Евразийского экономического союза на основе соответствующих международных договоров, закрепляющих права спортсменов и спортивных организаций, устанавливающих запрет дискриминации по признаку расы, пола, языка, религии, национальной принадлежности или по иным возможным основаниям³.

Во-вторых, не вызывает сомнений общественная необходимость регламентации межгосударственных отношений в спортивной сфере и смежных с ней областях. Очевидно присутствует заинтересованность государств в регулировании тех вопросов спортивной жизни, в которых за-

метен публичный интерес. Регулированию на межгосударственном уровне в первую очередь подвергаются те сферы спортивной жизни, где превалируют публичные интересы (поддержание международного мира и сотрудничества, охрана здоровья и нравственности населения, обеспечение общественного порядка во время проведения крупных спортивных мероприятий и т.д.). Однако невозможно утверждать, что процесс международно-правового регулирования в этой сфере отличается полнотой и системностью. Весьма часто государства постфактум признают в качестве международно-правовых норм правила поведения, которые уже оформились и функционируют в рамках Олимпийского движения, возглавляемого Международным олимпийским комитетом (МОК).

Анализируя третий критерий для обособления самостоятельной отрасли международного права – такой, как наличие нормативного материала соответствующего качества и количества, некоторые юристы-международники высказывают мнение о том, что отрасль международного права возникает лишь тогда, когда «государства договариваются о формулировании широкого универсального международно-правового акта, содержащего основные принципы в данной области» [Колосов 1974:152]. Такими кодифицирующими актами в праве международных договоров являются Венская конвенция о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. и Венская конвенция о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями от 21 мая 1986 г., в праве внешних сношений – Венская конвенция о дипломатических сношениях от 18 апреля 1961 г. и Венская конвенция о консульских сношениях от 24 апреля 1963 г., в международном морском праве – Конвенция ООН по морскому праву от 10 декабря 1982 г. Кодификационный процесс, конечно, важен, однако не следует переоценивать роль единого акта в формировании новых отраслей международного права. К настоящему времени оформился целый ряд отраслей международного права, в которых, однако, не выработаны единые кодифицирующие акты. Это международное трудовое право (например, в отсутствие единого кодифицирующего договора в рамках Международной орга-

³ Захарова Л.И. *Разрешение споров в области спорта: учебное пособие*. М.: Проспект. 2021. С.128-186.

низации труда (МОТ) принято 190 конвенций по различным аспектам условий труда, занятости, обеспечения экономических и социальных прав человека, которые подвергаются регулярному пересмотру для адаптации к меняющимся обстоятельствам)⁴, а также международное аграрное право, международное энергетическое право, международное транспортное право, международное интеллектуальное право, международное атомное право и др.⁵.

В области спорта тоже отсутствует единый, действующий на универсальном уровне международно-правовой акт, содержащий основные принципы регламентации международной спортивной деятельности. основополагающие принципы и правила, которыми руководствуется Олимпийское движение, сформулированы в Олимпийской хартии МОК (в ред. 2021 г.)⁶, правила, регламентирующие деятельность Паралимпийского движения, объединены в Своде правил Международного паралимпийского комитета (МПК) (в ред. 2021 г.)⁷. Вместе с тем ни Олимпийская хартия, ни Свод правил МПК не являются источниками международного права, содержащиеся в них правила адресованы спортивным организациям и самим спортсменам. Вместе с тем выработан целый ряд международно-правовых актов, регулирующих отдельные аспекты международной спортивной деятельности - например, Конвенция ООН против апартеида в спорте от 10 декабря 1985 г., Конвенция Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки, культуры (ЮНЕСКО) о борьбе с допингом в спорте от 19 октября 2005 г., Найробский договор Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС) об охране Олимпийского символа от 26 сентября 1981 г. Право на осуществление спортивной деятельности в отношении представителей особо уязвимых групп закреплено в положениях Конвенции о правах ребенка от 20 ноября 1989 г., Конвенции о правах инвалидов от 13 декабря 2006 г., Декларации о правах коренных народов от 13 сентября 2007 г. Кроме того, в этой связи следует указать и на региональные документы. Заметный вклад

вносит Совет Европы, в рамках которого были приняты Конвенция против применения допинга от 16 ноября 1989 г. и Дополнительный протокол к ней от 12 сентября 2002 г., Европейская конвенция о предотвращении насилия и хулиганского поведения зрителей во время спортивных мероприятий и, в частности, во время футбольных матчей от 19 августа 1985 г., Конвенция Совета Европы по единому подходу к безопасности, защите и обслуживанию во время спортивных мероприятий, и в частности футбольных матчей от 3 июля 2016 г., Конвенция против манипулирования спортивными соревнованиями от 19 сентября 2014 г.

Международная межправительственная организация, в компетенцию которой входила бы координация межгосударственного сотрудничества в спортивной сфере, также отсутствует – на наш взгляд, в ней нет нужды, хотя в российской научной литературе высказываются и противоположные мнения (в частности, А.В. Иглин предлагает создать межправительственную спортивную организацию⁸). Руководство Олимпийским движением успешно осуществляет МОК, Паралимпийским движением управляет МПК. Бюро ООН по спорту на благо развития и мира, которое функционировало до 2017 г., выполняло скорее представительские функции, обеспечивая необходимый форум для совместного обсуждения вопросов представителями ООН и Олимпийского движения. Теперь координационные функции в этой сфере возложены на Департамент по экономическим и социальным вопросам Секретариата ООН. Отдельные аспекты спортивного сотрудничества регулируют такие специализированные учреждения ООН, как ЮНЕСКО, Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), ВОИС и др. [Захарова 2020:68-82].

Что касается четвертого критерия для выделения самостоятельной отрасли международного права - наличие особого метода правового регулирования, отметим в качестве отличительной особенности метода правового регулирования в спортивной сфере взаимодействие органов и инструментов, различных по своей природе –

⁴ Бекашев Д.К. *Международное трудовое право: учебное пособие*. М.: Проспект. 2008. С. 14-17.

⁵ *Международное публичное право: учебник*. Отв. ред. К.А. Бекашев. 5-е изд. М.: Проспект. 2011. С. 24-25.

⁶ Olympic Charter URL: https://stillmed.olympics.com/media/Document%20Library/OlympicOrg/General/EN-Olympic-Charter.pdf?_ga=2.245600652.981372398.1660659242-1472739416.1659544007 (accessed 20.06.2022).

⁷ International Paralympic Committee: Handbook. URL: <https://www.paralympic.org/ipc-handbook> (accessed 20.06.2022).

⁸ Иглин А.В. *Международное спортивное право и процесс: учебное пособие для вузов*. М.: Юрайт. 2020.С.32.

международных межправительственных организаций и заключаемых под их эгидой международных договоров и документов рекомендательного характера (актов «мягкого права») и международных неправительственных организаций и создаваемых ими неправовых актов, которые тем не менее обладают свойством нормативности для непосредственных участников спортивной деятельности. Особый метод правового регулирования заключается во взаимодополнительности регулятивных усилий, в их комплементарности. В ряде сфер историческое первенство и лидирующие позиции в выработке должных правил поведения в спорте до сих пор принадлежат спортивным организациям Олимпийского и Паралимпийского движения (установление правил спортивных соревнований, самостоятельное решение спортивными организациями всех вопросов своей внутренней жизни - в частности, разрешение дисциплинарных споров юрисдикционными органами спортивных организаций) и Всемирному антидопинговому агентству (ВАДА) (противодействие допингу). Эти правила поведения получают широкое признание, по крайней мере среди тех, кто демонстрирует намерение участвовать в спортивной деятельности. Те лица, которые в ней не участвуют, не могут и обычно не действуют в нарушение этих правил. Государства с определенным опозданием признают за такими правилами поведения юридическую силу [Panagiotopoulos 2011:129]. В других сферах спортивные организации Олимпийского и Паралимпийского движения скорее выступают на вторых ролях, поддерживая усилия государств и разделяя их озабоченность необходимостью обеспечения коллективных благ (защита окружающей среды в ходе осуществления спортивной деятельности, обеспечение общественного порядка в ходе противодействия коррупции, в частности, манипулированию спортивными соревнованиями, и хулиганскому поведению болельщиков, соблюдение международных стандартов прав человека).

По нашему мнению, международное спортивное право являет собой пример формирующейся отрасли международного права. У нее совершенно особый предмет правового регулирования, который не может быть полностью включен в состав таких традиционных отраслей международ-

ного публичного права, как международное право прав человека, международное экологическое право, международное уголовное право, право международных организаций. Центральное место в ней занимает институт, объединяющий нормы в сфере межгосударственного сотрудничества по противодействию допингу в спорте, и эти нормы не могут быть отнесены ни к какой иной из ныне существующих отраслей международного права, кроме как к международному спортивному праву.

В ходе продолжающегося взаимодействия межправительственных и неправительственных структур, регулирующих спортивную деятельность, продолжится процесс выработки и принятия новых международно-правовых актов, дополняющих усилия Олимпийского и Паралимпийского движения в области противодействия допингу, коррупции, хулиганскому поведению в спорте, установления единообразных стандартов в сфере прав человека и охраны окружающей среды, что, по нашему мнению, в перспективе приведет к окончательному оформлению новой отрасли в международном публичном праве.

Место lex sportiva в транснациональном глобальном праве

Вопрос о том, какова природа комплекса норм, регулирующих не международные, а трансграничные отношения в области спорта – отношения, распространяющиеся за пределы одного государства, но возникающие между частными лицами, настойчиво привлекает внимание западных и отечественных исследователей. В научной литературе можно выделить как минимум четыре возможных подхода к решению этого вопроса⁹.

По нашему мнению, lex sportiva - это нормативный порядок, образуемый в результате взаимодействия между национальными спортивными объединениями и международными неправительственными организациями в спортивной сфере. Он основан на корпоративных правилах поведения, выработанных национальными и международными неправительственными организациями Олимпийского и Паралимпийского движения, которые получают широкое признание среди непосредственных участников спортивной деятельности. Примерами актов,

⁹ Подробнее обзор доктринальных подходов см. в: [Захарова 2019:70-74].

принадлежащих к *lex sportiva*, выступают Олимпийская хартия (в ред. от 8 августа 2021 г.), Свод правил МПК (в ред. от 1 января 2021 г.), Всемирный антидопинговый кодекс (в ред. от 1 января 2021 г.)¹⁰, Антидопинговый кодекс МПК (в ред. от 1 января 2021 г.)¹¹ и др. Существование и заметное влияние *lex sportiva* на регулирование спортивной деятельности признают многие представители как западной, так и отечественной правовой доктрины [Buy et al. 2009:160; Latty 2007: 132; Rigozzi 2005:5, 29, 621, 625-629, 743; Понкин, Понкина 2012: 111-114; Соловьев 2011: 99-100; Захарова М. 2022: 232-236].

Представляется возможным выделить следующие группы общественных отношений в области спортивной деятельности, которые образуют предмет трансграничного регулирования посредством *lex sportiva*:

1. установление правил для определенного вида олимпийского или паралимпийского спорта;
2. подготовка и проведение международных спортивных соревнований, в том числе Олимпийских или Паралимпийских игр и иных международных соревнований по олимпийским или паралимпийским видам спорта;
3. выработка правил для осуществления переходов (трансферов) спортсменов и тренеров из клуба в клуб;
4. борьба Олимпийского и Паралимпийского движения с допингом в спорте;
5. противодействие хулиганскому поведению зрителей во время спортивных соревнований, а также дисциплинарным нарушениям со стороны спортсменов, тренеров, спортивных судей, должностных лиц спортивных организаций,
6. определение структуры международных спортивных организаций и полномочий их главных органов, разрешение спортивных споров посредством дисциплинарных процедур в рамках их юрисдикционных органов, а также медиации и арбитража в Спортивном арбитражном суде г. Лозанна (КАС)¹².

По нашему мнению, *lex sportiva* функционирует в качестве составной части (института) транснационального глобального права – термин был предложен американским ученым Ф.Джессопом в 1956 г. для обозначения не ограниченного государственными границами регулирования отношений между индивидами, юридическими лицами, государствами, объединениями государств и иными группами, осуществляемого национальными правительствами и неправительственными организациями. К числу таких неправительственных организаций могут быть отнесены и многочисленные неправительственные организации Олимпийского и Паралимпийского движения, регулирующие разнообразные аспекты международной спортивной жизни. В интерпретации Ф.Джессопа транснациональное право объединяет гражданско-правовые и уголовно-правовые аспекты международного публичного и частного права, национального публичного и частного права, а также включает иные нормы, которые не подпадают под стандартные категории [Jessup 1956:2, 8-9, 106-107]. Процессы транснационального регулирования наблюдаются в области международной торговой деятельности (оформился институт *lex mercatoria*), а также в финансовой и инвестиционных сферах, в которых наряду с международно-правовыми нормами в них возникли и применяются соответственно *lex finanziaria* – совокупность норм, созданных банками и иными участниками транснациональных финансовых отношений из различных стран мира (например, нормы Унифицированных правил и обычаев, выработанных Международной торговой палатой, нормы межбанковских соглашений), и *lex investitionis* – совокупность норм, посредством которых регулируются "диагональные отношения" между государствами и частными инвесторами¹³.

Для системы транснациональных отношений связь властвования с определенной государственной территорией перестает быть исключительной и абсолютной и принцип суверенитета

¹⁰ World Anti-Doping Agency: World Anti-Doping Code. URL: <https://www.wada-ama.org/en/resources/world-anti-doping-program/world-anti-doping-code> (accessed 20.06.2022).

¹¹ International Paralympic Committee: Handbook. Section 2. Chapter 1.2. IPC Anti-Doping Code URL: https://www.paralympic.org/sites/default/files/2021-01/Sec%20ii%20chapter%201_2_IPC%20Anti-Doping%20Code-%202021%20Final.pdf (accessed 20.06.2022).

¹² Подробнее см.: Захарова Л.И. *Разрешение споров в области спорта: учебное пособие*. М.: Проспект. 2021. С.36-38, 80-108.

¹³ Шумилов В.М. *Международное экономическое право: учебник для магистров*. 6-е изд. М.: Юрайт. 2015. С. 218,450.

становится помехой – по этой причине советская школа международного права демонстрировала весьма сдержанное отношение к концепции транснационального права [Шуршалов 1971:48]. Некоторые видные представители отечественной науки международного права по-прежнему критически относятся к концепции транснационального права, называя его «политическим (отнюдь не правовым) инструментом разрегулирования деловых отношений псевдоправовыми средствами» [Вельяминов 2015:24]. А.Я. Капустин, анализируя документы, выработанные Комиссией ООН по глобальному управлению, высказывает предположение о том, что концепция глобального управления не лишена смысла, это «своего рода проект новой организации международных отношений, сочетающий как международно-правовые отношения, в которые вовлечены государства и международные межправительственные организации, так и отношения с иными участниками международной системы (международные неправительственные организации, транснациональные корпорации и др.)» [Капустин 2010:135]. Пожалуй, на современном этапе наиболее убежденным сторонником концепций глобальной правовой системы и глобального права, включающего в качестве регулятивных компонентов наднациональное и транснациональное право, в российской правовой науке выступает В.М. Шумилов [Шумилов 2002; Шумилов 2016:301-307]¹⁴. По нашему мнению, применение транснационального права в тех сферах регулирования, где государства готовы уступить эту роль неправительственным акторам, будет только расширяться, в то время как необходимость и польза наднационального права вызывает серьезные вопросы.

3. Функциональное взаимодействие международного права и *lex sportiva*

Несмотря на свою различную природу, международное спортивное право и *lex sportiva* близки по своему функциональному предназначению. Оба нормативных комплекса призваны регулировать деятельность в спортивной сфере

и смежных с ней областях. В случае международного спортивного права регулирующему воздействию подвергается деятельность государств и иных публичных субъектов права, во втором случае регламентируется деятельность физических лиц (спортсменов, тренеров, представителей медицинского персонала, менеджеров, спортивных агентов, должностных лиц национальных и международных спортивных организаций и др.) и неправительственных организаций, действующих в спортивной сфере. Рассмотрим подробнее виды и технические приемы функционального взаимодействия международного спортивного права и *lex sportiva*.

*Разграничение сфер регулятивного воздействия как вид функционального взаимодействия международного права и *lex sportiva**

Первый вид функционального взаимодействия международного права и *lex sportiva* можно охарактеризовать как разграничение сфер регулятивного воздействия, обозначение специфических (исключительных) предметов ведения спортивного сообщества. Оно является результатом статического (пассивного) взаимодействия между двумя вышеупомянутыми регуляторами общественных отношений и проявляет себя в установлении пределов автономии (самоуправления) спорта – границ тех областей, в которые государство или государства не вмешиваются в целях осуществления правового регулирования спортивной деятельности. В пределах обозначенных областей *lex sportiva* выступает в качестве единственно возможного регулятора. В отечественной литературе концепция автономии спорта достаточно хорошо изучена, к исследованию этой проблематики обращались такие ученые, как И.В. Понкин, А.И. Понкина (Лаптева), А.А. Соловьев, Т.Е. Мельник и др. [Понкин, Понкина 2012:109-118; Мельник 2012: 23-32]¹⁵.

Двумя сферами, где автономия спорта заметна с полной очевидностью, являются установление правил в конкретных видах спорта и самостоятельное решение спортивными организациями всех вопросов внутренней жизни: определение своей внутренней структуры, целей, форм и ме-

¹⁴ См. также: Шумилов В.М. Указ. соч. С. 603-604.

¹⁵ См. также: Понкина А.И. Государственное управление и самоуправление в области спорта. Дисс. ... канд. юрид. наук. Москва. 2013; Соловьев А.А. 2012. Систематизация законодательства о спорте (российский и зарубежный опыт). Дисс. ... д-ра юрид. наук. Москва. 2012.

тодов деятельности. Не вызывает сомнений исключительный характер норм *lex sportiva* при установлении правил игры и правил проведения спортивных соревнований. Ни государства, ни международные межправительственные организации в этот процесс не вторгаются. Так, например, Правила игры в футбол (англ. Laws of the Game) устанавливает и изменяет Международный совет футбольных ассоциаций (ИФАБ) (п.1 ст.7 Устава Международной федерации футбола (ФИФА))¹⁶. В целях установления порядка подготовки и проведения крупного международного спортивного соревнования (в частности, чемпионата мира по футболу) ФИФА каждый раз принимает отдельный регламент – последним примером может служить Регламент проведения Чемпионата мира по футболу 2022 г. в Катаре¹⁷.

Российская Федерация в Федеральном законе от 04.12.2007 г. №329-ФЗ "О физической культуре и спорте в Российской Федерации" (в ред. от 06.03.2022 г.) провозглашает «сочетание государственного регулирования отношений в области физической культуры и спорта с саморегулированием таких отношений субъектами физической культуры и спорта» в качестве одного из основных принципов своего национального законодательства о физической культуре и спорте (п.3 ст.3). В числе прав общероссийских спортивных федераций закон закрепляет право разрабатывать с учетом правил, утвержденных международными спортивными федерациями, правила соответствующих видов спорта, и утверждать нормы, устанавливающие права, обязанности (в т.ч. условия перехода) отдельных категорий спортсменов, тренеров в другие спортивные клубы или иные физкультурно-спортивные организации) и спортивные санкции для субъектов физической культуры и спорта, признающих та-

кие нормы (п.5 ч.1 ст.16), а также право разрабатывать и утверждать положения (регламенты) о соревнованиях по тому виду спорта, который общероссийские спортивные организации призваны развивать (п.1 ч.1 ст.16)¹⁸. В более широком смысле самоуправление является одним из принципов создания и деятельности всех общественных объединений в Российской Федерации, включая общероссийские и региональные спортивные федерации. В Федеральном законе от 19.05.1995 г. №82-ФЗ "Об общественных объединениях" (в ред. от 30.12.2020 г.) закреплено положение о том, что они «свободны в определении своей внутренней структуры, целей, форм и методов своей деятельности» (ст.15)¹⁹.

Исключительно посредством норм *lex sportiva* регулируются и вопросы внутренней жизни международных спортивных организаций: они определяют структуру этих организаций, процесс формирования их главных органов (выборы членов или их назначение вышестоящими органами), а также их полномочия. Рассмотрим, как определяет структуру организации Устав Международной федерации футбола в ред. 2021 г. ФИФА является ассоциацией, обладающей статусом некоммерческой организации на основании ст.60 Гражданского кодекса Швейцарии (ст.1 Устава). Она объединяет 211 национальных федераций, которые признаются ею как контролирующие футбол в соответствующих странах²⁰. В России в качестве единственной признанной ФИФА национальной организации, обеспечивающей контроль за развитием футбола, является Российский футбольный союз (РФС)²¹. Структуру ФИФА образуют следующие органы, предусмотренные Уставом: Конгресс (ст.25-32), Совет (ст.33-34), президент ФИФА (ст.35), представляющий организацию в ее внешних связях и председательствующий на заседаниях Конгресса и

¹⁶ FIFA Statutes. May 2021 ed. URL: <https://digitalhub.fifa.com/m/7e791c0890282277/original/FIFA-Statutes-2021.pdf> (accessed 20.06.2022).

¹⁷ FIFA World Cup Qatar 2022 Regulations. May 20, 2021 URL: https://digitalhub.fifa.com/m/2744a0a5e3ded185/original/FIFA-World-Cup-Qatar-2022-Regulations_EN.pdf (accessed 20.06.2022).

¹⁸ Федеральный закон от 04.12.2007 №329-ФЗ (ред. от 06.03.2022) «О физической культуре и спорте в Российской Федерации». – *Справочно-правовая система «Консультант Плюс»*. Доступ: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_73038/ea5b5d07050aaa9b00d5fb74b5e4d8fe2cb0a9ec/ (дата обращения: 23.06.2022).

¹⁹ Федеральный закон от 19.05.1995 г. №82-ФЗ (в ред. от 30.12.2020 г.) «Об общественных объединениях» – *Справочно-правовая система «Консультант Плюс»*. Доступ: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6693/31848c5e87869d558faa2dda5f92f21c23cb4efa/ (дата обращения: 23.06.2022).

²⁰ FIFA. URL: <https://www.fifa.com/about-fifa> (accessed 23.06.2022).

²¹ Российский футбольный союз. Доступ: <http://www.rfs.ru/> (дата обращения: 23.06.2022).

Совета; Генеральный секретариат (ст.36 Устава), возглавляемый Генеральным секретарем (ст.37), 7 постоянных комитетов, подотчетных Совету (ст.39-46), 4 независимых комитета, избираемые Конгрессом, в том числе 3 юрисдикционных органа – Дисциплинарный комитет, Комитет по этике и Апелляционный комитет (ст. 49-53), а также Футбольный трибунал- новый орган для разрешения споров в мире футбола, приступивший к практической деятельности 1 октября 2021 г. [Захарова Л. 2022: 408-412].

Начиная с 1990-х гг. упоминание об автономии спорта присутствует во всех программных документах Совета Европы, посвященных спорту [Chappelet 2010:16]. В рекомендации CM/Rec(2011)3 Комитета министров Совета Европы охарактеризованы основные черты европейской концепции автономии спорта (англ. *autonomy of sport*). Неправительственные некоммерческие спортивные организации обладают следующими правами: свободно устанавливать, изменять и толковать “правила игры” в своем виде спорта, демократическим образом выбирать своих руководителей без вмешательства государств или третьих сторон, сотрудничать с органами государственной власти, чтобы уяснить толкование применимой правовой базы и др. (п.1)²². На конференциях министров по делам спорта Совета Европы принимаются рекомендательные акты, которые служат юридическим и этическим ориентиром при выработке государственной политики в области спорта с должным уважением принципа автономии спорта. Так, Европейская спортивная хартия, ныне действующая в своей редакции от 13 октября 2021 г., содержит упоминание о автономных процессах принятия решений спортивными организациями, а также о

необходимости взаимного уважения правительствами и спортивными организациями решений друг друга (п.3 ст.4)²³.

С 2011 г., когда Европейский Союз (ЕС) начал проводить единую политику в спортивной сфере, принимая каждые четыре года Рабочий план ЕС в области спорта, уважительное отношение к концепции автономии спорта и признание его специфичности наблюдаются и в документах ЕС. Упоминание о «специфике спорта» (англ. *specificity of sport*) присутствует в каждом Рабочем плане ЕС в области спорта (на 2011-2014 гг., 2014-2017 гг., 2017-2020 гг., 2021-2024 гг.), утверждаемом резолюцией Совета ЕС и представителей правительств государств-членов ЕС. Так, например, в п.2 Четвертого рабочего плана ЕС в области спорта на период с 2021 по 2024 гг.²⁴ в очередной раз воспроизводится положение из ст. 165 Договора о функционировании Европейского Союза о том, что ЕС будет «способствовать продвижению европейских спортивных ценностей, принимая во внимание специфическую природу спорта, базирование его структур на добровольной деятельности и его социальную и образовательную функции»²⁵.

С ЕС тесно сотрудничают Европейские олимпийские комитеты (ЕОК) - международная неправительственная организация, объединяющая пятьдесят национальных олимпийских комитетов государств Европы, включая Олимпийский комитет России²⁶. В 2011 г. Офис ЕОК в ЕС подготовил «Руководство по политике ЕС в области спорта», которое было существенно расширено и дополнено в ноябре 2017 г. В его первой главе «Правовые рамки и основы спортивной политики» особое внимание уделяется таким категориям, как «автономия спорта» и «специфика спорта»²⁷.

²² Council of Europe: Recommendation CM/Rec(2011)3 of the Committee of Ministers to member states on the principle of autonomy of sport in Europe. Adopted by the Committee of Ministers on 2 February 2011. URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectId=09000016805b4d00 (accessed 24.06.2022).

²³ Council of Europe: Recommendation CM/Rec(2021)5 of the Committee of Ministers to member States on the Revised European Sports Charter. Adopted by the Committee of Ministers on 13 October 2021. URL: <https://rm.coe.int/recommendation-cm-rec-2021-5-on-the-revision-of-the-european-sport-cha/1680a43914> ((accessed 24.06.2022).

²⁴ EU: Resolution of the Council and of the Representatives of the Governments of the Member States meeting within the Council on the European Union Work Plan for Sport (1 January 2021-30 June 2024). URL: [https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:42020Y1204\(01\)&from=EN](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:42020Y1204(01)&from=EN) (accessed 24.06.2022).

²⁵ Treaty on European Union (Consolidated version 2016). URL: <http://eur-lex.europa.eu/collection/eu-law/treaties.html> (accessed 24.06.2022).

²⁶ European Olympic Committees (EOC). URL: <https://www.eurolympic.org/enocs/> (accessed 24.06.2022).

²⁷ EOC: Guide to EU Sport Policy. URL: https://euoffice.eurolympic.org/files/guide_to_EU_Sport_Policy-paginas-1-13.pdf (accessed 24.06.2022).

Интерференция регулятивных усилий как вид функционального взаимодействия международного права и lex sportiva

В многочисленных сферах человеческой жизнедеятельности международное право и *lex sportiva* вступают в динамическое (активное) взаимодействие, суть которого заключается в интерференции регулятивных усилий – «взаимопроникновении, взаимообогащении и взаимном нелинейном усилении» международного спортивного права и *lex sportiva*²⁸. Государства на национальном уровне и межправительственные организации или интеграционные объединения на международном уровне обозначают в своих нормативных актах сферы, представляющие взаимный интерес для суверенов и спортивного сообщества и поэтому подвергающиеся «двойному» нормативному регулированию. Второй вид функционального взаимодействия международного права и *lex sportiva* вызывает у исследователей особый интерес, поскольку он носит практико-ориентированный характер.

В качестве лишь одного примера укажем на целый ряд сфер «двойного» нормативного регулирования, обозначенных в Четвертом рабочем плане ЕС в области спорта. В п.4-5 Четвертого рабочего плана ЕС в области спорта перечислены общеполитические приоритеты ЕС, достижению которых может способствовать спорт. По ряду указанных направлений деятельности регулирующие воздействие осуществляют и сами спортивные организации: предпринимаются усилия по популяризации здорового образа жизни, работе с молодежью и лицами с инвалидностью (обеспечении инклюзивного подхода), решению социальных вопросов, обеспечению равенства, в т.ч. гендерного равенства, всеобщей занятости, охране окружающей среды во исполнение Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года и по др.²⁹. В ходе динамического взаимодействия международного права и *lex sportiva* представляется возможным указать, какой из регуляторов играет роль своеобразного «локомотива». При этом два фактора можно назвать определяющими: историческое пер-

венство - начало нормативного регулирования определенных процессов спортивной жизни, а также качество и количество нормативных актов, принятых в определенной сфере. Так, например, борьба с допингом в международном спорте была инициирована в рамках *lex sportiva*. Противодействие допингу началось еще в 1960-е гг. XX века. В рамках международного и национального спортивного права регулирование стало осуществляться позднее в целях поддержки усилий, предпринимаемых национальными антидопинговыми организациями и ВАДА. В настоящее время противодействие допингу – пожалуй, единственный, но весьма убедительный пример интерференции регулятивных усилий, начало которой было положено актами *lex sportiva*. В этой сфере принято множество актов *lex sportiva* и две международные конвенции – Конвенция Совета Европы о борьбе с допингом в спорте 1989 г. и Международная конвенция ЮНЕСКО о борьбе с допингом в спорте 2005 г.

В иных областях, число которых существенно больше, ведущая роль в осуществлении регулирования принадлежит государствам, принимающим правовые акты, которые спортивный мир детализирует с учетом специфики конкретного вида спорта, устанавливая меры дисциплинарной ответственности за допущенные нарушения. Так, необходимость первостепенных по значимости усилий государств и приоритетный характер выработанных ими норм международного права становится заметной на таких направлениях, как выработка международно-правовых ориентиров в области противодействия изменению климата, борьба с коррупцией и иной преступностью в спортивной сфере (привлечение к административной или уголовной ответственности за организацию договорных матчей, иное манипулирование результатами спортивной деятельности, хулиганское поведение спортивных болельщиков и т.д.)³⁰, первые попытки внедрения международных стандартов по защите прав человека и распространение их действия на спортивное сообщество. Отношения в этих сферах в первую очередь регулируют международное и нацио-

²⁸ Соловьев А.А. Указ. соч. С. 34, 276, 280.

²⁹ EU: Resolution of the Council and of the Representatives of the Governments of the Member States meeting within the Council on the European Union Work Plan for Sport (1 January 2021-30 June 2024), URL: [https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:42020Y1204\(01\)&from=EN](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:42020Y1204(01)&from=EN) (accessed 24.06.2022).

³⁰ Песков А.Н. *Спорт и противоправное поведение: учебник*. М.: Проспект. 2017. С.101-112, 184-185, 190-191, 203-215.

нальное спортивное право, *lex sportiva* следует в фарватере усилий, предпринимаемых государствами.

На современном этапе многие отечественные юристы-международники, подвергая осмыслению вопросы соотношения и взаимодействия международного и национального права как самостоятельных правовых систем, для объяснения того, как функционирует механизм согласования норм международного и национального права, прибегают к концепциям имплементации международного права на национальном уровне («процесса помощи национального права исполнению норм международного права») [Мюллерсон 1982:74], действия и реализации (использования) норм международного права в правовой системе конкретного государства [Марочкин 2011]. Представители данных подходов полагают, что под согласованием норм международного и внутригосударственного права следует понимать не простую «совокупность различных средств юридической техники, имеющих целью наделение норм международного права силой норм права национального», а весь «комплекс мероприятий, направленных на признание юридической силы и организационное обеспечение осуществления международных правовых норм внутри правовой системы государства», причем эти мероприятия могут варьироваться в зависимости от вида норм, предмета и цели регулирования³¹.

Тем не менее для характеристики динамического аспекта функционального взаимодействия международного права и *lex sportiva* мы будем осуществлять анализ с использованием основных постулатов предшествовавшей появлению этих концепций теории трансформации, которая представляется нам более убедительной применительно к изучаемой теме. Во-первых, как было показано выше, международное спортивное право (формирующаяся отрасль международного права) и *lex sportiva* (нормативный порядок, основанный на неправовых нормах, созданных неправительственными организациями Олимпийского и Паралимпийского движения, институт транснационального глобального права) представляют собой два различных по своей природе феномена, два нормативных образования,

принципиально отличающихся между собой по предмету регулирования, субъектам, создающим такие нормы, источникам их закрепляющим. Они не находятся в отношениях соподчинения. По этой причине для придания нормам международного права нормативной силы в рамках *lex sportiva*, равно как и для придания нормам *lex sportiva* юридической силы в международном праве нормы каждого из вышеупомянутых нормативных порядков должны подвергнуться трансформации. В каждом случае трансформация осуществляется посредством принятия соответствующего трансформационного нормативного акта.

С.В. Черниченко, рассматривавший процесс согласования внутригосударственного и международного права через призму теории трансформации, в своем фундаментальном научном труде «Теория международного права» предложил несколько подходов для классификации видов трансформации. Если в качестве классификационного критерия рассматривается юридико-технический прием, используемый для достижения цели трансформации, то можно выделить три вида трансформации: *инкорпорацию, легитимацию, отсылку* [Черниченко 1999:155-162]. Такая классификация представляется полезной и при изучении процессов функционального взаимодействия международного спортивного права и *lex sportiva*, хотя использование данных терминов в новом контексте требует своего пояснения.

Мы будем рассматривать процесс функционального взаимодействия международного спортивного права и *lex sportiva* в динамическом аспекте в обоих направлениях - как трансформацию норм международного права в нормы *lex sportiva* и как трансформацию норм *lex sportiva* в нормы международного права в ряде случаев. При этом следует характеризовать не только технические способы, наделяющие нормы международного права нормативной силой в рамках *lex sportiva* или наделяющие нормы *lex sportiva* юридической силой в международном праве, что встречается гораздо реже, но и меры организационного обеспечения такой материальной трансформации: в фокусе исследовательского внимания должны оставаться органы и организации, способствующие этому процессу, нормативные

³¹ Гаврилов В.В. Международная и национальные правовые системы: понятие и основные направления взаимодействия. Дисс. ...д-ра юрид. наук. Казань. 2006. С. 14.

документы, лежащие в основе их деятельности, их структура и полномочия.

Инкорпорация в том виде, как ее понимал С.В. Черниченко, предполагает принятие национального закона или подзаконного нормативного правового акта, внешне идентичного международному договору, повторяющего его название, структуру и формулировки. Это может происходить либо на основе трансформационной нормы общего характера, в соответствии с которой все договоры данного государства или их часть рассматриваются в качестве внутригосударственных правовых актов, либо на основе специального решения компетентного органа государственной власти, наделяющего международный договор силой национального правового акта.

Термин «инкорпорация» вполне применим и для обозначения процесса принятия международно-правового акта, идентичного по содержанию документу *lex sportiva*, повторяющего его структуру и формулировки. В качестве такого примера укажем на пример взаимодействия международного спортивного права и *lex sportiva* в сфере противодействия допингу. В настоящее время приложениями к Международной конвенции ЮНЕСКО о борьбе с допингом в спорте от 19 октября 2005 г., имеющими обязательную юридическую силу для государств-участников Конвенции, провозглашены Международный стандарт о запрещенных субстанциях и методах и Международный стандарт о выдаче разрешений для терапевтического использования³², принятые ВАДА в развитие положений Всемирного антидопингового кодекса. Оба приложения идентичны по своему названию и содержанию Первому и Второму Международным стандартам ВАДА соответственно.

Инкорпорация может встречаться и в рамках нормативного порядка *lex sportiva* в ситуациях, когда в случае принятия одного акта *lex sportiva* происходят соответствующие изменения в ином документе *lex sportiva*. Примером такой «внутренней» автоматической трансформации (инкорпорации) может служить указание в ст. 5.3.2

части I Антидопингового кодекса МПК (в ред. от 1 января 2021 г.) на то, что поправки, внесенные ВАДА во Всемирный антидопинговый кодекс, Запрещенный список и/или любой другой Международный стандарт к Всемирному антидопинговому кодексу, вступают в силу автоматически в порядке, установленном ВАДА и что такие поправки будут обязательными для всех лиц, попадающих под действие Кодекса МПК без дальнейших формальностей³³. Кстати, в ст.4.1 текста предыдущей редакции Кодекса МПК (в ред. от 1 июля 2020 г.) напрямую использовалась термин «инкорпорация»: там было заявлено о том, что Антидопинговый кодекс МПК *инкорпорирует* Запрещенный список, который публикуется и пересматривается ВАДА³⁴.

Легитимацией (термин не является общепризнанным, С.В. Черниченко подчеркивал, что он использует его для краткости [Черниченко 1999:157]) является процесс принятия внутригосударственного правового акта – нормативного или индивидуального, который не повторяет внешние признаки международно-правового акта. При этом принятый на национальном уровне нормативный правовой акт выступает одновременно и как трансформационный акт. По нашему мнению, в качестве актов легитимации можно рассматривать принимаемые спортивным миром документы *lex sportiva*, которые по своему содержанию близки международно-правовым актам в определенной области, но вместе с тем не обладают внешними признаками международно-правовых актов (отличающееся название акта *lex sportiva*, указание иных целей в преамбуле, использование других названий при обозначении последовательности разделов документа, учреждение отличных контрольных органов и т.д.). Такие документы принимаются не государствами или международными организациями, а субъектами спортивной деятельности (как правило, международными неправительственными организациями) и облакаются в форму документов, типичных для регулирования внутренней жизни спортивного сообщества

³² Международная конвенция о борьбе с допингом в спорте от 19 октября 2005 г. Доступ: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/doping_in_sport.shtml (дата обращения: 24.06.2022).

³³ International Paralympic Committee: Handbook. Section 2. Chapter 1.2. IPC Anti-Doping Code URL: https://www.paralympic.org/sites/default/files/2021-01/Sec%20ii%20chapter%201_2_IPC%20Anti-Doping%20Code-%202021%20Final.pdf (accessed 24.06.2022).

³⁴ Ibidem.

(регламентов, кодексов, уставов спортивных организаций). Примером такой легитимации служит Кодекс Олимпийского движения о предотвращении манипулирования соревнованиями от 8 декабря 2015 г., который в значительной степени воспринял терминологию Конвенции Совета Европы против манипулирования спортивными соревнованиями от 19 сентября 2014 г. (ст.1), однако предусмотрел меры исключительно дисциплинарной ответственности для нарушителей (ст.4-5)³⁵.

Отсылка в международно-правовой литературе традиционно понимается как технический прием, позволяющий использовать правило, закрепленное международным договором или обычаем, для урегулирования общественных отношений в определенной сфере на национальном уровне. В национальном праве при этом появляется норма, формулировка которой будет идентична формулировке международно-правовой нормы (обычно гипотезе и диспозиции такой нормы, поскольку санкция международно-правовой нормы устанавливает меры ответственности субъектов международного права в случае ее нарушения и не может быть воспроизведена во внутригосударственном праве).

В настоящей статье термин «отсылка» используется расширительно: во-первых, применительно к ситуациям, при которых международно-правовой акт отсылает к документу *lex sportiva*, регулиющему специфическую категорию отношений между субъектами спортивной деятельности; во-вторых, к ситуациям, когда в документах *lex sportiva* содержится упоминание международно-правового акта, которым, по мнению разработчиков, следует руководствоваться при регулировании отношений в определенной области спортивной жизни.

Для иллюстрации первого вида отсылки можно указать на многочисленные упоминания Всемирного антидопингового кодекса в тексте Международной конвенции ЮНЕСКО о борьбе с допингом в спорте. Государства - участники

Конвенции обязуются принимать на национальном и международном уровнях надлежащие меры, соответствующие принципам Всемирного антидопингового кодекса, включенного в число добавлений к Конвенции (ст.3). Необходимость следовать Всемирному антидопинговому кодексу также упоминается в ст.4, 16, 27 Конвенции.

В качестве примера второго вида отсылки следует указать на опыт ФИФА, планомерно движущейся по пути включения в свои документы отсылок к международно-правовым актам, действующим в области защиты прав человека. ФИФА после коррупционных скандалов в руководстве Федерации в 2015-2016 гг. предприняла немало шагов для изменения ситуации и улучшения своего публичного имиджа: были осуществлены преобразования в структуре организации, неоднократно пересмотрены Устав ФИФА, ее Дисциплинарный кодекс и Кодекс ФИФА по этике. В 2016 г. в Уставе ФИФА было впервые закреплено обязательство организации соблюдать права человека: «ФИФА привержена уважению всех прав человека, признанных на международном уровне, и будет стремиться содействовать защите этих прав» (ст.3).

В развитие этого положения в мае 2017 г. Совет ФИФА, главный исполнительный орган организации, опубликовал программный документ – «Политику ФИФА в области прав человека»³⁶. Этот документ содержит ключевые ориентиры для деятельности ФИФА в этой сфере и состоит из 13 пунктов. В п.1 заявлено о том, что документ соответствует «Руководящим принципам предпринимательской деятельности в аспекте прав человека», которые были одобрены Советом ООН по правам человека в 2011 г. и на современном этапе являются основополагающим документом, отражающим подходы ООН к вопросам бизнеса и прав человека³⁷. В п. 2 «Политики ФИФА в области прав человека» заявлено о том, что ФИФА принимает на себя обязательства, корреспондирующие правам человека, закрепленным во Всеобщем билле о правах челове-

³⁵ Olympic Movement Code on the Prevention of the Manipulation of Competitions dated December 8, 2015. URL: https://stillmed.olympic.org/Documents/Commissions_PDFfiles/Ethics/olympic_movement_code_on_the_prevention_of_the_manipulation_of_competitions-2015-en.pdf (accessed 24.06.2022).

³⁶ FIFA's Human Rights Policy. May 2017. URL: <https://img.fifa.com/image/upload/kr05dqyhwr1uhqy2lh6r.pdf> (accessed: 24.06.2022).

³⁷ Совет ООН по правам человека: Резолюция 17/4 «Руководящие принципы предпринимательской деятельности в аспекте прав человека». 16.06.2011. Доступ: https://www.ohchr.org/Documents/Publications/GuidingPrinciplesBusinessHR_RU.pdf (дата обращения: 24.06.2022).

ка (Всеобщей декларации прав человека 1948 г., Пакте о гражданских и политических правах 1966 г., Пакте об экономических, социальных и культурных правах 1966 г.) и в Декларации МОТ «Об основополагающих принципах и правах в сфере труда» 1998 г. ФИФА также заявила о своей готовности руководствоваться иными специфическими международными стандартами в отношении таких уязвимых категорий населения, как коренные народы, женщины, национальные, этнические, религиозные и языковые меньшинства, дети, лица с инвалидностью, трудящиеся-мигранты и члены их семей, правозащитники, в тех сферах, где ее деятельность может оказать неблагоприятное воздействие на права лиц, принадлежащих к этим общностям. Кроме того, заявлено о том, что если ФИФА будет осуществлять свою деятельность в ситуациях вооруженного конфликта, она будет соблюдать требования международного гуманитарного права.

4. Заключение

Международное спортивное право и *lex sportiva* нередко считают синонимичными понятиями, хотя такой подход в корне неверен. Рассмотрение структурного взаимодействия международного спортивного права и *lex sportiva* приводит к выводу о том, что природа двух этих нормативных образований принципиально различная. По нашему мнению, международное спортивное право является отраслью международного публичного права на стадии становления. Оно призвано регулировать международные (в первую очередь межгосударственные отношения) по защите общего блага, публичного интереса – такие, как, например, развитие физической культуры и пропаганда здорового образа жизни для всех, борьба с преступностью в спортивной сфере, противодействие государствам допингу в международном спорте, защита окружающей среды при подготовке и проведении спортивных соревнований, защита нарушенных прав спортсменов и спортивных организаций в международных судах, действующих на основе договоров, закрепляющих права частных лиц и устанавливающих запрет дискриминации по определенным основаниям. *Lex sportiva* – это институт транснационального глобального права, формируемого в результате деятельности не-

правительственных акторов (МОК, МПК и иных спортивных организаций Олимпийского и Паралимпийского движения, ВАДА и др.). Нормы *lex sportiva* адресованы исключительно субъектам спортивной деятельности. В предмет регулирования *lex sportiva* входят вопросы жизни спортивного сообщества – такие, как установление правил для определенного вида олимпийского или паралимпийского спорта, подготовка и проведение международных спортивных соревнований, борьба Олимпийского и Паралимпийского движения с допингом в спорте, противодействие хулиганскому поведению зрителей и дисциплинарным нарушениям со стороны спортсменов, тренеров, спортивных судей, должностных лиц спортивных организаций, установление структуры и полномочий главных органов международных спортивных организаций и разрешение спортивных споров посредством дисциплинарных процедур в рамках их юрисдикционных органов, а также медиации и арбитража в КАС.

Изучение статического аспекта *функционального* взаимодействия международного спортивного права и *lex sportiva* свидетельствует о том, что к числу вопросов, регулируемых исключительно спортивными организациями на основе принципа автономии спорта, относятся установление правил спортивных соревнований, а также вопросы внутренней жизни спортивных организаций (определение структуры, порядок формирования главных органов спортивных организаций и установление их полномочий). Интенсификация транснациональных процессов расширяет зону динамического взаимодействия международного спортивного права и *lex sportiva* и способствует трансформации норм и их переходу из одного нормативного комплекса в другой путем применения специфических технических приемов: инкорпорации, легитимации, отсылки. Отчетливо наблюдается процесс трансформации норм *lex sportiva* в нормы международного права в сфере борьбы с допингом (посредством инкорпорации). Нормы международного права оказывают заметное воздействие на нормы *lex sportiva* в таких сферах, как противодействие манипулированию спортивными соревнованиями и внедрение международно-правовых стандартов в сфере защиты прав человека (посредством легитимации и отсылок).

Список литературы

1. Аметистов Э.М. 1982. *Международное право и труд*. М.: Международные отношения. 272 с.
2. Ануфриева Л.П. 2002. *Соотношение международного публичного и международного частного права: правовые категории*. М.: Спарк. 415 с.
3. Буткевич В.Г. 1981. *Соотношение внутригосударственного и международного права*. Киев: Высшая школа. 311 с.
4. Гавердовский А.С. 1980. *Имплементация норм международного права*. Киев: Высшая школа. 320 с.
5. Вельяминов Г.М. 2015. *Международное право: опыты*. М.: Статут. 1006 с.
6. Захарова Л.И. 2019. Lex mercatoria и lex sportiva: особенности, сходства и различия. – *Lex Russica*. №11. С.70-78. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.156.11.070-078
7. Захарова Л.И. 2022. Горизонтальные и вертикальные споры в области спорта: объем процессуальных гарантий. – *Сборник тезисов XX Международной научно-практической конференции "Кутафинские чтения" МГЮА «Роль права в обеспечении благополучия человека»*. 23-26 ноября 2021 г. М.: Проспект. С.408-411.
8. Захарова Л.И. 2020. Основные направления регулирования спортивной деятельности в рамках ООН. – *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. №12. С.68-82. DOI: 10.17803/2311-5998.2020.76.12.068-082
9. Захарова М.В. 2022. *Учение о юридических картах мира*. М.: Аспект Пресс. 264 с.
10. Игнатенко Г.В. 2012. *Международное право и внутригосударственное право: проблемы сопряженности и взаимодействия: сборник научных публикаций за 40 лет (1972 – 2011 гг.)*. М.: Норма. 416 с.
11. Капустин А.Я. 2010. *Международные организации в глобализирующемся мире*. М.: РУДН. 316 с.
12. Колосов Ю.М. 1974. *Массовая информация и международное право*. М.: Международные отношения. 168 с.
13. Левин Д.Б. 1964. Проблема соотношения международного и внутригосударственного права. – *Советское государство и право*. №77. С.92-93.
14. Марочкин С.Ю. 2011. *Действие и реализация норм международного права в правовой системе Российской Федерации*. М.: Норма. 288 с.
15. Мельник Т.Е. 2012. Государственное регулирование и саморегулирование в области физической культуры и спорта. – *Журнал российского права*. №3. С. 23-32.
16. Мюллерсон Р.А. 1982. *Соотношение международного и национального права*. М.: Международные отношения. 136 с.
17. Понкина А.И., Понкин И.В. 2012. О корреляции lex sportiva и спортивного права. – *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки*. № 3. С.109-118.
18. Соловьев А.А. 2011. *Зарубежные модели и опыт кодификации спортивного законодательства*. М.: Комиссия по спортивному праву Ассоциации юристов России. 100 с.
19. Талалаев А.Н. 1994. Соотношение международного и внутригосударственного права и Конституция Российской Федерации. – *Московский журнал международного права*. №4. С.3-15. DOI: 10.24833/0869-0049-1994-4
20. Усенко Е.Т. 1979. Теоретические проблемы соотношения международного и внутригосударственного права. – *Советский ежегодник международного права, 1977*. М.: Наука. С. 57-86.
21. Черниченко С.В. 1999. *Теория международного права. В 2-х томах. Том 1: Современные теоретические проблемы*. М.: Издательство «НИМП». 336 с.
22. Шумилов В.М. 2002. Международное право и глобальная правовая система. – *Московский журнал международного права*. №4. С.3-19. DOI: 10.24833/0869-0049-2002-4
23. Шумилов В.М. 2016. Понятие глобальной нормативной системы. – *Sumus ubi sumus. Международное право XXI века: мир и безопасность, сотрудничество, права человека: Liber amicorum в честь профессора Людмилы Петровны Ануфриевой*. Отв. ред. Н.А. Соколова. М.: Проспект. С. 301-307.
24. Шуршалов В.М. 1971. *Международные правоотношения*. М.: Международные отношения. 238 с.
25. Buy F. [et al]. 2009. *Droit du sport*. Paris: Lextenso éditions. 288 p.
26. Chappelet J.-L. 2010. *Autonomy of sport in Europe*. Strasbourg: Editions du Conseil de l'Europe. 110 p.
27. Jessup P. 1956. *Transnational Law*. New Haven: Yale University Press. 113 p.
28. Latty F. 2007. *La lex sportiva: recherche sue le droit transnational*. Leiden; Boston: Martinus Nijhoff Publishers. 849 p.
29. Panagiotopoulos D. 2011. *Sports Law. Lex Sportiva and Lex Olympica. Theory and Praxis*. Athens: Ant. N. Sakkoulas Publishers. 740 p.
30. Rigozzi A. 2005. *L'Arbitrage international en matière de sport*. Paris: Bruylant, L.G.D.J., Helbing & Lichtenhahn. 880 p.

References

1. Ametistov E.M. *Mezhdunarodnoe pravo i trud* [International law and labor]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. 1982. 272 p. (In Russ.)
2. Anufrieva L.P. *Sootnoshenie mezhdunarodnogo publichnogo i mezhdunarodnogo chastnogo prava: pravovye kategorii* [Correlation of international public and international private law: legal categories]. Moscow: Spark Publ. 2002. 415 p. (In Russ.)
3. Butkevich V.G. *Sootnoshenie vnutrigosudarstvennogo i mezhdunarodnogo prava* [Correlation of Municipal and International Law]. Kiev: Vysshaya shkola Publ. 1981. 311 p. (In Russ.)
4. Buy F. [et al]. *Droit du sport*. Paris: Lextenso éditions. 2009. 288 p.
5. Chappelet J.-L. *Autonomy of sport in Europe*. Strasbourg: Editions du Conseil de l'Europe. 2010. 110 p.
6. Chernichenko S.V. *Teoriya mezhdunarodnogo prava. V 2-kh tomakh. Tom 1: Sovremennyye teoreticheskie problem* [Theory of International Law. In 2 volumes. Vol.1.: Contemporary Theoretical Problems]. Moscow: Izdatel'stvo "NIMP" Publ. 336 p. (In Russ.)
7. Gaverdovskii A.S. *Implementatsiya norm mezhdunarodnogo prava* [Implementation of norms of international law]. Kiev: Vysshaya shkola Publ. 1980. 320 p. (In Russ.)

8. Ignatenko G.V. *Mezhdunarodnoe pravo i vnutrigosudarstvennoe pravo: problemy sopryazhennosti i vzaimodeistviya: sbornik nauchnykh publikatsii za 40 let (1972 – 2011 gg.)* [International law and Municipal Law: problems of conjugacy and interaction: collection of scientific publications for 40 years (1972 – 2011)]. Moscow: Norma Publ. 2012. 416 p. (In Russ.)
9. Jessup P. *Transnational Law*. New Haven: Yale University Press. 1956. 113 p.
10. Kapustin A.Ya. *Mezhdunarodnye organizatsii v globaliziruyushchemsya mire* [International organizations in the globalizing world]. Moscow: RUDN Publ. 2010. 316 p. (In Russ.)
11. Kolosov Yu.M. *Massovaya informatsiya i mezhdunarodnoe pravo* [Mass Information and International Law]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. 168 p. (In Russ.)
12. Latty F. *La lex sportiva: recherche sue le droit transnational*. Leiden; Boston: Martinus Nijhoff Publishers. 2007. 849 p.
13. Levin D.B. Problema sootnosheniya mezhdunarodnogo i vnutrigosudarstvennogo prava [The problem of correlation of international and national law]. – *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 1964. No. 77. P.92-93. (In Russ.)
14. Marochkin S.Yu. *Deistvie i realizatsiya norm mezhdunarodnogo prava v pravovoi sisteme Rossiiskoi Federatsii* [The Operation of International Law in the Russian Legal System]. Moscow: Norma Publ. 2011. 288 p. (In Russ.)
15. Mel'nik T.E. Gosudarstvennoe regulirovanie i samoregulirovanie v oblasti fizicheskoi kul'tury i sporta [State regulation and self-regulation in the field of physical culture and sports]. – *Zhurnal rossiiskogo prava*. 2012. No.3. P. 23-32. (In Russ.)
16. Müllerson R.A. *Sootnoshenie mezhdunarodnogo i natsional'nogo prava* [Correlation of International and National Law]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. 1982. 136 p. (In Russ.)
17. Panagiotopoulos D. *Sports Law. Lex Sportiva and Lex Olympica. Theory and Praxis*. Athens: Ant. N. Sakkoulas Publishers. 2011. 740 p.
18. Ponkin I.V., Ponkina A.I. O korrelyatsii lex sportiva i sportivnogo prava [Correlation of the lex sportiva and the sports law]. – *RUDN Journal of Law*. 2012. No. 3. P. 109-118. (In Russ.)
19. Rigozzi A. *L'Arbitrage international en matière de sport*. Paris: Bruylant, L.G.D.J., Helbing & Lichtenhahn. 2005. 880 p.
20. Shumilov V.M. Mezhdunarodnoe pravo i global'naya pravovaya sistema [International Law and the Global Legal System]. – *Moscow Journal of International Law*. 2002. No.4. P.3-19. (In Russ.) DOI: 10.24833/0869-0049-2002-4
21. Shumilov V.M. Ponyatie global'noi normativnoi sistemy [The concept of a global regulatory system]. – *Sumus ubi sumus. Mezhdunarodnoe pravo XXI veka: mir i bezopasnost', sotrudnichestvo, prava cheloveka: Liber amicorum v chest' professora Lyudmily Petrovny Anufrievoy*. Otv. red. N.A. Sokolova [Sumus ubi sumus. International law of the XXI century: peace and security, cooperation, human rights: Liber amicorum in honor of Professor Lyudmila P. Anufrieva. Ed. by N.A. Sokolova]. Moscow: Prospekt. 2016. P. 301-307. (In Russ.)
22. Shurshalov V.M. *Mezhdunarodnye pravootnosheniya* [International legal relations]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. 1971. 238 p. (In Russ.)
23. Solov'ev A.A. *Zarubezhnye modeli i opyt kodifikatsii sportivnogo zakonodatel'stva* [Foreign models and experience of codification of sports legislation]. Moscow: Komissiya po sportivnomu pravu Assotsiatsii yuristov Rossii Publ. 2011. 100 p. (In Russ.)
24. Talalaev A.N. Sootnoshenie mezhdunarodnogo i vnutrigosudarstvennogo prava i Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii [Correlation of international and national law and the Constitution of the Russian Federation]. – *Moscow Journal of International Law*. 1994. No. 4. P.3-15. (In Russ.) DOI: 10.24833/0869-0049-1994-4
25. Usenko E.T. Teoreticheskie problemy sootnosheniya mezhdunarodnogo i vnutrigosudarstvennogo prava [Theoretical problems of correlation of international and national law]. – *Sovetskii ezhegodnik mezhdunarodnogo prava, 1977* [Soviet Yearbook of International Law, 1977]. Moscow: Nauka Publ. 1979. P. 57-86. (In Russ.)
26. Vel'yaminov G.M. *Mezhdunarodnoe pravo: opyty* [International law: experiments]. Moscow: Statut Publ. 2015. 1006 p. (In Russ.)
27. Zakharova L.I. Gorizontallye i vertikal'nye spory v oblasti sporta: ob'em protsessual'nykh garantii [Horizontal and vertical disputes in the field of sports: the scope of procedural guarantees]. – *Sbornik tezisov XX Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Kutafinskie chteniya" MGYuA «Rol' prava v obespechenii blagopoluchiya cheloveka»*. 23-26 noyabrya 2021 g. [Collection of theses of the XX International Scientific and Practical Conference "Kutafin Readings" of the Kutafin Moscow State Law Institute "The role of law in ensuring human well-being". November 23-26, 2021]. Moscow: Prospekt Publ. 2022. P.408-411. (In Russ.)
28. Zakharova L.I. Lex mercatoria i lex sportiva: osobennosti, skhodstva i razlichiya [Lex mercatoria and Lex sportiva: peculiarities, similarities and differences]. – *Lex Russica*. 2019. No. 11. P.70-78. (In Russ.) DOI: 10.17803/1729-5920.2019.156.11.070-078
29. Zakharova L.I. Osnovnye napravleniya regulirovaniya sportivnoi deyatel'nosti v ramkakh OON [Main directions of regulating sports activities in the UN]. – *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA)*. 2020. No. 12. P.68-82. (In Russ.) DOI: 10.17803/2311-5998.2020.76.12.068-082
30. Zakharova M.V. *Uchenie o yuridicheskikh kartakh mira* [The doctrine of legal maps of the world]. Moscow: Aspekt Press Publ. 2022. 264 p. (In Russ.)

Информация об авторе**Лариса Ивановна Захарова,**

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права, Московский государственный юридический университет имени О.Е.Кутафина (МГЮА)

125993, Российская Федерация, Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9

Lizakharova@msal.ru
ORCID: 0000-0003-4968-0134

About the Author**Larisa I. Zakharova,**

Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor at the Department of International Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russian Federation, 123001

Lizakharova@msal.ru
ORCID: 0000-0003-4968-0134

Валерия Игоревна РУЗАКОВА

Российский совет по международным делам

4-й Добрынинский пер., д. 8, Москва, 119049, Российская Федерация

ruz-valeriya@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-7547-8661

«МОРСКАЯ ТЕХНОЛОГИЯ»: СОДЕРЖАНИЕ ТЕРМИНА ПО СМЫСЛУ КОНВЕНЦИИ ООН ПО МОРСКОМУ ПРАВУ 1982 г.

ВВЕДЕНИЕ. Принятая в конце XX века для решения наиболее актуальных на тот момент задач по регулированию международных отношений в Мировом океане (распределение и разграничение морских пространств, обеспечение равного доступа государств к ресурсам океана и пр.), Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. представляет собой пример юридического текста, некоторые базовые положения которого требуют дополнительной трактовки. Тенденции глобализации, повлиявшие на развитие международного морского права, трансформация общего международного права, экологического права и исследований, проводимых в рамках реализации Цели 14 в области устойчивого развития («Сохранение и устойчивое использование океанов, морей и морских ресурсов в интересах устойчивого развития»), влекут за собой необходимость дополнительного уточнения терминов, которые используются в регулировании определенных аспектов международного морского права. В течение последнего десятилетия термин «морская технология» приобрел актуальность ввиду растущего технологического обмена государств и их сотрудничества. В то же время недостаточность юридической трактовки оригинального термина в Конвенции ООН 1982 г. затрудняет процесс передачи

морской технологии, а также определения тех технологий, которые можно отнести к морским. Цель настоящего исследования — на основе применимых основополагающих международно-правовых источников проанализировать юридическое содержание термина «морская технология» в соответствии с Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г. В рамках исследования выполнен историко-правовой анализ, анализ применимой международно-правовой литературы, а также содержания положений Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. в контексте развития общего международного права и международного правосознания. Помимо непосредственного определения термина «морские технологии», в статье также дан анализ смежных понятий «доступный», «продвижение», «сопутствующая технология» и др., используемых в международно-правовых документах и литературе.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Настоящее исследование основывается на анализе применимых положений Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. В анализе также использовались вспомогательные источники, такие как Резолюция ГА ООН A/RES/69/245 от 2014 г. о необходимости увеличения возможностей для передачи морского технологического потенциала, «Критерии

и руководящие принципы в области передачи морской технологии» Межправительственной океанографической комиссии ЮНЕСКО, а также международно-правовая литература.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. В рамках настоящего исследования было проанализировано содержательное наполнение понятия «морская технология» в соответствии с применимыми положениями Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.; был выделен ряд терминов, смежных с термином «морские технологии», применяемых в контексте разработки, передачи и эксплуатации морской технологии, а также дано их определение; выявлены и содержательно определены актуальные проблемы, связанные с необходимостью разграничения юридических терминов и уточнения их содержания для обеспечения роста эффективности применения положений Конвенции ООН по морскому праву 1982 года.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. В ходе настоящего исследования автор прослеживает эволюцию термина «морская технология», анализируют его наполнение и приходит к выводу об уточнении содержания данного термина в контексте современной экологизации междуна-

родного правосознания. Сегодня «морская технология» включает в себя не только средства и инструменты добычи морских ресурсов и полезных ископаемых недр морского дна, но и комплекс технологических решений, направленных на обеспечение реализации концепции устойчивого развития в ходе хозяйственной деятельности на море.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Конвенция ООН по морскому праву 1982 г., морская технология, морское право, Межправительственная океанографическая комиссия ЮНЕСКО, передача технологий, международное экологическое право, разведка и разработка ресурсов, обмен технологиями, морские исследования

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Рузакова В.И. 2022. «Морская технология»: содержание термина по смыслу Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. – *Московский журнал международного права*. № 3. С. 119–128. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2022-3-119-128>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

LAW OF THE SEA

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2022-3-119-128>

Valeria I. RUZAKOVA

Russian International Affairs Council

4-i Dobryninskii per., Moscow, Russian Federation, 119049

ruz-valeriya@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-7547-8661

Research article
Received 30 May 2022
Approved 10 August 2022

«MARINE TECHNOLOGY»: CONTENT OF THE TERM UNDER THE 1982 UN CONVENTION ON THE LAW OF THE SEA

INTRODUCTION. Adopted at the end of the 20th century and amidst the need to address the most pressing challenges at the time to regulate international relations in the World Ocean (delimitation of maritime spaces, ensuring equal access of states to ocean resources etc.), the 1982 UN Convention on the Law of the Sea is an example of a legal text, some basic provisions of which require further interpretation. In addition to globalization trends reflected in the development of international law of the sea, the transformation of general international law, environmental law and research carried out under Sustainable Development Goal 14 ("Conserve and sustainably use the oceans, seas and marine resources for sustainable development") entail the need for further clarification of the content of those terms used to regulate certain aspects of international law of the sea. During the last decade, the term "marine technology" has gained relevance in view of the increasing technological exchange and cooperation among States. At the same time, the lack of legal interpretation of the original term in the UN Convention of 1982 presents a problem, making it difficult to transfer marine technology as well as to define those technologies that can be attributed to marine technology. The purpose of this study is to analyze the legal content of the term "marine technology" under the UN Convention on the Law of the Sea, 1982, on the basis of the applicable international legal sources. The study includes a historical and legal analysis, an analysis of the applicable international legal literature as well as the content of the researched provisions of the 1982 UN Convention on the Law of the Sea in the context of the development of general international law and international jurisprudence. In addition to a direct definition of the term "marine technology", the article also analyses related concepts ("accessibility", "promotion", "related technology", etc.) used in international legal instruments and literature.

MATERIALS AND METHODS. This study is based on the analysis of the 1982 UN Convention on the Law of the Sea. Supporting sources were also used in the analysis, such as the UN GA resolution A/RES/69/245 of 2014 on the need to increase opportunities for the

transfer of marine technological potential, "Criteria and Guidelines for the transfer of marine technology" of the Intergovernmental Oceanographic Commission of UNESCO, as well as international legal literature.

RESEARCH RESULTS. The study analyzed the meaning of the term "marine technology" under the applicable provisions of the 1982 UN Convention on the Law of the Sea; identified and gave a definition to a number of related terms used within the context of development, transfer and operation of marine technology; as well as identified and substantively defined the need for distinguishing of the legal terms and clarifying their content in order to ensure greater efficiency of the applicable provisions of the 1982 UN Convention on the Law of the Sea.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. Within the present study, the author traces the evolution of the content of the term "marine technology", analyzes its content and concludes that the scope of this term has been clarified in the context of the modern ecologisation of international legal consciousness. In this context, "marine technology" includes not only the means and tools for the extraction of marine resources and minerals from the seabed, but also, inter alia, a set of technological solutions aimed at ensuring the implementation of the concept of sustainable development in the course of economic activities at sea.

KEYWORDS: 1982 United Nations Convention on the Law of the Sea, marine technology, law of the sea, UNESCO Intergovernmental Oceanographic Commission, technology transfer, international environmental law, exploration and development of resources, technology exchange, marine research

FOR CITATION: Ruzakova V.I. «Marine Technology»: Content of the Term under the 1982 UN Convention on the Law of the Sea. – *Moscow Journal of International Law*. 2022. No. 3. P. 119–128. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2022-3-119-128>

The author declares the absence of conflict of interest.

1. Введение. Актуальность исследования режима передачи морских технологий

Международно-правовой режим развития и передачи морской технологии, который на протяжении десятилетий не показывал высокой эффективности, сегодня вновь стоит на повестке дня, прежде всего в контексте международного экологического права и развивающейся концепции «голубой экономики» (англ. Blue Economy). Хотя соответствующие статьи Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., составляющие основу универсального правового режима передачи морской технологии, остаются неизменными, их толкование и правоприменение меняются в контексте развития общего международного права и эволюции международного правосознания, которое по своей сути все больше направлено на защиту окружающей среды. Так, экологически умная технология (англ. *ecologically smart technology*), в развернутом значении — технологически передовая эко-ориентированная разработка — рассматривается *prima facie* как наилучшая доступная технология, а передача такой технологии все чаще признается неотъемлемой частью реализации концепции устойчивого развития в целом — в отличие от изначального, исключительно экономического контекста, осложненного проблемами в отношениях между развитыми и развивающимися странами [Kaczynski 1989:624].

Необходимость увеличения возможностей для передачи морского технологического потенциала государств была прямо отражена в резолюции ГА ООН A/RES/69/245 от 29 декабря 2014 г. Кроме того, многосторонние обсуждения текста *Соглашения о сохранении и устойчивом использовании морского биоразнообразия районов, лежащих за пределами национальной юрисдикции*¹, также способствуют возвращению к этой теме в международно-правовых дискуссиях, которые не ограничиваются современным толкованием отмеченной выше ч. XIV Конвенции 1982 г.,

специально посвященной развитию и передаче морской технологии [Harden-Davies 2017:800]. Учитывая, что с 2016 г. именно тема передачи морской технологии включена в список целевых показателей, предназначенных для оценки прогресса в достижении Цели 14 в области устойчивого развития («Сохранение и устойчивое использование океанов, морей и морских ресурсов в интересах устойчивого развития»), вопрос о содержательном наполнении самого термина «морская технология» приобретает большую актуальность.

2. Понятие «технология» в международном праве

Понятие «технология» принято рассматривать в нескольких значениях: в общефилософском, также называемом общеупотребительным, и техническом [Alberts 1992:63]. В первом значении понятие «технология» трактуется как осознанное использование людьми знаний и опыта с целью изменить окружающую реальность. Второй подход определяет технологию как «сумму знаний, с помощью которых исходные данные, такие как патентные права, научные принципы и научно-исследовательские и конструкторские разработки (НИОКР), реализуются в производстве товарных промышленных материалов, различных комплектующих и конечных продуктов»². Таким образом, понятие технологии в техническом смысле раскрывает происхождение технологии и ее компоненты. В настоящее время можно привести много доктринальных или же философских определений технологий, которые в последующем оказали влияние на толкование понятия «технология» в международном праве.

Что касается общефилософского подхода к этому понятию, то существует ряд авторитетных определений, повлиявших на понимание термина «технология» в различных областях наук. Дж. Бигелоу в работе «Элементы технологии» дал определение технологиям как «набору

¹ Проект текста соглашения на базе Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву о сохранении и устойчивом использовании морского биологического разнообразия в районах за пределами действия национальной юрисдикции. Доступ: https://digitallibrary.un.org/record/3811328/files/A_CONF-232_2019_6-RU.pdf?ln=ru (дата обращения: 12.05.2022).

² "The quantum of knowledge by which such inputs as patent rights, scientific principle and R&D [research and development] are translated into production of marketable industrial materials, components and end products». См.: Faysal A. The International Legal Regime for the Transfer of Technology to Developing Countries with Special Reference to Deep Seabed Mining. A Thesis. Manchester. 1994. P. 39.

принципов и процессов, принятых в различных областях исследований, связанных научной составляющей и способствующих достижению общественных целей и получению прибыли» [Bigelow 1829:10]. Дж. Галбрайт дал определение технологии как «систематического применения структурированного знания (научного или какого-либо другого) для решения практических задач» [Galbraith 2007:21]. В исследовании А. Грюблера отражен еще один взгляд на содержание термина «технология»: под «технологией» автор понимает «созданные [человеком] объекты, в частности, инструменты [деятельности], применяемые для расширения возможностей человека и удовлетворения его потребностей» [Grübler 2003:19]. При этом сам процесс создания объекта в понимании А. Грюблера также является технологией.

Переходя к определениям понятия «технология», принятым в международном праве, отметим, что в настоящее время здесь нет единого подхода. Рассмотрим некоторые из них, используемые в разных отраслях международного права, поскольку каждой свойственно свое определение «технологии», и далее обратим особое внимание на определение, используемое в международном морском праве.

Необходимо отметить, что практически все эти определения идут по пути второго, «технического» подхода к понятию «технология», но в каждом случае со спецификой, свойственной конкретной отрасли права. Так, ЮНКТАД в проекте Кодекса поведения при передаче технологии исходит из того, что «технология» — это «система знаний для производства продукта, применения процесса или для оказания услуг»³. Таким образом в трактовке ЮНКТАД именно знания, которые используются при создании продукта или услуги, составляют «технология», а не готовый технологический продукт или услуги как таковые.

В зависимости от специфики отрасли международного права, понятие «технология» может использоваться не самостоятельно, а с определенной конкретизацией. В таком случае конкретизирующее словосочетание зачастую становится самостоятельным термином, используемым в рамках данной отрасли.

В международном экологическом праве используются свои «сужающие» термин «технология» понятия: например, понятие «зеленые технологии». Несмотря на то, что не существует общепринятого или согласованного на международном уровне определения «зеленой технологии», в доктрине права данный термин определяется как технология, которая может значительно улучшить экологические показатели по сравнению с другими подобными технологиями⁴. Это понятие перекликается по смыслу с понятием «экологически чистая технология», которое было введено Конференцией Организации Объединенных Наций по окружающей среде и развитию в рамках Повестки дня на XXI век. Согласно данному документу экологически чистые технологии — это «комплексные системы, предполагающие наличие специальной научно-технической информации, процедур, товаров, услуг и оборудования, а также методики соответствующей организационной и управленческой деятельности»⁵. Также в рамках международного экологического права используется такое понятие, как «альтернативные технологии или оборудование». По смыслу Венской конвенции об охране озонового слоя это «технологии или оборудование, использование которых позволяет уменьшить или совсем устранить выбросы веществ, оказывающих или способных оказать неблагоприятное воздействие на озоновый слой»⁶.

Специфическим пониманием технологий отличается и международное морское право. Данный термин используется исключительно в рам-

³ “Technology” is “systematic knowledge for the manufacture of a product, for the application of a process or for the rendering of a service”. См.: UNCTAD: Transfer of technology. 2001. P. 5. URL: <https://unctad.org/system/files/official-document/psiteitd28.en.pdf> (accessed 12.05.2022).

⁴ Повестка дня на XXI век. Принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 г.). Доступ: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21_ch34.shtml (дата обращения: 12.05.2022).

⁵ Там же.

⁶ Венская конвенция об охране озонового слоя 1985 г. Доступ: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/ozone.shtml (дата обращения: 12.05.2022).

ках Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. и в ряде отраслевых документов.

3. Понятие «морская технология» в Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.

Терминологическая проблема, закрепленная в ч. XIV Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., заключается в том, что в ней не предусмотрено какого-либо четкого определения термина «морская технология», в то время как он является ключевым для международно-правового режима разработки и передачи морской технологии [Churchill 1990:54]. Термин «морская технология» определен в п. 2 раздела (A) «Критерии и руководящих принципов в области передачи морской технологии», принятых Межправительственной океанографической комиссией ЮНЕСКО⁷. Согласно этому документу «морская технология» означает «инструменты, оборудование, суда, процессы и методологии, необходимые для производства и использования знаний в целях улучшения изучения и понимания природы и ресурсов океана и прибрежных районов». Однако существуют различные точки зрения, предложенные в других источниках, которые оказывают существенное влияние на точное понимание юридического содержания данного термина.

Следует отметить, что в то время, когда проект статей Конвенции 1982 г. находился на стадии обсуждения, определение «морской технологии» было предметом активных дискуссий между развитыми и развивающимися странами. В частности, высказывалось мнение о желательности более широкого понимания термина «морская технология».

Развивающимся странам удалось добиться включения слов «специализированные» и «жизнеспособные», чтобы лучше определить круг технологий, к которым применяется данная статья. Примечательно, что в заявлениях председателя первой переговорной группы (являвшейся инициатором внесения поправок) объяснялось, что

включение этих слов в текст было направлено на обеспечение всеобъемлющего характера системы передачи. По словам председателя группы, включение этих слов могло бы способствовать более точному указанию на весь спектр технологий, охватываемых п. 5 ст. 5, которые касаются разработки минеральных ресурсов Района⁸.

Общеизвестно, что морская технология в соответствии с Конвенцией 1982 г. не ограничивается добывающим оборудованием. При проведении морских научных исследований и особенно при осуществлении деятельности по защите окружающей среды также необходим доступ к соответствующей технологии, что придает разработке и передаче морской технологии дополнительное значение, выходящее за рамки чисто коммерческих соображений. В этой связи представляется важным более подробно рассмотреть термин «морская технология» для выявления типов объектов, которые подпадают под это определение. При этом сам термин имеет специфику в содержательном наполнении применительно к различным частям Конвенции (в связи с отличиями правового режима передачи морской технологии при разработке в пределах минеральных ресурсов Района). Это предопределяет особую важность правильного толкования и применения соответствующих терминов.

Часть XIV Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. не содержит четкого определения термина «морская технология». Виды технологий, подпадающие под регулирование Конвенции, перечисляются в п. 2 ст. 266, которая устанавливает, что сотрудничество между государствами осуществляется в области разведки, разработки и управления морскими ресурсами, сохранения морских ресурсов и морской среды и проведения морских научных исследований. В то же время статья указывает, что этот перечень не является исчерпывающим и в соответствии с Конвенцией 1982 г. сотрудничество может осуществляться и в других областях и формах.

Отдельно необходимо рассматривать терминологию, применяемую в отношении междуна-

⁷ UNESCO: IOC criteria and guidelines on the transfer of marine technology. 2005. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000139193/> (accessed 12.05.2022).

⁸ См. заявления г-на Ф. Нейенги в: Third United Nations Conference on the Law of the Sea: The activities of the Inter-Governmental Maritime Consultative Organization in relation to shipping and related maritime matters. URL: https://legal.un.org/diplomaticconferences/1973_los/docs/english/vol_3/a_conf62_27.pdf (accessed 12.05.2022).

родно-правового режима передачи морской технологии для разработки минеральных ресурсов Района⁹ в рамках ч. XI и ст. 5 Приложения III Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.

В соответствии со ст. 144 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. в ч. XI («Район»), Орган принимает меры для получения технологии и научных знаний, необходимых для деятельности на дне морей и океанов и в их недрах за пределами национальной юрисдикции, и содействует передаче развивающимся государствам такой технологии, «чтобы все государства-участники получили от этого выгоду».

В ч. XI в отношении морской технологии используется не термин «развитие», а термин «продвижение»; исходя из пункта 2(b) ст. 144 Конвенции 1982 г., он включает, в частности, обучение персонала.

Приложение III к Конвенции 1982 г. «Основные условия поиска, разведки и разработки» также посвящено вопросам освоения минеральных ресурсов Района, и его положения реализуются в соответствии с ч. XI Конвенции 1982 г. В отличие от ч. XIV, пп. 8 ст. 5 Приложения III к Конвенции определяет термин «технология», но только для целей данной статьи. Согласно ей, термин «технология» включает «специализированное оборудование и техническое ноу-хау, в том числе справочники, чертежи, инструкции по эксплуатации, подготовка кадров и технические консультации, и помощь, необходимые для монтажа, обслуживания и эксплуатации жизнеспособной системы, и юридическое право на использование этого в таких целях на неисключительной основе».

4. Виды деятельности и объектов, составляющие понятие «морская технология»

В докладе Генерального секретаря ООН на Третьей конференции ООН по морскому праву «морская технология» в широком смысле определяется как «результат деятельности участников

по контролю и приспособлению к океанической природной среде посредством рационально организованных систем деятельности»¹⁰. Генеральный секретарь ООН перечислил шесть видов такой деятельности: морская добыча нефти и газа; разработка и углубление морского дна; морские сооружения, кабели и трубопроводы; подводные аппараты и подводная среда обитания; извлечение растворенных химических веществ из морской воды; опреснение морской воды. Поскольку этот список был дан под заголовком «описание некоторых видов морской деятельности», он не является исчерпывающим. Более того, в нем уже содержалась определенная экологическая направленность, поскольку было прямое указание на подводную среду обитания¹¹.

В 1981 году Льюис М. Александр выделил четыре основные сферы деятельности, требующие совместного использования морских технологий: добыча полезных ископаемых в океане; защита окружающей среды; морские научные исследования; рыболовство. Кроме того, исследователь подчеркнул, что в будущем могут возникнуть новые сферы деятельности в связи с появлением новых технологий [Alexander 1981:243–249].

Критерии и руководящие принципы МОК по передаче морской технологии также содержат перечень объектов, которые охватывает термин «морская технология»:

- 1) данные и информация о морских научных исследованиях, операции и услуги в удобном для пользователя формате;
- 2) пособия, руководства, критерии, стандарты, справочные материалы;
- 3) оборудование для отбора проб и разработки методологии исследований;
- 4) оборудование и средства наблюдения;
- 5) оборудование для наблюдений, анализа и проведения экспериментов в лабораториях и на местах;
- 6) компьютерное оборудование;
- 7) лабораторное оборудование¹².

⁹ Согласно ст. 133 Конвенции 1982 г., ресурсы Района не включают морские живые ресурсы, а ограничиваются «твердыми, жидкими или газообразными минеральными ресурсами, включая полиметаллические конкреции, *in situ* в Районе на морском дне или в его недрах».

¹⁰ UN: Report of the Secretary-General "Description of some types of marine technology and possible methods for their transfer". February 27, 1975. URL: https://legal.un.org/diplomaticconferences/1973_los/docs/english/vol_4/a_conf62_c3_l22.pdf (accessed 12.07.2022).

¹¹ Ibid.

¹² UNESDOC: IOC criteria and guidelines on the transfer of marine technology. 2005. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000139193/> (accessed 12.07.2022).

При этом виды объектов для передачи, составляющие содержание термина «морская технология» помимо бурового оборудования, как представляется, имеют не только коммерческое назначение. В 1983 году Дж. Ставридис ввел понятие «сопутствующие технологии» [Stavridis 1983:42], под которыми понимались технологии, направленные на поддержание экономической деятельности по освоению ресурсов моря и морского дна, включая те, что обеспечивают экологическую безопасность [Nordquist 1990:38-39]. В основе этого понятия лежит важность использования современных технологий для обеспечения экологической безопасности хозяйственной деятельности на море. Кроме того, развитие технологических инструментов мониторинга, анализа и обработки данных, а также инструментов для морских научных исследований делает передачу морских технологий необходимой для изучения и защиты морского биоразнообразия¹³. Таким образом, термин «морская технология» в зависимости от изучаемых дополнительных условий применения приобретает правовое уточнение, как будет рассмотрено в следующей части настоящего исследования.

5. Понятие «доступный» в контексте режима развития и передачи морских технологий

Другой термин, используемый в рамках ч. XI и ст. 5 Приложения III, — «доступный» («доступная технология»). Согласно ст. 5 («Передача технологии») Приложения III, заявитель, желающий осуществлять хозяйственную деятельность по разработке минеральных ресурсов Района, обязан представить в Орган план работы, содержащий общее описание оборудования и методов, которые предполагается использовать, с характеристиками соответствующей морской технологии и информацией о том, где она является «доступной». Кроме того, при появлении каких-либо значительных изменений в этих характеристиках, включая технологические изменения или новшества, производитель работ обязан сообщить об этом в Орган. В п. 3 ст. 5 Приложения III устанавливаются требования к содержанию контрактов, заключаемых для деятельности в Районе, в отношении обязательств контрактора

по передаче морской технологии. В соответствии со ст. 5 Приложения III, одно из основных требований заключается в том, что по требованию Органа подрядчик обязан предоставить Предприятию на «справедливой и разумной коммерческой основе» технологию, которую он использует при разработке ресурсов Района по контракту (если он имеет на это законное право) [Heu 1992:310]. Таким образом, мы считаем, что «доступная технология» означает технологию, которую можно транспортировать (физический смысл), технологию, которую можно приобрести (экономический смысл), и технологию, права на которую позволяют ее передачу (юридический смысл). Это еще раз демонстрирует связь между передачей морской технологии и принципом наилучшей доступной технологии.

Вопрос разработки и передачи морской технологии также связан с «принципом предосторожности» [Nollkaemper 1991:108]; высказывается даже предположение, что содержание этого принципа включает положения о «наилучшей доступной технологии», где «наилучшая» — это не только наилучшая в экономическом отношении [Harden-Davies 2016:261]. До сих пор остается спорным, становится ли принцип предосторожности принципом обычного права [McIntyre 1997:221], однако общепризнано, что он постепенно приобретает все большее юридическое влияние, поскольку находит отражение в растущем количестве международных документов обязывающего характера, а также в актах национального законодательства государств [Karim 2018:236–238]. В частности, принцип предосторожности встречается в ряде источников, касающихся вопросов защиты морской среды, таких как Лондонская декларация министров 1987 г. Второй международной конференции по защите Северного моря (ст. XVI) и Конвенция по защите морской среды Северо-Восточной Атлантики (ОСПАР) 1992 г. В Конвенции ОСПАР подход предосторожности назван прямо, и широкое применение подобных положений в рамках процедур ОСПАР отмечается аналитиками [Minas 2018]. Таким образом, правовая детерминация рассматриваемого термина и его составляющих находится на стадии трансформирования.

¹³ Вылегжанин А.Н. Международно-правовые основы природоресурсной деятельности государств в Мировом океане. Дисс.... док. юрид. наук. Москва. 2002. С. 255–268

6. Экологическая трансформация понятия «морской технологии»

В последнее десятилетие логика дискуссий о правовом режиме разработки и передачи морской технологии явно смещается от спорного контекста диалога Юг—Север к новой перспективе, где эффективный международный механизм разработки и передачи морской технологии рассматривается как необходимое условие обеспечения общих интересов мирового сообщества в области охраны окружающей среды. В п. 41 резолюции Генеральной Ассамблеи ООН «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» *A/Res/70/1 от 15 октября 2015 года*¹⁴, государства признали, «что каждая страна несет главную ответственность за свое собственное экономическое и социальное развитие»¹⁵. В связи с этим в документе подтверждается необходимость создания новых эффективных инструментов для достижения целей устойчивого развития. Государства признают, что такие инструменты «будут включать мобилизацию финансовых ресурсов, а также наращивание потенциала и передачу экологически безопасных технологий развивающимся странам на благоприятных условиях, в том числе на льготных и преференциальных условиях, по взаимной договоренности»¹⁶. Хотя сфера действия Парижского соглашения 2015 г. не распространяется на морскую технологию, примечательно, что этот международный договор, в рамках которого были сформулированы специализированные положения о передаче технологий, также стал важной вехой в провозглашении экологической важности эффективной передачи технологий¹⁷. Действительно, в соответствии с Соглашением «стороны, отмечая важ-

ность технологий для осуществления действий по смягчению последствий и адаптации...», обязались укреплять «совместные действия по разработке и передаче технологий»¹⁸.

Если проанализировать, какие технологии передаются через механизмы МОК, увидим, что это происходит в основном в отношении технологий, не связанных с добычей полезных ископаемых, а скорее тех, которые относятся к категориям «океанические исследования», «системы наблюдения / управления данными», «раннее предупреждение и службы», «устойчивое управление и руководство» и т. д.¹⁹ Такие технологии обычно имеют четкую экологическую направленность: они нацелены на предотвращение чрезвычайных ситуаций, защиту окружающей среды, проведение морских исследований и создание устойчивых систем управления морскими ресурсами.

7. Заключение

Если в 1970-х и 1980-х годах основные межправительственные обсуждения по вопросам разработки и передачи морской технологии были сосредоточены на самых передовых с технической и коммерческой точек зрения и экономически эффективных технологиях, то сегодня акцент делается на предоставлении доступа к наиболее «экологически чистым» технологиям. В таком правовом контексте технологии добычи минеральных ресурсов не рассматриваются как единственный объект ч. XIV Конвенции 1982 г. К числу таких объектов, как показал анализ, относятся экологически передовые технологии для морских научных исследований, хозяйственной деятельности в море. Более того, именно учет экологических аспектов разработки и переда-

¹⁴ UN: Resolution adopted by the General Assembly on 25 September 2015 “Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development”. URL: https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/generalassembly/docs/globalcompact/A_RES_70_1_E.pdf (accessed 12.05.2022).

¹⁵ Deltares: Sustainable Decommissioning of Offshore Wind Turbine Foundations. URL: <https://www.deltares.nl/en/projects/sustainable-decommissioning-offshore-wind-turbine-foundations/> (accessed 12.05.2022).

¹⁶ Там же.

¹⁷ Paris Agreement. 2015. Art. 10-13. URL: https://unfccc.int/sites/default/files/english_paris_agreement.pdf/ (accessed 12.05.2022).

¹⁸ Там же. Art. 10.

¹⁹ «Передача морской технологии - обмен знаниями и развитие потенциала для устойчивого управления океанами и прибрежными районами». См.: UNESCO: Transfer of marine technology: knowledge sharing and capacity development for sustainable ocean and coastal management. 2015. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000232586?posInSet=20&queryId=2ec36629-a812-425c-9e55-cda3f4405bcc> (accessed 12.05.2022).

чи морской технологии создает новый контекст для понимания и толкования применимых положений Конвенции 1982 г. Благодаря этому можно преодолеть существовавшие в течение продолжительного времени разногласия между развивающимися и развитыми государствами, которые ранее препятствовали эффективной

передаче морских технологий в рамках Конвенции 1982 г., ведь и первая, и вторая группа государств заинтересованы в разработке и передаче экологически чистых морских технологий с целью обеспечения устойчивого развития морских пространств.

Список литературы / References

1. Alberts C.M. Technology Transfer and Its Role in International Environmental Law: A Structural Dilemma. – *Harvard Journal of Law & Technology*. 1992. Vol. 6. P. 63–84.
2. Alexander L.M. Organizational responses to new ocean science and technology developments. – *Ocean Development & International Law*. 1981. Vol. 9. Issue 3–4. P. 241–268. DOI: <https://doi.org/10.1080/00908328109545664>
3. Bigelow J. *Elements of Technology*. Boston. 1829. 562 p.
4. Churchill R.R., Lowe A.V. *The Law of the Sea*. 3rd ed. Manchester: Manchester University Press. 1999. 60 p.
5. Galbraith J. *The New Industrial State*. Princeton; Oxford: Princeton University Press. 2007. 576 p.
6. Grübler A. *Technology and Global Change*. Cambridge: Cambridge University Press. 2003. 464 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781316036471>
7. Harden-Davies H.R. Marine science and technology transfer: Can the Intergovernmental Oceanographic Commission Advance Governance of Biodiversity Beyond National Jurisdiction?. – *Marine Policy*. 2016. Vol. 74. P. 260–267. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.marpol.2016.10.003>
8. Harden-Davies H.R. Research for regions: Strengthening marine technology transfer for Pacific Island Countries and biodiversity beyond national jurisdiction. – *International Journal of Marine and Coastal Law*. 2017. Vol. 32. Issue 4. P. 797–822. DOI: <https://doi.org/10.1163/15718085-13204023>
9. Hey E. The Precautionary Concept in Environmental Policy and Law: Institutionalizing Caution. – *Georgetown International Environmental Law Review*. Vol. 4. Issue 2. 1992. P. 303–318.
10. Kaczynski V.M. In search of self-reliance: Problems of marine technology transfer to the developing countries: The case of West Africa. – *Ocean Development & International Law*. 1989. Vol. 20. Issue 6. P. 623–636. DOI: <https://doi.org/10.1080/00908328909545918>
11. Karim S., Nishanthi S. *Protection of the Marine Environment beyond National Jurisdictions in the Indian Ocean*, Conference paper – Maritime Order in the Indian Ocean, at Deakin University, Melbourne VIC (2018). URL: https://www.researchgate.net/publication/325051695_Protection_of_the_Marine_Environment_beyond_National_Jurisdictions_in_the_Indian_Ocean
12. McIntyre O., Mosedale T. The Precautionary Principle as a Norm of Customary International Law. – *Journal of Environmental Law*. 1997. Vol. 9. Issue 2. P. 221–241.
13. Minas S. Marine Technology Transfer under a BBNJ Treaty: A Case for Transnational Network Cooperation. – *AJIL Unbound*. 2018. Vol. 112. P. 144–149. DOI: 10.1017/aju.2018.46
14. Nordquist M., Nandan S., Rosennes S., Yankov A., Granday N. *United Nations Convention of the Law of the Sea: A Commentary*. Vol. IV. Martinus Nijhoff Publishers. Dordrecht/ Boston/ London (1990) – 769 p.
15. Nollkaemper A. The Precautionary Principle in International Environmental Law: What's New Under the Sun? – *Marine Pollution Bulletin*. 1991. Vol. 22. P. 107–110.
16. Stavridis J. Marine Technology Transfer and the Law of the Sea. – *Naval War College Review*. 1983. Vol. 36. No. 4. P. 38–50.

Информация об авторе

Валерия Игоревна Рузакова,
эксперт, Российский совет по международным делам

119049, Российская Федерация, Москва, 4-й Добрынинский пер., д. 8

ruz-valeriya@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-7547-8661

About the Author

Valeria I. Ruzakova,
Expert, Russian International Affairs Council

4-i Dobryninskii per., Moscow, Russian Federation, 119049

ruz-valeriya@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-7547-8661